

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2012

№ 3 (106)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2012

№ 3 (106)

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1920 г.

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2006 г.

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ –
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. УрО РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. СО РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. УрО РАН
- С. В. Голынец**, акад. РАХ
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Дитрих Беннер, проф. (Германия)
- Дж. Боулт, проф. (США)
- Пол Бушкович, проф. (США)
- М. М. Гиршман** (Украина)
- Массимилиано Гудерцо** (Италия)
- Лай Инчуань, проф. (Тайвань)
- Альберт Ковач, проф. (Румыния)
- Нэнси Коллман, проф. (США)
- М. Н. Липовецкий**, проф. (США)
- Джеральд Майкельсон, проф. (США)
- Арто Мустайоки, проф., вице-президент
МАПРЯЛ (Финляндия)
- Б. Ю. Норманин**, проф. (Белоруссия)
- Хармут Рюсс, проф. (Германия)
- Грэг Саймонс (Швеция)
- Карен Хьюитт, проф. (Великобритания)
- А. Федотов** (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
Н. В. Суслов
- Заместитель главного редактора
по международным связям
Т. С. Кузнецова
- Ответственный секретарь
Е. С. Ковалева
- Члены редколлегии
- Е. В. Грунт**
В. Д. Камынин
А. Г. Кислов
Н. А. Комлева
Т. А. Круглова
С. А. Лукьянин
Н. С. Минаева
А. В. Меренков
В. И. Михайленко
Л. Г. Попова
О. Ф. Русакова
Л. Л. Рыбцова
Е. Г. Трубина
Д. М. Федяев (Омск)
Е. С. Черепанова
А. Ю. Цофнаас
(Одесса, Украина)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	
<i>Коломиец Г. Г.</i> Особенности моделей «общественных машин» в материалистической психиатрии Ж. Делеза и Ф. Гваттари 5	
<i>Грунт Е. В.</i> Правовая культура российского студенчества в социологическом измерении 16	
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ	
<i>Астахов А. З., Попов В. Г.</i> Соотношение понятий «политическое представительство» и «политическое делегирование» в контексте классической социологии политики 24	
<i>Керимов А. А.</i> Специфика парламентаризма при различных формах правления 32	
<i>Мухаметов Р. С.</i> Проблемы российско-китайских отношений на современном этапе 39	
<i>Муратшина К. Г.</i> Межрегиональное сотрудничество РФ и КНР: возможности и пределы (начало XXI в.) 46	
ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА	
<i>Кожевников О. В., Евтухов С. А.</i> Роль процессов слияния и поглощения в глобализации мировой экономики . 57	
<i>Трифонов Е. В.</i> Демократизация муниципальной собственности 68	
<i>Соболев А. О., Темкина И. М.</i> Посткризисное развитие внешней торговли России и регионов: сравнительный анализ 77	
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ	
<i>Герт В. А.</i> К онтологии целостности человека 95	
<i>Исмагилова Ф. С., Макарова Л. В.</i> «Барьерная» среда рынка труда как препятствие для профессиональной интеграции инвалидов 103	
ЭСТЕТИКА И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Лицук Ж. В.</i> Серебряный век в мемуарах и автобиографиях современников 112	
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
<i>Кузубова Т. С.</i> Русские вариации на тему ницшеанского проекта культуры 127	
<i>Нечаев А. А.</i> Понятие внимания в «Идеях-1» Гуссерля 138	
ПЕРЕВОДЫ	
<i>Дион Хрисостом.</i> О царской власти (перевод В. Звиревича) 147	
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ	
<i>Шекунова Т. В.</i> Марксистская интерпретация русской философии XVIII в. 160	
<i>Иванов А. С.</i> Основные типы освещения политических событий в Республике Башкортостан в 2008–2011 гг.: опыт мониторинга новостных лент российских информационных агентств 168	
<i>Авторы номера</i> 179	

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 159.9.016.3 : 141.111 + 159.964.26

Г. Г. Коломиец

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ «ОБЩЕСТВЕННЫХ МАШИН» В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИИ Ж. ДЕЛЕЗА И Ф. ГВАТТАРИ

Статья посвящена выявлению особенностей материалистической психиатрии как философии сознания путем сопоставления с близкими по предметной и проблемной сфере философскими концепциями. Рассмотрение предложенных Ж. Делезом и Ф. Гваттари моделей исторических форм общественного бессознательного и сознания в эпохи первобытности, варварства и цивилизации позволило выявить их специфические черты.

Ключевые слова: Жиль Делез, Феликс Гваттари, материалистическая психиатрия, шизоанализ, общественное бессознательное и сознание.

Философский проект, разработанный Ж. Делезом и Ф. Гваттари и названный ими материалистической психиатрией (шизоанализом), задает исследовательское поле для широкого спектра проблем, относящихся к сфере онтологии, гносеологии, философской антропологии, философии экологии, политологии, психоанализа, культурологии, этики [10, 87].

Особый интерес представляет исторический компонент материалистической психиатрии, в рамках которого реконструируется структура общественно-го бессознательного и сознания, характерная для этапов исторического развития, соответствующих периодизации А. Фергюсона (дикость, варварство, цивилизация).

В связи с этим целесообразными представляются эксплицитное описание концепций Ж. Делеза и Ф. Гваттари и выявление их особенностей в ходе сопоставления с близкими по проблемной и предметной сфере концепциями.

Ввиду того что авторы шизоанализа пользуются собственной терминологией, необходимо разъяснить значение некоторых понятий.

Основанием для построения шизоаналитического дискурса выступает понятие *машины желания* — элементарной структурной единицы бытия, производящей *желание*, понимаемое как любой процесс, не имеющий субъекта, объекта и цели, возникающий спонтанно и проявляющийся прерывисто. Бытие, таким образом, представляет собой линейную цепь машин желания, объединенных посредством аморфного потока материи, передаваемого от одной машины к другой.

Любая совокупность машин желания называется *желающим производством*.

Телом без органов называется любой материальный объект или явление, не способные к производству, не имеющие организации, специализации, дифференциации, наделенный способностью сохранять информацию и выступать в качестве мнимой первопричины производственного процесса (тело без органов притягивает и отталкивает машины желания, структурируя желающее производство в целом). Совокупность информационных данных, сохраняемую на поверхности тела без органов, а также сам процесс записи Делез и Гваттари называют *регистрацией*, — она определяет порядок объединения машин желания и задает границы референции относительно объектов реальности.

Некоторые тела без органов, называемые *социусами*, по мнению авторов шизоанализа, выступают «мнимой первопричиной» социальных структур (подробнее см.: [4, 97–106]).

Желающее производство и социус в совокупности образуют «общественную машину» — так Ж. Делез и Ф. Гваттари называют способ построения общественного бессознательного и сознания, характерный для конкретной исторической эпохи. Реконструкция каждой общественной машины производится путем выделения специфического способа управления экономическими потоками, характерной системы их обозначения и презентации и модели субъективности человека. Различие между общественными машинами, по мнению Делеза и Гваттари, состоит в том, что каждая из них взаимодействует с особым типом социуса: первобытная машина — с телом земли, деспотическая — с телом деспота, капиталистическая — с телом капитала.

В работах, посвященных материалистической психиатрии, проблема общественных машин занимает маргинальное положение. Отдельное внимание ей уделяется лишь в исследованиях А. А. Грицанова [2, 919] и М. Хардта [15], которые мы будем учитывать при проведении собственного описания.

Первобытная территориальная машина

Социальная иерархия, определяющая, по мнению Делеза и Гваттари, структуру общественного бессознательного и сознания в первобытных обществах, выстраивается сообразно степени вовлеченности членов общества в работы на земле, понимаемые в самом широком смысле. Возникает дизьюнкция между членами общины, «инвестирующими органы на полном теле земли», и теми, кто не вовлечен в материальное производство. Иерархия, отраженная в этих дизьюнкциях, образует «постоянный капитал» первобытных общественных отношений, гарантирующий члену сообщества определенный уровень материального благосостояния [14, 164–170].

«Оборотный капитал» первобытной экономики появляется за счет латеральных связей, расширяющих иерархическую систему, — союзов. Первичной и экономически значимой формой союза в примитивных обществах является брак. Динамику расширения общества за счет латеральных связей задает движение «пакетов» долгов, которые возникают при заключении браков.

Пакеты долгов и иерархическая статусная система определяют содержание первобытного информационного кодирования — совокупность параметров, формирующих генеалогическую характеристику индивида, которая запечатлется в общественном бессознательном [13].

Анализируя мифологию примитивных народов, Делез и Гваттари приходят к выводу, что развернутая генеалогическая система не существовала до появления запрета на инцест. Он выполняет двоякую функцию: табу на сексуальную связь с матерью открывает вертикальную генеалогическую линию, а запрет на инцест с сестрой разворачивает систему латеральных связей в форме брачных союзов. В этом случае, по мнению Делеза и Гваттари, вытесняется не желание инцеста, а желающее производство как таковое [14, 182–189].

Понятие долга и развертывающаяся вокруг него совокупность правил формируют также и систему представлений, которая отражает общественное бессознательное и сознание посредством знаковых систем.

Занесение информации о форме и содержании конечного долга в структуру первобытной репрезентации производится посредством мнемотехники, объединяющей голос, графический знак и глаз. Делез и Гваттари трактуют знак расширительно: это не только изображение, но и танец, ритуал, предмет культа и т. д. Поверхностью для записи информации выступает полное тело земли, которое включает в себя тело человека как локальный регион.

Нанесение графического знака на тело всегда носит ритуальный характер. Участники и зрители считают нанесение знака *вместе* со зреющим боли и страдания, которые претерпевает тот, чье тело становится поверхностью для записи. Оценивая качественные характеристики страдания, общество выносит решение о том, можно ли считать «запись» успешной. Если страдания оцениваются как «достаточные», в совокупность экономических отношений внутри общества вносятся коррективы с учетом нового статуса инициируемого [Там же, 218–225].

Приведенное описание позволяет выявить специфические черты первобытной территориальной машины по сравнению с близкими по предметной и проблемной сфере философскими концепциями.

Ф. Энгельс считает, что в качестве основы организации примитивных обществ выступают родовые отношения. Структура и характер брачных связей, по его мнению, не только формируют общественные отношения, но и отвечают за распределение материальных благ. Развитие и усложнение структуры родовых отношений внутри коллектива дают, по мнению Ф. Энгельса, предпосылку для выделения классов из структуры общины и упразднения коллективной собственности на средства производства — первобытные общества характеризуются в первую очередь как родовые [12, 129]. Делез и Гваттари, напротив, считают примитивные общества территориальными.

Об особой роли долга в объяснении формирования общественных отношений следует помнить при сопоставлении взглядов Делеза и Гваттари с концепцией первобытных обществ, предложенной К. Леви-Страссом. Основой примитивного социума, по его мнению, выступает циркуляция женщин. С развитием и усложнением общественных отношений внутри племени процесс перемещения женщин из одной семьи в другую посредством брака получает символические аналоги в виде предметов культа, статусов, прав, ритуалов и других подобных «заменителей». Таким образом, долг и связанная с ним система обязательств, по мнению К. Леви-Страсса, образуют символическую «надстройку» над первичным обменом женщинами, отвечающим за социогенез [1, 387; 16, 34–48]. Шизоанализу присуща противоположная позиция: реальным субстратом общественных отношений в примитивных общинах выступает долг.

Выявить особенности шизоанализа поможет также сопоставление взглядов Делеза и Гваттари с теорией инцеста З. Фрейда. Ее основой выступает прежде всего утверждение о том, что запрет на инцест появляется как реакция на естественное желание человека вступить в сексуальную связь с близкими родственниками. Табу вводится обществом с целью ограничить или исключить деструктивное воздействие этих отношений на генотип популяции. З. Фрейд исходит из мысли о том, что объектом сексуального выбора ребенка всегда является мать, от которой зависят все витальные функции младенца. В ходе роста и развития ребенок, подчиняясь запрету на инцест, учится переносить свои желания с матери на других женщин, но влечение к ней сохраняется в виде Эдипова комплекса, обосновывающего психологию индивида и его социальное поведение [11, 36–37]. В отличие от З. Фрейда авторы шизоанализа считают, что влечение к матери возникает не до, а после появления запрета на инцест.

Концепция первобытной системы регистрации, предложенная Делезом и Гваттари, имеет некоторое сходство с идеями, высказанными Ф. Ницше. Выясняя, каков источник чувства вины и нечистой совести, немецкий философ делает ряд выводов, которые воспроизводятся и в рамках материалистической психиатрии. Основой для формирования чувства вины, по его мнению, выступают взаимоотношения заимодавца и должника, которые, в случае невыполнения последним его обязанностей, завершаются телесным наказанием. Пытки и казни выполняют роль мнемотехники, которая внушает не только самому наказуемому, но и тем, кто становится свидетелем наказания, страх. Воспоминание о наказании — это средство, благодаря которому задаются параметры поведения индивида. По мысли Ф. Ницше, тот, кто способен давать в долг, занимает привилегированное социальное положение по отношению к тому, кому долг необходим [9, 442–445]. Особенности шизоаналитического прочтения идей Ф. Ницше состоят в том, что: а) в рамках материалистической психиатрии в совокупность элементов мнемотехники жестокости (графизм и глаз) добавляется голос; б) любой социальный акт обоснован долгом, но не любой долг связан с телесным наказанием.

Исходя из проведенного сопоставления, можно сформулировать специфические черты шизоаналитической модели первобытной территориальной машины:

- 1) первобытное общество организуется по территориальному принципу;
- 2) основой социально-экономической структуры примитивных обществ выступает долг, позволяющий развернуть генеалогическую систему общества;
- 3) первобытная система представления образована голосом, глазом и графизмом, который объединяет обширный спектр онтологических фактов, имеющих информационный смысл;
- 4) запрет инцеста выступает в роли чистой границы между свойственной архаическому бессознательному неразличимостью частных лиц и их строгой генеалогической характеристикой после введения запрета на инцест.

Варварская деспотическая машина

Варварская деспотическая машина возникает в результате радикального изменения способа обозначения экономических потоков, присвоения всех их одним лицом (деспотом). Исторический проект Делеза выделяет варварскую деспотическую формацию как общественную систему, развивающуюся в виде надстройки над первобытной территориальной машиной [14, 229–230].

Благодаря введению нового типа кодирования механизм распределения экономических потоков значительно изменяется. Желаемое производство реорганизуется вокруг нового социуса – тела деспота.

Воздействие деспота на систему экономических потоков сводится к их присвоению. Его легитимность обосновывается якобы божественным происхождением или прямым отождествлением с Богом. В результате выстраивается дополнительное генеалогическое измерение, имеющее линейный вид: Бог → Деспот → Народ. В психологическом плане «прямое происхождение» как элемент и метод перекодирования потоков возникает в результате двойного символического инцеста (с сестрой и матерью) [Там же, 236–239].

На «прямой» генеалогии основывается и специфический способ кодирования, который делает все продукты производства собственностью деспота или, иными словами, прибавляет к конечным долгам в локальных сообществах новый бесконечный долг деспоту за существование самих субъектов. Процесс перекодирования осуществляется благодаря бюрократическим системам, которые образуются вокруг деспота. Так устанавливается линейная связь между каждым субъектом и деспотом.

При этом изменяется форма записи и воспроизведения информационного кода. Коды, регулирующие движение экономических потоков в деспотическом обществе, отражены в линейном фонетическом письме.

Элементы, образовавшие ранее «треугольник» территориального представления, вступают в иные взаимоотношения. Анализируя соотношения голоса и графизма, Делез и Гваттари отмечают, что письмо в деспотических обществах, в отличие от первобытных, выстраивается с учетом однозначного соответствия между вербальным и графическим знаками. Линейное письмо – это процесс сохранения трансцендентного закона с целью последующего воспроизведения в сознании подданных, это синтез голоса, глаза и графизма, преобразующий «магический треугольник» в пирамиду [Там же, 243].

Для выявления особенностей описанной модели необходимо сопоставить ее со сходными философскими концепциями.

Концепция варварской деспотической машины отчасти воспроизводит модель азиатской формы собственности, описанной К. Марксом в черновом варианте «Капитала». Азиатская форма собственности развивается как экономическая надстройка, возникающая в момент, когда кочующее племя оседает на определенной территории. Коллективная собственность на землю как условие и субстрат производства выступает основой, на которую впоследствии накладываются предпосылки всякого землепользования — единство земли и божество как высший собственник. Отсюда и проистекает особенная роль деспота как прямого наследника божества или его персонификации [5, 7; 7, 462–464]. Отличия модели варварской деспотической машины от описанной концепции заключаются в следующем: в шизоанализе раскрывается сущность взаимосвязи двойного символического инцеста и генеалогической структуры, основанной на прямом происхождении; Делез и Гваттари учитывают значение письменности для присвоения деспотом прибавочного продукта.

Наиболее близка воззрениям Делеза и Гваттари концепция мегамашины, выдвинутая Л. Мэмфордом. Мегамашина — это особая форма организации колективного труда, основанная на аккумуляции больших групп рабочих, на деперсонализации и дегуманизации трудящегося. Мегамашина представляет собой огромный конгломерат людей, функция которых сводится к выполнению стандартизованных механических движений, сформированный сообразно поставленной цели (например, сооружение пирамиды). Мегамашина возникла одновременно с институтом авторитарного правления, обоснованным системой сакральных знаний, свидетельствующих о божественном происхождении деспота. Мегамашина составляется из разрозненных частей, существенно удаленных друг от друга. Для успешной координации их действий требуются единственный центр управления и развитая система коммуникации, воплотившаяся в бюрократических институциях Древнего мира. Л. Мэмфорд подчеркивает важность возникновения письменности и арифметики больших чисел для создания и развития мегамашины. Письменность — это способ безуказненно точной записи и воспроизведения приказов деспота. Роль же арифметики, берущей начало в системе учета храмового имущества, состоит в формулировке и решении частных задач проекта мегамашины. Таким образом, за счет передачи письменных приказов по цепочке обеспечивается полноценное функционирование мегамашины. Деспот, находясь на вершине пирамидальной иерархии, занимает позицию непроизводительной части мегамашины [8, 70].

Важной отличительной чертой шизоанализа является детальная проработка проблематики, связанной с ритуальным инцестом и с прямым происхождением.

Таким образом, особенности модели варварской деспотической машины, предложенной Делезом и Гваттари, сводятся к следующему:

1. Функционирование варварской деспотической машины охватывает хронологический период от возникновения первых государств и до зарождения капиталистических отношений.

2. Определяющую роль в возникновении и развитии имперского бессознательного играет ритуальный двойной инцест, совершаемый деспотом, легитимирующий его божественное происхождение и статус «отца народа».

3. Работа варварской деспотической машины происходит беспрерывно, независимо от необходимости выполнения крупных строительных работ и масштабных военных действий.

Цивилизованная капиталистическая машина

Капиталистическое общество, по мнению Делеза и Гваттари, возникает благодаря радикальному разрыву с предшествующими системами, заключающемся в устраниении системы кодирования и замене ее на новый способ регистрации, основанный на абстрактном количестве.

Ключевыми понятиями для данной модели выступают «детерриториализация» и «ретерриториализация». Детерриториализация — это процесс отделения материального потока от его внеэкономических характеристик, сопровождающийся элиминацией последних из общественного бессознательного. Ретерриториализация — это связывание потоков посредством установления дифференциальных отношений между ними. Делез и Гваттари утверждают, что в капиталистическом обществе два этих процесса слиты воедино [14, 307].

Зарождение капиталистической общественной машины и соответствующего ей типа бессознательного основано на случайности и связано с раскодированием всех потоков. Если движение закодированных потоков сопряжено с качественными характеристиками производства, то детерриториализированные потоки движутся по законам, задаваемым абстрактными количествами (качество потока замещается его «ценой» в самом широком смысле этого слова).

По мнению Делеза и Гваттари, первый прецедент капиталистических отношений возникает при встрече нескольких раскодированных потоков: частных земельных владений, средств производства и независимых наемных рабочих. Исторический процесс пронизан рядом совпадений, благодаря которым происходила постепенная детерриториализация материально-экономических потоков. Встреча и взаимная реакция целого набора раскодированных потоков сопровождается образованием нового социуса — капитала. Последний является единственным телом без органов, являющимся по природе экономической инстанцией [Там же, 265–266].

Образование нового социуса сопряжено с глобальным декодированием материальных потоков, но не сопровождается их освобождением. Регуляция передвижения потоков в капиталистическом обществе осуществляется посредством денег. При встрече двух материальных потоков деньги конкретизируются, с одной стороны, в качестве платежного средства, с другой стороны, в качестве капитала. Такая дуальная форма позволяет связывать любые потоки и детерминировать их передвижение. Благодаря способности капитала к постоянной регенерации и производству прибавочной стоимости (Делез и Гваттари выводят следующую форму прибавочной стоимости: $x' = x + dx$), он является универсальным источником аксиоматизации.

Тот факт, что в капиталистическом обществе социусом служит экономическая субстанция, обуславливает и особое отношение между производством и антипроизводством. Если в докапиталистических обществах непроизводящая инстанция трансцендентна по отношению к реальному экономическому производству, то при капитализме антипроизводство становится неотделимой частью любого производительного акта. Капитал, будучи непроизводящей субстанцией, тем не менее объективно существует с производственным процессом: например, станок, производящий продукт, одновременно является промышленным капиталом и в этом аспекте непроизводящей сущностью. В психологическом плане объединение производства с антипроизводством означает синтез либидо и инстинкта смерти, т. е. введение нехватки в желание [14, 269–274].

Особый интерес в аспекте выявления специфики общественного бессознательного в цивилизованных сообществах представляет система капиталистического представления. Делез и Гваттари утверждают, что при капитализме производится декодирование письма. Капитализм разрывает связь между графизмом, голосом и фигурой despota. Если despотическое представление ориентировано на соотнесение знака с трансцендентным означающим, а материального потока — с его качественной характеристикой, то задача капиталистического письма состоит в связывании раскодированных потоков в поле имманентности капитализма. Письмо при этом сводится к совокупности минимальных фигур (т. е. элементов знака), которые обретают значение только во взаимосвязи друг с другом. Любая комбинация фигур, таким образом, взаимозаменяема и нестойка. Здесь имеет место взаимная детерминация плана выражения и плана содержания. Посредником между этими потоками, как и в случае потоков материи, выступает аксиоматика абстрактных количеств [Там же, 285–293].

Процессы детерриториализации и ретерриториализации выражаются также в изменении способа производства субъективности, которая в капиталистическом обществе воспроизводится на основании Эдипова комплекса как матрицы, задающей форму и содержание «частных лиц». Если в докапиталистических обществах семья как форма общественного *воспроизведения* была неотделима от общественного *производства*, то в рамках цивилизованной капиталистической машины производственные функции семьи реализуются вне зависимости от воспроизведения популяции. Социальный статус индивида определяется не происхождением и семейным положением, а количеством и способом реализации его денег. Индивид становится производным от экономических отношений, в которые он вступает. Формы субъективности, порождаемые таким способом, Делез и Гваттари называют образами, а «частных лиц» — представителями этих образов, т. е. симулякрами, которые и становятся элементарной единицей капиталистического бессознательного. На них и осуществляется воздействие цивилизованной капиталистической машины, приводящее к образованию Эдипова треугольника.

По мнению Делеза и Гваттари, Эдипов треугольник является коррелятом образов всемирной истории. Он заполнен архаическими образами, представителями которых выступают симулякры. Симулякр матери объединяет совокупность элементов и производственных процессов первобытной территориальной

машины, симулякр отца — варварской деспотической машины, а симулякр ребенка — капиталистической субъективности, структура которой обоснована специфически Эдиповыми предпосылками. К ним относятся введение инстинкта смерти в желание и связь между желанием и нехваткой [14, 313–324].

Для выявления специфических черт описанной модели необходимо провести ее сопоставление с философскими концепциями, имеющими сходную смысловую структуру.

Целесообразно начать с сопоставления модели цивилизованной капиталистической машины с предложенной К. Марксом концепцией капитала. Генезис капитала, по его мнению, сопряжен с переходом от схемы «товар– деньги–товар» к схеме «деньги–товар–деньги». Первая представляет собой законченный цикл, в ходе которого при реализации товара полученные деньги затрачиваются на приобретение другого товара, который в результате исключается из системы товарного обмена. Несмотря на эквивалентную стоимость начального и конечного товара, двигателем обмена являются прежде всего их качественные характеристики. Вторая схема основана на качественной однородности исходного и конечного продукта (т. е. денег). Обмен денег на товар и последующая его реализация производятся безотносительно к качественным характеристикам. Цикл накопления капитала бесконечен, так как деньги, полученные в ходе перепродажи товара (прибавочная стоимость), дают начало новому обмену, что позволяет К. Марксу ввести формулу прибавочной стоимости: $D' = D + DD$. Бесконечное воспроизводство этой схемы, результатом которого является безграничное возрастание капитала, является субъективной целью, характеризующей форму субъективности, присущую собственнику средств производства. К. Маркс утверждает, что капиталист, как частное лицо, является производной капитала или, иными словами, его персонификацией [6, 157–166].

Приведенное описание в общих чертах совпадает с моделью цивилизованной капиталистической машины. Однако в модель, предложенную Делезом и Гваттари, включен ряд черт, специфичных для материалистической психиатрии: в этой модели рассматриваются не только экономико-онтологическое измерение капитализма и его субъективирующие функции, но и присущая ему форма представления; Делез и Гваттари предлагают иную формулу прибавочной стоимости: $x' = x + dx$.

Существенным сходством с шизоанализом наделена глоссематика Л. Ельмслева.

Формируя руководящие принципы лингвистического анализа, датский лингвист утверждает, что исследование, претендующее на строгое и полное описание, базируется на разделении исследуемой сущности на минимальные элементы сообразно принципу, задающему отношения между ними. Следовательно, подлинным предметом анализа является принцип деления исследуемого объекта и установление конкретных закономерностей, определяющих отношения между его минимальными элементами. Это положение позволяет Л. Ельмслеву отказаться от исследования языковой субстанции [3, 281–283].

По мнению Л. Ельмслева, единицей значения в языке выступают морфемы, однако выделение морфем не является пределом аналитического разделения

языка. Язык порождает все многообразие знаков при соотнесении незначащих элементов (фигур) друг с другом. При объединении фигур в определенную конфигурацию возникает фонема. Язык как совокупность фигуративных построений распадается на два плана: план выражения и план содержания, которые обладают свойством взаимной детерминации. По этой причине невозможно не только их строгое разделение, но и локализация. По мнению Л. Ельмслева, нет четких критериев, относящих ту или иную фигуру или совокупность фигур к плану выражения или плану содержания. Отношения между этими планами, как и отношения между фигурами, можно описать, опираясь на методы математического анализа. Значит, абстрактные количества выступают посредником между планами выражения и содержания [3, 300–307].

Специфическим для материалистической психиатрии можно считать предположение о том, что описанные принципы распространяются не только на семиотические, но и на экономические и психологические системы. Важно также отметить, что Делез и Гваттари, в отличие от Л. Ельмслева, считают, что язык без означающего является результатом устранения трансцендентного означающего и последующей конъюнкции выражения и содержания. При этом указывается конкретный характер отношений между взаимодействующими единицами — дифференциальные отношения.

На основании проведенных сопоставлений можно судить о специфических чертах капиталистической цивилизованной машины как исторической формы коллективного бессознательного. Особенности этой модели сводятся к следующему:

1) модель цивилизованной капиталистической машины применима для анализа сознания и бессознательного, начиная с возникновения капиталистических отношений;

2) предложенная Делезом и Гваттари концепция коллективного бессознательного в капиталистическую эпоху охватывает проблемное поле, связанное с онтологией и экономикой материальных потоков, теорию представления и соответствующую им модель субъективации;

3) для цивилизованной капиталистической машины характерна особая формула прибавочной стоимости, выводимая из дифференциальных отношений между потоками: $x' = x + dx$.

Итак, в ходе сопоставления предложенных Делезом и Гваттари моделей исторических форм коллективного бессознательного и сознания — первобытной территориальной, варварской деспотической и цивилизованной капиталистической машины — удалось выявить специфические черты, характеризующие историческое измерение шиозаналитической философии сознания как оригинальную концепцию, осуществляющую синтетическое осмысление человеческого бессознательного и сознания в соотнесении с экономическими аспектами его функционирования и присущими ему формами презентации.

1. Грегори К. А. Дары // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена : пер. с англ. / науч. ред. чл.-корр. РАН В. С. Автономов. М., 2004.

2. *Грицанов А. А., Вашкевич А. В.* Шизоанализ// Всемирная энциклопедия: Философия, XX век. М., 2002.
3. *Ельмслев Л.* Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
4. *Коломиец Г. Г.* Особенности моделей онтологической, информационной и эмоциональной структур бессознательного в материалистической психиатрии Ж. Делеза и Ф. Гваттари // Изв. Урал. гос. ун-та. 2011. № 4 (97).
5. *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1959. Т. 13.
6. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1960. Т. 23.
7. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1968. Т. 46, ч. 1.
8. *Мэмфорд Л.* Миф машины // Утопия и утопическое мышление. М., 1991.
9. *Ницше Ф.* К генеалогии морали. Полемическое сочинение // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2.
10. *Попова Н. Г.* Французский постфрейдизм: критический анализ. М., 1986.
11. *Фрейд З.* Тотем и Табу. СПб., 2005.
12. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения : в 3 т. М., 1986. Т. 3.
13. *Deleuze G.* Cours Vincennes : nature des flux - 14/12/1971 // Webdeleuze.com [Electronic resource]. URL: <http://www.webdeleuze.com/php/texte.php?cle=121&groupe= Anti%20Oedipe%20et%20Mille%20Plateaux&langue=1> (дата обращения: 20.01.2012).
14. *Deleuze G., Guattari F.* L'Anti-Edipe – Capitalisme et schizophrénie. Р., 1972.
15. *Hardt M.* Anti-Oedipus: Part Three // Hardt M. Reading Notes on Capitalism & Schizophrenia [Electronic resource]. URL: <http://www.duke.edu/~hardt/ao3.htm> (дата обращения: 20.02.2012).
16. *Levi-Strauss C.* Les structures elementaires de la parente. Paris, 2002.

Рукопись поступила в редакцию 28 апреля 2012 г.

УДК 378.115.15 : 37.014 + 316.354.2

Е. В. Грунт**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ**

В статье дается теоретический анализ понятия «правовая культура личности», рассматривается социологическое содержание данного понятия, предлагается типологический анализ правовой культуры российского студенчества.

Ключевые слова: право, культура, правовая культура, правовая культура студентов, типология.

Построение в стране правового государства, вступление России в Болонский процесс, происходящие в обществе глубокие социокультурные, экономические и политические изменения меняют механизмы формирования личности. В этих условиях проблема формирования правовой культуры молодежи, в том числе и студенческой, приобретает особую значимость.

Прежде чем рассматривать правовую культуру студентов, обратимся к понятию «правовая культура». В контексте отношения человека и права и возникает проблема правовой культуры личности. Появление этого понятия — процесс неизбежный. Однако при столь существенном его значении оно еще не определено в социологической науке. Сложность определения данного понятия состоит в том, что проблематично само понятие «правовая культура», состоящее из двух самостоятельных научных категорий — «культура» и «право». Мы не станем анализировать имеющиеся в науке подходы к понятиям «право» и «культура», так как это не входит в задачи нашего исследования. Однако считаем целесообразным дать свою точку зрения по этому вопросу. Под правом мы понимаем инструментальную ценность, представляющую собой совокупность обязательных для исполнения личностью норм закона, определяющих социальные отношения, установленные группой для принадлежащих к ней индивидов. Культуру мы рассматриваем как меру развития социальных сил личности в процессе ее жизнедеятельности [6, 185]. Определившись с данными понятиями, перейдем к анализу правовой культуры личности.

Правовая культура личности является разновидностью культуры в целом, подчиняется общим закономерностям функционирования и развития культуры, но обладает собственными, отличными от других видов культуры, ценностями, знаниями, нормами. Обладая правовой культурой, личность обладает определенными умениями и навыками взаимодействия в правовой сфере.

Сегодня в современной социальной науке сложилось несколько подходов к анализу понятия «правовая культура». Остановимся лишь на рассмотрении некоторых из них и попытаемся дать свое толкование данного понятия.

В рамках деятельностиного подхода в правовую культуру включают весь комплекс овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере дей-

ствия права, — как негативных, так и позитивных (К. А. Моралева, Р. С. Могилевский, Т. В. Муслюмова) [7; 8; 9, 78; 10, 12]. Таким образом, данное определение не учитывает правовые нормы и ценности, на основе которых возможна правовая деятельность личности.

Аксиологический подход (Г. И. Балюк, А. Ф. Гранин, В. Д. Шишкин, Л. С. Явич) трактует правовую культуру как комплекс ценностей, имманентно присущих определенному историческому периоду [2, 21; 11, 17; 13, 43]. Слабость данной позиции, на наш взгляд, в том, что предлагаемый подход не позволяет сформулировать достаточно четкие критерии для определения того, что следует считать ценностями. Ограничивааясь им, нельзя вычленить правовые ценности, без учета которых невозможно понять правовую культуру.

Следующий подход в научной литературе известен как технологический. Правовая культура понимается как исторически изменяющаяся совокупность приемов, процедур, норм, характеризующих уровень правовой деятельности, достигнутый обществом. Акцент здесь ставится не на то, что делается в правовой сфере, а на то, как это делается. В юридической литературе данную концепцию достаточно последовательно и плодотворно разрабатывает Е. С. Зорченко, который рассматривает культуру как способ деятельности, как своего рода технологии (приемы, способы, процедуры) деятельности [1, 18; 3, 15].

Антрапологический подход ориентирован на выделение в культуре прежде всего субъективных элементов правовой сферы общественной системы. Культура рассматривается как исторически обусловленная совокупность навыков, знаний, идей и чувств людей, а также их закрепление в различного рода общественных явлениях (например, на производстве или в бытовом обслуживании). Исследователи исходят из концептуальной идеи о том, что взаимодействие правовой и других видов культуры происходит в результате взаимосвязи и взаимовлияния однотипных культурных комплексов, принадлежащих к разным культурным сферам (политической, нравственной, правовой и пр.) [3, 26; 4, 23].

В рамках информационно-семиотического подхода правовая культура понимается как правовая информация, которая накапливается, сохраняется и передается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых систем. Авторы выделяют культуру поведения (информация, обеспечивающая поведение) и культуру законодательства (информация, содержащаяся в законодательстве) [5, 146].

К сожалению, рамки статьи не дают возможности рассмотреть все имеющиеся подходы в научной литературе. Мы полагаем, что проведенный нами анализ позволяет уточнить социологическое содержание понятия «правовая культура личности». Его можно определить как особое взаимодействие личности с органами законодательной и исполнительной власти на основе интериоризации правовых знаний, норм, ценностей, обеспечивающих ей законопослушное поведение во всех сферах повседневной жизни.

Качественным своеобразием правовой культуры во всей ее полиморфности является такая особенность, которая заключается в конкретизации общественной и правовой практики. Проявляется это в тех способах, которыми

личность посредством своей предметной деятельности определяет формы своего существования.

Правовая культура личности в концентрированном виде соединяет в себе правовые знания, взгляды, нормы, ценности и установки личности, а также ее правовую активность. Сформированная правовая культура позволяет человеку правильно воспринимать и перерабатывать адресованную ему как члену общества социально-нормативную информацию, оценивая свои и чужие действия и поступки с точки зрения действующих законов, определять для себя конкретные цели и выбирать законные средства для их достижения.

При этом следует иметь в виду, что правовая культура — это многоступенчатое образование, которое в зависимости от ее носителей (субъектов) классифицируется на отдельные типы. Необходимо различать прежде всего правовую культуру всего населения, правовую культуру различных социальных групп общества, в которой, в свою очередь, выделяются правовая культура больших и малых социальных групп, отдельных индивидов. Иногда в научной литературе говорят о правовой культуре государства. Правовая культура может быть также представлена на основании социально-демографических, профессиональных и других критериев, как правовая культура молодежи либо других возрастных категорий, как правовая культура юристов (внутри которых есть своя градация — система) и неюристов, руководителей, педагогов и пр. На основании тех или иных выполняемых личностью социальных ролей она представлена как правовая культура родителей, продавцов, покупателей, пассажиров и т. д. Таким образом, перечень субъектов правовой культуры, по-видимому, бесконечен.

Мы полагаем, что только в рамках субъектного аспекта возможно изучение степени гарантированной государством свободы личности в единстве с ее ответственностью перед обществом. Это связано с тем, что складывающиеся ныне правосубъектные отношения характеризуют данных субъектов не только как участников социальных связей и отношений, но и как субъектов правовой культуры российского государства, цель которой заключается в обеспечении устойчивости и стабильности, а также в определении социально-правовых статусов российского общества.

Правовая культура личности выступает формой осознания и регулирования общественной жизни, поддержания ее целостности. В ней признаются и действуют выработанные обществом правила и нормы, законы социального взаимодействия и осуществляется обмен социальным опытом и информацией.

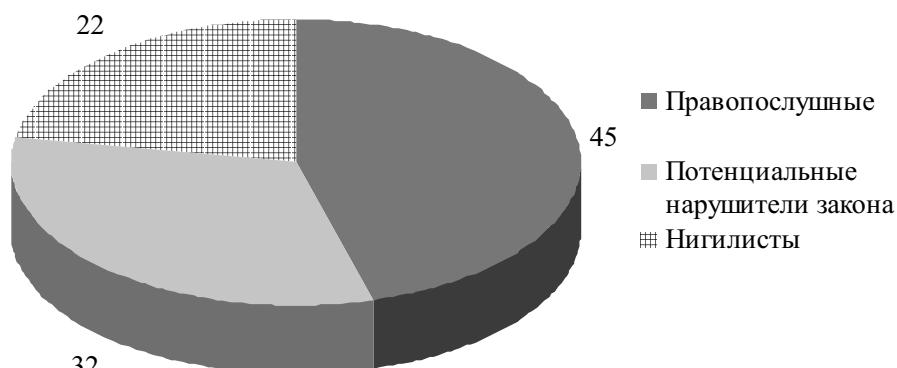
Правовая культура личности является регулятором образа жизни, в котором системы ценностей и традиций объединяют людей и становятся основными ориентирами в их деятельности. Таким образом, правовая культура выступает как особая форма самоорганизации и жизнеобеспечения общества, социальных групп на основе общепризнанных ценностей и норм, а также действующих законов. Она обеспечивает устойчивые образцы правового поведения и способствует воспроизведству социально-тиpического в личности. С этих позиций мы в дальнейшем будем анализировать правовую культуру студентов.

В 2011 г. нами было проведено социологическое исследование, посвященное проблеме формирования правовой культуры студентов. Методами сбора

первичной информации выступали анкетный опрос, глубинное интервью, вторичный анализ данных. Исследование проводилось в вузах Челябинска. Челябинск является типичным российским городом-миллионером, где сосредоточены вузы, в которых обучаются студенты всех специальностей (гуманитарных, естественных, технических, социальных), поэтому данные нашего исследования с некоторой долей условности можно экстраполировать на российское студенчество в целом.

Для анализа правовой культуры нами был избран метод типологического анализа. Он позволил выделить сущностные характеристики, особенности правовой культуры студентов с точки зрения наличия правовых знаний и ролевого поведения в обществе; помог выявить многообразие проявлений правовой культуры студентов в современных условиях; воспроизвести и описать некоторые из ее измерений. Безусловно, мы понимаем, что предложенная нами типология не дает исчерпывающего представления об изучаемом социальном феномене. Мы согласны с Г. Г. Татаровой в том, что при конструировании эмпирической типологии не все группы признаков (признаки – характеристики изучаемого явления; признаки – условия существования; признаки – причина его существования (факторы)) могут присутствовать в полученных типах [12, 52].

В соответствии с поставленной в исследовании задачей была сконструирована типология правовой культуры студентов. В качестве основания типологии было принято суждение: если личность обладает правовыми знаниями, отражающимися в наличии правовых качеств, то для нее характерно соответствующее ролевое поведение в обществе. Нами выделено сочетание трех коррелирующих между собой признаков: 1) наличие/отсутствие правовых знаний; 2) интериоризация правовых норм и ценностей; 3) участие в социальной деятельности на основе интериоризированных правовых норм и ценностей. В результате выделено три типа правовой культуры студентов: «правопослушные», «потенциальные нарушители закона» и «нигилисты» (см. рисунок).

Типы правовой культуры студентов, % от числа опрошенных

Первый тип, «правопослушные», характеризуется наличием правовых знаний, интриоризацией правовых норм и ценностей. Повседневные практики представителей данного типа осуществляются на основе соблюдения законов. Среди опрошенных молодых людей 45,0 % — носители данного типа правовой культуры. По социально-демографическим признакам среди студентов преобладают респонденты в возрасте 20–23 лет. Как правило, это студенты старших курсов вузов. Практически все они в той или иной степени прошли курсы права. Представителями данного типа чаще являются девушки, а не юноши (58,0 и 29,0 % соответственно).

В ходе исследования выявлено несколько качественных показателей, которые характеризуют данный тип правовой культуры студентов. Представителей его отличает наличие интереса к праву и правовой системе общества (большинство опрошенных). Существенной разницы не обнаружено между студентами, обучающимися на гуманитарных факультетах и технических. Носителям данного типа правовой культуры присуще наличие основных правовых качеств, доминирование правовых ценностей над общечеловеческими. Для этого типа студентов не характерно стремление к удовлетворению pragматических, личностных потребностей и интересов. Для них характерна высокая степень интриоризации правовых ценностей и норм. Молодые люди данного типа действуют по нормам права, с соблюдением норм закона, вступая в любое социальное взаимодействие с другими людьми. Принятие правовых норм и гражданских ролей осуществляется полно, активно, добровольно, осознанно. Студенты данного типа правовой культуры считают законопослушность важным качеством личности (одна треть опрошенных). Взаимодействие с другими людьми в их повседневной жизни носит чаще субъект-субъектный характер, характеризуется расширением и укреплением отношений на основе взаимоуважения и соблюдения закона.

Второй тип — «потенциальные нарушители закона». Этую группу составляют молодые люди, характеризующиеся пассивной позицией по отношению к соблюдению законов при вступлении во взаимодействие с другими людьми и наличием правовых знаний. Доля молодых людей данного типа в выборочной совокупности — 33,0 %. Носители данного типа правовой культуры могут обладать основными правовыми качествами, в то же время для них характерно доминирование общечеловеческих ценностей над правовыми. По социально-демографическим характеристикам это студенты в возрасте 18–20 лет (их большинство), одна треть — в возрасте 23–24 лет. Здесь в равной степени представлены как юноши, так и девушки.

Студенты данного типа ориентируются больше на общечеловеческие нормы, вступают в социальное взаимодействие с другими людьми, не соблюдая зачастую нормы права.

Среди наиболее значимых характеристик представителей этого типа — наличие правовых знаний, добровольное признание значимости правовых ценностей и норм, но лишь в тех случаях, когда это «выгодно» самой личности либо «нависла угроза» любой формы наказания за их несоблюдение.

Исследование зафиксировало, что между первым и вторым типом правовой культуры имеются различия по некоторым параметрам. Так, для представите-

лей второго типа правовой культуры характерно ролевое поведение с частичным отступлением от закона (драки в пьяном виде, мелкое хулиганство). На это указали 15,0 % представителей данного типа. Среди молодых людей, обладающих правовой культурой данного типа, относительно больше тех, кому не нравится учиться (27,0 %), кто с неприязнью относится к представителям другой национальности (32,0 %).

Таким образом, респонденты, которые принадлежат к типу «потенциальные нарушители закона», обладают правовыми знаниями, отчасти разделяют правовые ценности и нормы, в то же время для них характерно ролевое поведение с частичным несоблюдением законов и норм права в обществе.

Третий тип — «нигилисты», для них типологическими характеристиками являются отсутствие правовых знаний, отрицание правовых ценностей и норм. Эти студенты считают, что в отсутствие правового государства такие знания не нужны, а нужны знания о том, каким образом обойти закон. Среди опрошенных молодых людей доля представителей данного типа правовой культуры составляет 22,0 %. Для них характерны ориентация на себя, удовлетворение своих личных потребностей, отсюда и отсутствие интереса к тем сферам жизни, которые пока их не касаются. Большинство студентов данного типа не собираются нарушать законы, но при возможности обойдут его, если это касается их личных интересов. Они не слишком интересуются учебой (до 40,0 %). Их в большей степени интересуют досуг и другие формы деятельности, направленные на удовлетворение индивидуальных потребностей. Существенных различий по возрасту не наблюдается.

Среди представителей данного типа относительно больше тех респондентов, для которых законопослушность не является важным качеством личности (48,0 %). «Нигилисты» — это такой социальный тип носителей правовой культуры, представители которого не желают адаптироваться к существующим в обществе законам, а скорее мечтают существующие законы адаптировать под свои потребности. Следствием такой позиции зачастую становятся их агрессивность, игнорирование социального взаимодействия с другими людьми на основе уважения прав другого человека и соблюдения законов. Таким образом, данная группа характеризуется негативным отношением к правовым ценностям, нормам в целом.

Представленная типология позволяет выявить сущностные характеристики, особенности правовой культуры студентов, в том числе в различных ее группах (студенты — представители разных специальностей и возрастов), степень ролевого поведения в обществе. Выделенные типы правовой культуры студентов не исчерпывают всех возможных ее вариантов. Без сомнения, при выборе направления развития правовой культуры молодой человек оценивает требования, предъявляемые к нему со стороны окружающих, ориентиры окружающей его среды, собственный опыт. Во взаимодействии с социальными институтами молодой человек выступает как объект общественных отношений и (или) субъект самовоспитания, саморазвития.

В результате исследования мы установили, что у студентов проявляются чаще всего два типа правовой культуры: первый тип (самый многочисленный),

«правопослушные», характеризуется наличием правовых знаний, интириоризацией правовых норм и ценностей, повседневные практики которых осуществляются на основе соблюдения законов, и второй тип — «потенциальные нарушители закона». Вторую группу составляют молодые люди, характеризующиеся пассивной позицией по отношению к соблюдению законов при вступлении во взаимодействие.

Подводя итоги исследованию, можно сделать следующие выводы. Правовая культура студентов характеризуется кризисным состоянием. Для большинства из них характерны распространение узкопрагматических, утилитарных установок; преобладание общечеловеческих ценностей над правовыми; изменение парадигм поведения; пассивность к политической и общественной жизни, что нашло свое отражение в преимуществе негативных тенденций развития правовой культуры над позитивными. Часть студентов выражает пренебрежительное отношение к правовым ценностям, нормам. Кризисное состояние правовой культуры студентов определяется и усугубляется низким уровнем духовно-нравственной, правовой и психологической культуры большинства социальных институтов, традиционно осуществляющих социализацию молодежи (семья, система образования и др.), их неготовностью и неспособностью в настоящее время активно способствовать формированию и развитию правовой культуры подрастающего поколения. Зачастую, как показало исследование, это связано с патерналистскими ожиданиями помощи от государства и, как следствие, со стремлением возложить на него всю ответственность за формирование правовой культуры молодежи.

Социально-демографические характеристики студентов не всегда оказывают влияние на то, каким образом воспринимаются и реализуются в их поведении те или иные правовые нормы и ценности. Это может свидетельствовать о том, что восприятие ими правовых ценностей и норм зависит в большей степени от других факторов и характеристик, возможно от самой личности.

Социально-культурное отчуждение является существенной чертой правовой культуры, которое неизменно воспроизводится в молодежной среде в условиях отсутствия правового государства и гражданского общества во всех системных компонентах: в правовом сознании, правовой деятельности, правовом опыте. Отчуждение обнаруживает себя в разрыве между правовыми знаниями и применением их в повседневных практиках, в отсутствии интереса к правовой сфере, в инфантильности правового сознания студентов. Правовой опыт носит скорее «умозрительный», виртуальный характер.

Современные студенты являются больше объектом, а не субъектом правовой культуры, вопреки общественной потребности и государственным декларациям. Решение проблем формирования и развития правовой культуры студентов лежит, по нашему мнению, не столько в совершенствовании системы государственной молодежной политики, сколько в решении фундаментальных проблем становления правового государства и гражданского общества.

Исследование позволило выявить ряд противоречий, прежде всего между необходимостью повышения интереса студентов к праву, правовой сфере и отсутствием четких представлений, навыков взаимодействия в этой сфере. Кроме

того, противоречием правовой культуры является наличие знаний о правовых чертах и действиях, которые характеризуют законопослушного гражданина, и отсутствием целостности в построении «идеальной модели» законопослушного гражданина.

-
1. Агроновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М., 1988. С. 18.
 2. Гранин А. Ф. Социалистическая правовая культура и правовое воспитание личного состава органов внутренних дел. Киев, 1984.
 3. Зорченко Е. С. Формирование правовой культуры личности в трудовом коллективе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1982. С. 15.
 4. Кейзеров Н. М. Политическая и правовая культура. М., 1983. С. 23.
 5. Комаров С. А., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового сознания. М., 1985. С. 16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.law.edu.ru/ (дата обращения: 07.06.2009).
 6. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 185.
 7. Кожевников С. Н. Правовая активность граждан. Н. Новгород, 1993. С. 78.
 8. Моралева К. А. Правовая культура и ее стандарты в Конституции Российской Федерации // Вестн. Северо-Запад. акад. гос. службы. 2004. № 3. С. 7.
 9. Муслюмова Т. В. Правовая культура подрастающего поколения: социально-философский анализ : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Уфа, 2004. С. 12.
 10. Моралева А. К., Клейменов Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации // Правоведение. 2003. № 1. С. 52.
 11. Сальников В. П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // Демократия и законность. Самара, 1991. С. 17.
 12. Татарова Г. Г. Типологический анализ в социологии. М., 1995. С. 52.
 13. Явич Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985. С. 43.

Рукопись поступила в редакцию 15 марта 2012 г.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 328.32 + 316.462

А. З. Астахов
В. Г. Попов

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО» И «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЛЕГИРОВАНИЕ» В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается проблема соотношения понятий «политическое представительство» и «политическое делегирование» в контексте классической социологии политики (П. Бурдье, Т. Парсонс, Н. Смелзер, Е. Вятр и др.). Выявлены различия политического представительства и политического делегирования как разноуровневых механизмов функционирования демократической системы властных отношений. Рассмотрены основные функции системы политического представительства: артикуляция и интеграция политических интересов, агрегация и информирование политических групп.

Ключевые слова: политическое представительство, социальное взаимодействие, политическое делегирование, социальный субъект, групповые интересы, функции политического представительства, система властных отношений.

Становление и модернизация института демократии в современном российском обществе в значительной степени связаны с установлением системы политического представительства интересов населения. Этим можно объяснить необходимость углубленного политико-социологического анализа институционально-функциональной роли политического представительства интересов населения в становлении и развитии системы властных отношений.

Цель настоящей статьи — раскрыть соотношение понятий «политическое представительство» и «политическое делегирование» в контексте политико-социологических концепций крупнейших политических социологов: П. Бурдье, Т. Парсонса, Н. Смелзера, Е. Вятра и др. Это имеет не только чисто теоретическое, но и глубоко практическое значение. Аутентичность понимания смысла

политического представительства и политического делегирования в значительной степени отражается на выборе приоритетных направлений повышения эффективности функционирования демократии в современной России.

Проблемы презентации интересов личности и социальных групп в системе властных отношений нашли определенное отражение в классической социологии [3, 4, 6–10 и др.]. Вместе с тем изучению функций политического представительства в наибольшей степени уделено внимание в политико-социологических концепциях П. Бурдье, Т. Парсонса, Н. Смелзера, Е. Вятра [1–4, 8, 9 и др.]. Акцент на них в данной статье не случаен. В данных концепциях проблемы политического представительства в значительной степени связаны с политическим делегированием и раскрываются в системном виде.

Благодаря работам этих авторов положено начало становлению в целостном виде политико-социологической теории политического представительства. При этом понятия «политическое представительство» и «политическое делегирование» не всегда отчетливо различаются. Это вполне объяснимо, поскольку в системе властных отношений содержание данных понятий теснейшим образом переплетено и выявить их специфику не всегда удается в полном виде.

В основу рассмотрения проблемы соотношений политического представительства и политического делегирования следует положить солидную традицию политико-социологического изучения особенностей групповой идентичности и самоорганизации в политической жизнедеятельности общества. Глубокие наблюдения и выводы в рамках этой традиции сделаны крупнейшим социологом XX в. Т. Парсонсом. Он акцентировал внимание на отличиях между индивидами и группами как субъектами действия. Группа как целое, по Парсонсу, способна действовать только через своих членов — прежде всего через тех, кто играет в ней ответственные роли. Сама группа не питает никаких «чувств» по отношению к своим членам, она лишь символизирует их общие «чувства», которые, как правило, манифестируются в той или иной форме ее лидером [3, 158]. Соответственно политическое представительство здесь становится способом такого рода «манифестации» ролей социальных субъектов в системе властных отношений, а политическое делегирование — одним из «механизмов» и принципов этой манифестации.

Определенное внимание Т. Парсонс уделяет проблеме симметричности отношений между двумя «суверенными» индивидуальными акторами [Там же, 158]. В его концепции эти отношения рассматриваются как элементарная модель спонтанно возникающего социального взаимодействия. Исходя из этого, политическое представительство можно рассматривать как особый механизм взаимодействия между субъектом и объектом властных отношений, а политическое делегирование — как инструмент реализации политического представительства.

Такое понимание соотношения политического представительства и делегирования означает, что их социальная природа во многом тождественна. Попсуществу, они не могут существовать отдельно, независимо друг от друга. На наш взгляд, их тождество не позволяет Т. Парсонсу в реальной политической практике уловить функциональное отличие политического делегирования по отношению к представительству. Получается, что делегирование — это тот же

процесс политического представительства только в другой, формализованной форме.

Несколько иной взгляд на проблему политической идентичности группы и ее субъектности в аспекте действования как основы политического представительства предлагает Н. Смелзер. Он проводит различие между небольшими по размерам первичными группами, единство которых обеспечивается индивидуальными, непосредственно личными взаимоотношениями составляющих ее членов, и функционально-целевыми по назначению вторичными группами, чья способность к действию подчинена определенной организации. В более крупных группах, как отмечает Смелзер, закономерно возрастает роль лидеров. В частности, в группах, состоящих более чем из пяти членов, лидер апеллирует уже не к отдельным ее членам, а ко всей группе в целом. Лидер сосредоточивает на себе все наиболее значимые аспекты внешнего представления группы, становится центром коммуникации, осуществляя прием и передачу всей информации, важной для существования группы в более пространном макросоциальном окружении. В политическом представительстве заключается один из важнейших механизмов коммуницирования лидерского потенциала в рамках макросоциальных общностей.

Американский психолог Г. Левит, идеи которого во многомозвучны концепции Н. Смелзера, считает оптимальной моделью коммуникации между членами группы, состоящей из пяти человек, модель «колесо», в которой вся информация проходит через центр, представленный лидером группы. При этом, как сопутствующий эффект, заметно возрастают самостоятельность и активная роль лидера в конструировании внутригрупповых отношений [4, 148–149, 158–160].

Спонтанная самоорганизация групп может быть положена в основу формирования институтов политического представительства. При этом политическое делегирование не обладает автономностью в политической коммуникации группы. Оно включено в систему политического представительства, в какой-то мере «поглощено» этой системой.

Следовательно, в концепции Н. Смелзера политическое делегирование также, как и в теории Т. Парсонса, увязывается с политическим представительством, включено в него. В отличие от Парсонса, Смелзер предлагает модель взаимоотношений политического делегирования и представительства, основанную на принципах коммуницирования политическими субъектами информационных потоков в социальных группах. Приоритетное значение для Смелзера в понимании политического представительства приобретают коммуникативные ресурсы, которыми обладают политические лидеры в группах.

Сказанное позволяет заключить, что Парсонс и Смелзер, несмотря на определенные отличия в теоретических позициях, рассматривают политическое делегирование как функциональный компонент политического представительства.

Совершенно иной подход к соотношению политического представительства и политического делегирования в социологии политики П. Бурдье. Для него феномен политического представительства — функция особого рода по-

литической деятельности: делегирования. Другим словами, в социологии политики П. Бурдье политическое представительство по сути отождествляется, включается в содержание политического делегирования. На наш взгляд, такая позиция требует существенного уточнения понятий «политическое представительство» и «политическое делегирование».

Политическая презентация, или представительство, для П. Бурдье выступает как интерсубъективный феномен, который существенно зависит от типа делегирования прав и полномочий. В том случае когда акт делегирования осуществляется одним лицом в пользу другого, возникающие между ними отношения могут рассматриваться как равноправные — взаимовыгодные и взаимно ответственные, и они, по существу, приобретают договорный характер [1, 233]. Их можно трактовать как некоторую разновидность обмена политическими ресурсами между социальными субъектами.

Следовательно, делегирование для Бурдье — один из универсальных и наиболее фундаментальных законов, в соответствии с которыми осуществляются самоорганизация и самоуправление политической системы общества на всех его уровнях. Точно так же, как процесс познания и ориентации человека в жизненном мире невозможен без тех или иных форм знаково-символической презентации объективной реальности, так и упорядоченное функционирование властных отношений в обществе, составляющие его процессы коммуницирования и действования невозможны без институтов политического представительства.

С точки зрения П. Бурдье, политическое представительство может выступать в виде процесса равноправного, симметричного политического делегирования, когда один субъект передает свои полномочия другому субъекту для исполнения его политической воли. При этом в случае неэффективного исполнения этой воли субъект, полномочия которого делегированы, может и должен в рамках демократической системы властных отношений иметь право на отзыв своего решения о передаче полномочий.

Здесь можно отметить определенное совпадение взглядов П. Бурдье и Т. Парсонса. Однако взгляды последнего относятся к симметрии в политическом и социальном представительстве, а не в политическом делегировании.

Совершенно иная ситуация возникает, когда одно лицо получает полномочия от множества лиц. В результате это доверенное лицо оказывается облеченым полномочиями, которые трансцендентны по отношению к каждому из доверителей в отдельности, поскольку в результате акта делегирования оно как бы приобретает полномочия от некоторого социального целого — группы, а не от составляющих ее отдельных лиц.

Более того, как отмечает П. Бурдье, в этом случае уполномоченное лицо приобретает не только относительную независимость от группы, но и определенную власть над ней. Это обусловлено тем, что зачастую сама группа — как актор — возникает только в результате акта делегирования: она «не может существовать иначе, как делегируя свои полномочия какому-либо одному лицу», способному действовать как лицо юридическое [Там же, 234]. Тем самым политическое представительство оказывается функцией делегирования полномочий

множества лиц отдельному лицу, способному осуществлять эти полномочия в системе властных отношений.

Бурдье отмечает, что в результате такого способа группового представления истинный смысл отношений представительства очень часто затемняется и парадоксальным образом провоцирует инверсию отношений «объект – субъект», которые имеют замкнутый «круговой» характер: по внешней видимости, именно группа «продуцирует» ответственное лицо, выступающее вместо нее и от ее имени в системе властных отношений, но в реальности оказывается, что скорее сам представитель группы «продуцирует» ее как целое. Субъектность группы или, проще говоря, ее способность самостоятельно действовать в пространстве политических отношений, таким образом, переносится почти целиком на лицо, которое ее представляет [1, 234].

В конечном счете это и позволяет нам рассматривать делегирующую свои полномочия группу как объект политического представительства, а уполномоченное лицо — как ее субъект, хотя на первый взгляд эта диспозиция выглядит совершенно иначе. Бурдье объясняет этой инверсией отношений тот факт, что «в предельном случае представитель может восприниматься другими и сам воспринимать себя в качестве *causa sui*», т. е. причины своей самодостаточности в осуществлении властных полномочий, поскольку группа, делегирующая ему полномочия, в противном случае не существовала бы как полностью дееспособная сущность [Там же].

Данный феномен Бурдье определяет как «политический фетишизм» — по аналогии с религиозными символами, которые создаются людьми, но со временем приобретают над их сознанием вполне самостоятельную власть. Политической реальности, как подчеркивает французский социолог, вообще присуща антиномия, которая заключается в том, что «индивидуы — тем в большей степени, чем более они обездолены — не могут конституироваться (или быть конституированы) в группу, т. е. в силу, способную заявить о себе, высказываться и быть услышанной иначе, как отказавшись от своих прав в пользу того или другого представителя» [Там же, 235].

Парадокс состоит в том, что группе всегда приходится идти на риск политического отчуждения для того, чтобы избежать его в еще более значительной степени. Политическая презентация в самой своей сущности является такой неизбежной формой политического отчуждения — но одновременно и формой организации политического участия граждан, объединенных в группы интересов, в формировании и функционировании органов власти различных уровней.

В поставленной П. Бурдье проблеме отражена сущность тех противоречий во взаимодействии интересов групп и их представителей, углубление которых приводит к деформации механизма политического представительства, а именно к подмене подлинных интересов делегирующей массы интересами делегируемых ею ответственных лиц, встающих у руля политического управления. В связи с этим функция политического представительства постоянно нуждается в «настройке» посредством поддержания обратной связи, позволяющей восстанавливать фундаментальное совпадение интересов управляемых с интересами управляющих.

Из сказанного следует, что в социологии политики П. Бурдье в соотношении политического представительства и политического делегирования акцент сделан не на первом, а на втором феномене. Политическая презентация рассматривается как функция политического делегирования. Тем самым содержание политической деятельности в системе властных отношений сконцентрировано на технологиях передачи и использования полномочий политическими лидерами и политическими организациями и структурами.

Такой подход, безусловно, имеет право на существование. Однако он содержит, на наш взгляд, глубокое противоречие. Для Бурдье главным в системе демократической власти становится не эффективное воздействие политической воли народа, избирателей через принципы политического представительства, а в первую очередь формализованный механизм, в значительной мере внешний по отношению к этой воле и заключающийся в организации политического управления конфликтами внутри данной системы. Интересы народа здесь изначально представляются в виде предмета политического манипулирования, а не исходной основы разрешения политических противоречий.

Вместе с тем интересы в реальном политico-управленческом процессе, как правило, не бывают устойчивыми. Они не всегда соответствуют в точном виде представлениям о них рядовых членов общества или группы. На это обращает внимание известный польский политический социолог Ежи Вятр, рассматривая содержание политической презентации. Он правомерно, на наш взгляд, характеризует ее как форму связи между групповыми интересами и сферой политической власти. Консолидируясь на базе специфических интересов, социальные группы стремятся реализовать их, транслируя вовне, с целью оказания воздействия на ход общественных дел и, в частности, на осуществление власти. Такие групповые интересы очень разнородны и соответственно имеют разный вес в аспекте взаимодействия с властью.

Локальные интересы, затрагивающие проблемы отдельной личности или группы, в сравнении с ключевыми общественными интересами, не всегда оказываются значимыми для власти и не принимаются ею во внимание. Другие, напротив, затрагивают центральные проблемы жизнедеятельности общества. Поэтому с точки зрения влияния на власть группы интересов могут различаться очень значительно. Согласно концепции Вятра чем сильнее вес и политическое влияние группы, тем внушительнее ее представительство в системе власти и достигается более высокий уровеньластной иерархии в этом представительстве [2, 173–174].

Таким образом, политическое представительство, по Е. Вятру, служит своеобразной системой отбора и актуализации групповых интересов по критерию общественной значимости. Наиболее значимые из интересов становятся предметом «высокой» политики, менее значимые остаются в сфере активности отдельно взятых социальных групп.

По существу, способ взаимодействия социальных групп со структурами власти характеризует один из видов социально-политической дифференциации, основанный на институциональных различиях, т. е. на разной степени выраженности групповых интересов посредством политических институтов. Этот

способ взаимодействия, воспроизводящий статусные различия участвующих в политической жизни социальных групп, как раз и отражает система политического представительства [5, 43].

Несомненно, данный вид дифференциации определенным образом коррелирует с разделением групп по доходам, богатству, знаниям, профессиональным и ценностным критериям. Эти дифференцирующие признаки в разных аспектах отражают распределение ресурсов, посредством которых объединенные в группы индивиды оказывают влияние на поведение других субъектов. Использование этих ресурсов во властных отношениях превращает их в ресурсы политические.

Система политического представительства выполняет несколько функций. Во-первых, она обеспечивает политическую артикуляцию интересов различных социальных групп, т. е. придает расплывчатым, неопределенным мнениям, взглядам форму конкретных и четких предложений и политических требований.

Во-вторых, институты политического представительства обеспечивают агрегацию групповых интересов, т. е. их согласование и иерархическую упорядоченность, посредством дискуссий. Результатом является сепарация частных интересов и требований с последующим сведением их к более общим, усилением, приданием им компромиссных форм или отказом от них как политически незначимых.

В-третьих, политическое представительство выполняет функцию политической интеграции, органично связывая представляемые вовне в системе властных отношений интересы групп с мнениями их рядовых членов.

В-четвертых, посредством институтов политического представительства группы осуществляют информирование органов власти, принимающих политические решения по конкретным вопросам, отражающим предельно широкий спектр общественных интересов — экономических, социальных, идеологических, культурных, этнических, религиозных, экологических, отраслевых, территориальных и т. п. [Там же, 40–41].

Таким образом, политическое представительство выступает способом определения степени адекватности выражения субъектом насущных интересов объекта с целью их эффективной реализации в рамках проводимой субъектом политики. Политическое представительство отличается от социальной презентации. В социальной презентации акцентируется внимание на идентичности результатов деятельности реальным потребностям различных групп людей, в политическом представительстве — на адекватности или неадекватности интересов объекта результатам политического выбора. Выступая как способ адекватного выражения интересов населения, политическое представительство становится приоритетной функцией органов власти, без которой они не способны реализовать эти интересы.

Соглашаясь в целом с политико-социологической концепцией Е. Вятра сущности политического представительства, необходимо отметить, что он практически обходит проблему соотношения данного феномена с политическим делегированием. Для него политическое делегирование — это не более чем инстру-

ментальная характеристика политического представительства, форма, а не содержание.

Такая позиция Е. Вятра нуждается в уточнении. На наш взгляд, политическое делегирование и представительство, несмотря на их близость, обладают своим специфическим содержанием. Политическое представительство и политическое делегирование не тождественны. Это два взаимосвязанных, функционирующих на различных уровнях элемента системы демократического народного волеизъявления. Политическое представительство — механизм идентификации и выражения политических интересов социальных групп населения институтами публичной власти — партиями, политическими движениями, депутатскими фракциями и лидерами. Политическое делегирование — это механизм реализации политических интересов путем юридического наделения полномочиями политических репрезентантов (лидеров, партий, фракций, движений и др.) реализации этих интересов.

Рассмотрение соотношения феноменов политического делегирования и представительства в контексте ряда концепций классической социологии политики показывает, что в фокусе их внимания ключевое противоречие в политической деятельности — принципиальное несоответствие политической идентичности социальных субъектов и уровня передаваемых им реальныхластных полномочий, позволяющих эту идентичность реализовать. Т. Парсонс, Н. Смелзер и частично Е. Вятр настаивают на политическом представительстве как основном механизме этой деятельности. Политическое делегирование выступает важной функцией органов власти, но не исчерпывающей все содержание представительства политических презентантов.

П. Бурдье, который раскрыл наиболее глубоко и полно сущность феноменов политического делегирования и представительства, наоборот, акцентировал внимание при рассмотрении демократической системыластных отношений на формально-нормативных процедурах передачи и реализации ответственными лицами — политическими лидерами — политических полномочий. В этом случае политическое представительство становится для системы делегирования важным, но не единственным инструментом снятия противоречия политической идентичности. Этот инструмент включен в процесс выявления обратной связи органов власти с населением, формирования и использования ими общественного мнения в реализации политических интересов.

В условиях становления и развития демократических институтов в современной России различие политического представительства и делегирования позволяет более четко определить условия легитимности и эффективности этих институтов в осуществлении деятельности по удовлетворению интересов населения. Эти условия обеспечиваются не только результатами выборов и наличием полномочных органов представительной власти, но и технологиями политического представительства на всех уровнях взаимодействия конкретных групп населения и институтов гражданского общества с этой системой.

1. Бурдье П. Социология политики. М., 1993.

2. Вябр Е. Социология политических отношений. М., 1979.
3. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М., 2002.
4. Смэлзер Н. Политология / пер. с англ. М., 1994.
5. Фролова М. А. Политическая стратификация. М. ; Воронеж, 1995.
6. Alexander J. Theoretical Logic in Sociology. Berkley, 1982. Vol. 1.
7. Lasswell H. D. Analysing the content of mass communication. A brief introduction. N. Y., 1942.
8. Merton R. Sozial theory and sozial strukture. Glenkoe, 1968.
9. Parsons T. System of modern societies. Prentice Hall, 1971.
10. Weber M. The Methodology of the Social Sciences. Glencoe, 1949.

Рукопись поступила в редакцию 17 апреля 2012 г.

УДК 321.6 + 321.7 + 342.5

А. А. Керимов

СПЕЦИФИКА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ ПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена изучению роли и значения парламентаризма при различных формах правления. Показан механизм взаимоотношений парламента и исполнительной власти в законотворческом процессе в рамках принципа разделения властей.

Ключевые слова: парламент, парламентская система, парламентаризм, монархия, республиканская форма правления.

Парламент традиционно рассматривается как важнейший институт современного государства, и смысл его возникновения и функционирования как мирового политического явления заключается в том, чтобы выражать и защищать интересы всех социальных групп населения.

Находясь в рамках социума, человек принадлежит обычно сразу к нескольким социальным группам, каждая из которых обладает своими особенностями, руководствуется специфическими нравственными нормами и претендует на правовую защиту собственных интересов и образа жизни. Поэтому парламент как орган представительной и законодательной власти через законодательство должен защищать интересы абсолютно всех социальных групп. Следовательно, выражение и защита интересов всех социальных групп в рамках политической системы должны стать главным принципом парламентаризма.

Критерием присутствия парламентаризма в политической системе того или иного общества можно считать наличие у парламента статуса и полномочий высшего представительного и законодательного органа. При парламентской системе, классическим образцом которой до сих пор остается Великобритания, парламентаризм как явление выражен наиболее полно. Однако если считать важнейшей характеристикой парламентаризма принцип ответственности правитель-

ства перед парламентом, то можно утверждать, что и в условиях полупрезидентской республики парламентаризм присутствует в достаточной степени.

Сложнее обстоит дело с тем, как парламентаризм соотносится с системой правления в форме президентской республики. Ключевую роль здесь играет то, является ли президентская республика демократической или недемократической по типу политического режима. Если президентская республика предполагает последовательное и конституционно закрепленное разделение властей, при котором парламент является высшим представительным и законодательным органом, то тогда есть основания утверждать, что и при президентской республике сохраняются многие ведущие элементы парламентаризма.

В Великобритании, по праву считающейся родиной парламентаризма, нет Конституции как основного закона государства, но имеется ряд основополагающих законов, определяющих компетенцию и регулирующих взаимоотношения ветвей власти, и при этом компетенция английского парламента признается неограниченной.

Верховенство английского парламента в системе разделения властей предполагает: 1) верховенство законодательства — никто, кроме парламента, не должен обладать правом издавать законы, а законы выше по своей юридической силе, чем любые другие нормативно-правовые акты органов власти; 2) право утверждать государственный бюджет и устанавливать налоги; 3) коллективную ответственность правительства перед парламентом; 4) право утверждать судей; 5) отсутствие других подобных конкурирующих властей [3, 407].

Что касается формирования правительства, то палата общин в этом процессе не принимает непосредственного участия. Правительство формируется из числа членов парламента, несет ответственность перед парламентом — палатой общин и в случае вотума недоверия должно уйти в отставку; в свою очередь, премьер-министр обладает правом досрочного распуска парламента и объявления новых выборов. Таким образом, вотум недоверия и право досрочного распуска парламента выступают как два главных противовеса, уравновешивающих роль и значение законодательной и исполнительной властей.

Парламент в Англии занимает господствующее положение по отношению к исполнительной власти, под органами которой обычно понимают монарха, премьер-министра и кабинет. Более того, прослеживается определенная зависимость исполнительной власти от законодательной. Тем не менее английская политическая практика построена таким образом, что приходится признавать решающую роль правительственный органов в реализации государственных функций.

Реализация принципа разделения властей в политической системе Великобритании не является специально зафиксированным в конституции структурно-функциональным соотношением высших органов власти, как это имеет место в США.

В президентской республике принцип разделения властей находит свое проявление в юридическом равенстве каждой из трех ветвей власти и их независимости друг от друга. Однако самостоятельность и независимость каждой из ветвей власти не означает их полного обособления. На практике это могло

бы привести к несогласованности действий и конфронтации между ними. Эффективная власть возможна только при взаимодействии ее различных ветвей. Поэтому в президентской республике обязательно складывается механизм взаимного сотрудничества, сдержек и противовесов, который призван обеспечить самостоятельность и взаимодействие всех ветвей власти.

В настоящее время в США не может идти речь о каком-либо абсолютном разделении властей либо о четком разделении их компетенции. Конгресс утратил исключительное право на законотворческую деятельность, так как за президентом и многими другими ведомствами закреплено право на принятие нормотворческих актов. Соответствующая практика наделения и остальных субъектов политической жизни нормотворческим правом выводится либо из президентских полномочий, либо делегируется самим конгрессом США.

В США отсутствует один из главных атрибутов парламентарных государств — институт парламентской ответственности правительства. Здесь ни одна из палат не может вынудить президента или кабинет уйти в отставку путем неодобрения их политического курса. Однако отсутствие парламентской ответственности правительства вовсе не равнозначно безответственности. Палаты американского парламента вправе ставить и решать вопрос об ответственности президента и иных высших должностных лиц в случае совершения ими деяний, квалифицируемых в качестве тяжких правонарушений или посягательств на Конституцию.

Специфика президентской республики состоит в том, что законодательная власть сама предлагает и принимает законы, а в парламентарных республиках обычно правительство монополизирует право законодательной инициативы. В президентской республике исполнительная власть правом законодательной инициативы не располагает: она подготавливает наиболее важные и существенные законопроекты, однако юридически права законодательной инициативы она лишена и должна изыскивать различные пути для вынесения законопроекта на рассмотрение палат. Правительственный законопроект в президентской республике может быть изменен и дополнен парламентариями без согласия правительства [6, 96].

Все эти жесткие правила, ограничивающие доступ исполнительной власти в парламент, призваны оградить самостоятельность законодательной власти. В президентской республике аналогичной самостоятельностью и юридическим равенством пользуется и исполнительная власть.

В отличие от Великобритании и США, где соответственно господствуют парламентская и президентская формы правления, французскую систему политической власти можно отнести к так называемой смешанной форме правления.

Смешанной принято называть такую форму правления, которая сочетает в себе элементы и парламентарной, и президентской республик. По оценке Л. М. Энтина, весь механизм такой формы правления нацелен в первую очередь на то, чтобы сделать максимально эффективной работу государственного аппарата, чему способствует сотрудничество законодательной и исполнительной властей [11, 36].

По мнению сторонников смешанной формы правления, в чистом виде принцип разделения властей встречается на практике крайне редко. Значительно чаще имеет место смешение властей. При этом возникает опасность нарушения необходимого баланса, которое либо ведет к доминированию парламента, что порождает нестабильность и кризисные явления в политической системе общества, либо влечет за собой господство исполнительной власти, чреватое единоличным правлением или диктатурой. Для устранения такой опасности и обеспечения равенства законодательной и исполнительной властей необходим институт президента-арбитра.

Система противовесов в странах со смешанной формой правления также своеобразна. Например, исполнительная власть там носит двойственный характер. Она поделена между президентом и правительством. В том случае когда президент и премьер принадлежат к разным политическим лагерям, этот противовес приобретает реальный и значимый характер. Примерно то же самое можно сказать и о двухпалатной структуре парламента. Законодательный акт принимается, когда он одобрен в идентичной редакции обеими палатами парламента, если же они не пришли к согласию, то законопроект отвергается.

При французской смешанной форме правления президент играет значительно более важную роль, чем при парламентской модели. Президент государства в таких системах избирается на прямых выборах. Он существенно влияет на создание правительства и назначения на ключевые посты. Но правительство не только зависит от президента, но ответственно и перед парламентом и может быть сменено последним.

Парламентаризм при французской смешанной форме правления выступает как «рационализированный парламентаризм» и основан на следующих основополагающих положениях: «1) необходимо строго различать исполнительную и *правительственную* власть правительства; 2) исполнительная власть правительства в отличие от классического парламентаризма предполагает не только исполнение актов парламента, но также является и претворением в жизнь регламентарной власти правительства; 3) за рамками регламентарной власти правительственный власть по своему характеру приближается к дисcretionной власти, т. е. власти непрозрачной и неподконтрольной со стороны парламента; 4) парламент может противодействовать нерегламентарной правительственной власти только *по форме*, т. е. используя механизм вотума недоверия; 5) соответственно институт интерpellации, т. е. вопросов по существу к министрам правительства со стороны заинтересованных депутатов, остается «за скобками рационализированного парламента»; депутаты уже не могут через содержательную критику актов правительства отправить его в отставку» [5, 27–28].

Поиски оптимальных форм государственного устройства и политического правления предпринимались на протяжении тысячелетий и во многих странах. Такие поиски продолжаются и сегодня. При этом трудно не согласиться с Р. Ароном, который на основе анализа «конституционно-плюралистических» и «авторитарно- тоталитарных» режимов пришел к однозначному выводу: «неразумно утверждать, что один режим хорош, а другой плох, один воплощает

добро, а другой — зло. Оба несовершены, хотя и по-разному» [1, 277]. Это утверждение касается и монархической, и президентской, и парламентской, и социалистической форм правления.

Каждая форма несовершена по-своему, хотя потенциально каждая содержит в себе высокую конструктивную силу. Все зависит от конкретно-исторических условий, совокупной политической воли народа — суверена власти, профессионализма, нравственных и политических предпочтений правящей элиты. Наиболее существенным недостатком президентской республики являются заключенная в ней тенденция к ограничению демократических свобод и реальная возможность возрождения авторитаризма, «ускользания» исполнительной власти от парламентского контроля, даже конструктивного. Президентские системы, по утверждению американского политолога Х. Линца, чреваты серьезными расколами внутри политической культуры, острыми конфликтами между президентом и конгрессом, отсутствием достаточно эффективных институциональных механизмов преодоления указанных расколов и конфликтов [7, 54–55]. С этой точки зрения более устойчивыми и более приспособляемыми к кризисным ситуациям представляются парламентские системы.

Но и это утверждение вряд ли может рассматриваться в качестве абсолютной истины. Позиция Х. Линца оспаривается многими авторами, в том числе М. Шугартом, Дж. Кэри, С. Мэйнуэрингом, в России — Б. Г. Капустиным, А. Ю. Мельвилем, А. И. Соловьевым, В. Е. Чиркиным. Парламентским республикам в не меньшей степени присущи нестабильность и конфликты различных ветвей власти, частые правительственные кризисы, перманентные реорганизации управлеченческих структур. Стабильности власти способствуют не только парламентаризм и высокий авторитет президента, но и высокая представительность президентской партии в парламенте и органах управления, благоприятные условия для коалиционной политики, концентрация исполнительной власти в руках высокопрофессионального правительства.

Общим принципом деятельности исполнительной власти в демократических государствах является то, что любое правительство должно пользоваться доверием парламента и контролироваться с его стороны. Особенность парламентского контроля выдвигает более конкретную проблему министерской ответственности, являющуюся с формальной стороны основой основ парламентаризма. Также с формальной стороны проблема ответственности правительства перед парламентом имеет много аспектов, и, как показывает парламентская практика, эта проблема тесно связана с процедурой роспуска парламента.

В связи с этим нас прежде всего интересуют три основных вопроса: 1) значение парламентской ответственности; 2) формы парламентской ответственности; 3) статус ответственного правительства и роспуск парламента [2, 150].

Под парламентской ответственностью имеется в виду ответственность политическая. Принцип правительской ответственности перед парламентом исходит из признания права представительного учреждения выражать народный суверенитет. Поскольку формально, в силу Конституции, законодательная власть является высшей властью в государстве, поскольку правительство может выполнять свои обязанности только до тех пор, пока оно пользуется дове-

рием избранного народом органа. Отсюда вытекает право парламента контролировать деятельность правительства.

На деле в современную эпоху парламент не осуществляет действительного контроля над исполнительной властью. Так, например, в Англии, по мнению Дж. Харвея и К. Худ, «палата общин не осуществляет контроля ни над кабинетом, ни над государственным аппаратом, ни над вооруженными силами. Она представляет собой главным образом форум для критики правительства, осуждения злоупотреблений, а также для получения информации» [9, 71].

Однако формально, юридически, к способам парламентского контроля за правительством относятся следующие методы: постановка вопроса о доверии правительству или его порицании, интерpellации, запросы депутатов, обращение к членам правительства. Кроме того, можно использовать в целях контроля за деятельностью правительства время, отводимое для обсуждения законопроектов и т. д.

В парламентарных государствах правительство несет ответственность перед парламентом и обязано уйти в отставку в случае вынесения последним вотума недоверия. Этот же принцип действует во Франции. В Германии парламент может добиться отставки существующего правительства лишь путем избрания нового канцлера, что существенно ограничивает ответственность правительства перед законодательным органом.

Общей тенденцией для современных государств является ослабление принципа парламентской ответственности правительства и укрепление исполнительной власти. Эта тенденция порождается усложнением общественной жизни, необходимостью предотвращения чрезмерного вторжения парламентаризма в сферу деятельности исполнительной власти.

Такое утверждение согласуется с точкой зрения В. Е. Чиркина, который отмечает, что в современном мире все более отчетливо проявляется тенденция к созданию гибридных, смешанных, переходных форм государственного правления. Прежние классические формы президентской, парламентской республики, федерализма, автономии, государственных режимов постепенно исчезают, их заменяют полупрезидентские, полупарламентарные республики, региональные государства, сочетающие черты унитаризма, федерализма, автономии. Возникают новые методы осуществления государственной власти, иные формы государственных режимов, соединяющие некоторые элементы авторитаризма и демократии [10, 65].

Для выявления как общих, так и специфических черт современных парламентов необходимо рассмотреть их конституционный статус. Например, по Конституции Японии парламент является высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом государства. Статьи 59–64 Конституции однозначно определяют законодательные, бюджетные, контрольные и судебные полномочия парламента [3, 407], т. е. ключевые механизмы государственной власти находятся в руках парламента. В Болгарии народное собрание осуществляет законодательную власть и парламентский контроль. В Венгрии высшим органом законодательной власти и народного представительства является государственное собрание. В Словакии национальный совет является

единственным органом страны, имеющим право принимать Конституцию и законы. В Украине единственным органом законодательной власти является парламент — верховная рада Украины. Иногда конституционное определение парламента в тексте основного закона не приводится. Это прежде всего относится к Конституции Французской Республики [4, 5].

Как видим, нормы разных конституций содержат несколько типичных характеристик парламента, но важнейшие из них те, которые позволяют раскрыть его двуединую природу как представительного и законодательного органа. Оба этих признака связаны между собой, поскольку именно «выборность и доверие народа позволяют парламенту законодательствовать и выполнять другие функции» [8, 53]. Но парламент — это не просто орган, это сложный многоэлементный организм, имеющий разнообразные связи и отношения с другими институтами государства и общества. Именно по этой причине понятие «парламент» является системообразующим в контексте государственности и демократии.

Таким образом, в передовых странах мира парламентаризм выступает как выражение верховенства закона и законодательной власти в обществе, как принцип организации власти и государственного управления, как важнейший институт в триаде разделения властей, важный инструмент преодоления противоречий между органами государственной власти как в центре, так и на местах. И на современном этапе, несмотря на колossalный опыт парламентаризма, исчисляемый многими столетиями, в его практическом функционировании постоянно возникает множество проблем, требующих глубокого и всестороннего научного и практического анализа, непрерывного совершенствования парламентской деятельности.

-
1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
 2. Керимов А. А. Современный парламентаризм: опыт типологизации // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2011. № 4 (97).
 3. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 1996.
 4. Котелевская И. В. Современный парламент // Государство и право. 1997. № 3.
 5. Кучеренко П. А. Рационализированный парламентарный режим Пятой Республики // Международное публичное и частное право. 2011. № 4 (61).
 6. Лафитский В. И. Выборы в европейский парламент // Журн. рос. права. 2005. № 4.
 7. Линц Х. Опасности президентства // Полис. 2001. № 5.
 8. Романов Р. М. Парламентаризм: теория, история и современность. М., 2002.
 9. Харвей Дж., Худ К. Британское государство. М., 1961.
 10. Чиркин В. Е. Государственное и муниципальное управление. М., 2004.
 11. Энтин Л. М. Разделение властей: опыт современных государств. М., 1995.

Рукопись поступила в редакцию 21 марта 2012 г.

УДК 327.2(470) + 327.2(510) + 327.2(51)

Р. С. Мухаметов**ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Статья очерчивает проблемы, существующие в российско-китайских межгосударственных отношениях на современном этапе. Особое внимание уделено состоянию военно-технического сотрудничества между Москвой и Пекином. Автор подчеркивает, что одним из источников трений между странами является копирование Пекином военных технологий. В статье отмечается, что Россия и Китай являются конкурентами за влияние в Евразии, за контроль над каспийскими энергоресурсами.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, Россия, Китай, Центральная Азия.

Российско-китайские отношения характеризуются устойчиво высокой динамикой развития, прочной правовой базой, разветвленной организационной структурой двустороннего взаимодействия и активными связями на всех уровнях. Контакты между главами государств России и Китая приобрели интенсивный характер. Активно развиваются межрегиональные связи, подписано более ста соглашений о сотрудничестве между властями административно-территориальных единиц различного уровня. Установлена, юридически оформлена и демаркирована российско-китайская граница. Позиции Москвы и Пекина по принципиальным вопросам устройства миропорядка и по основным международным и региональным проблемам совпадают или близки. На этой основе между Россией и Поднебесной поддерживается тесное взаимодействие в области внешней политики.

Однако на фоне успешно развивающихся отношений между двумя странами нельзя не сказать о проблемах, замалчивание которых может привести к печальным последствиям. Обозначим некоторые из них.

В структуре российско-китайских связей одно из главных мест занимает военно-техническое сотрудничество, основными целями которого являются:

- поддержание на необходимом уровне экспортного потенциала страны в области обычных вооружений и военной техники;
- получение валютных средств для государственных нужд, развития военного производства [7].

Другими словами, для Москвы военный экспорт важен главным образом экономическими выгодами, которые позволяют обеспечить занятость в собственной военной промышленности, проводить модернизацию своих вооруженных сил и получать средства на продолжение разработок новых систем вооружений и военной техники. Так, начиная с 2003 г. по объему поставок продукции военного назначения Россия стабильно занимает второе после США место. За 2001–2011 гг. рост суммарных объемов российского военного экспорта увеличился почти в 3 раза (табл. 1).

Таблица 1

Объем российского военного экспорта, млрд долл. США

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
3,7	4,8	5,6	5,8	6,1	6,5	7,4	8,35	8,8	10,4	13,2

Источник: Итоги военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в разные годы // <http://www.fsvts.gov.ru>

Китай — крупнейший покупатель российского оружия. В 2002–2009 гг. объем российского военного экспорта в Китай оценивается в 14,055 млрд долл. (32,1 % от всего российского экспорта продукции военного назначения за этот период). Наибольшая доля Китая в российском экспорте зафиксирована в 2005 г. (65 %). Для сравнения: второе место по периоду 2002–2009 гг. занимает Индия — 9,874 млрд (22,5 % от всего российского экспорта за этот период), третье место принадлежит Алжиру — 4,543 млрд (10,4 %) [5].

Россия давно уже поставляет в КНР военную технику и оружие, однако последние несколько лет военно-техническое сотрудничество Москвы и Пекина испытывает трудности. Экспорт в КНР отечественной военной техники и оружия приближается к нулевой отметке, новые контракты не заключаются. Связано это с тем, что в последние годы существенно возросли возможности китайского ОПК, который наряду с собственными разработками успешно копирует многие образцы российских вооружений. Содержание военно-технического сотрудничества с Поднебесной в настоящее время ограничивается лишь исполнением ранее подписанных контрактов. Так, начиная с 2006 г. объем экспорта вооружений и военной техники России в Китай стал снижаться, достигнув суммы 848 млн в 2009 г. По итогам 2007 г. Индия впервые с 2000 г. обогнала Поднебесную и вышла на первое место среди крупнейших импортеров российского оружия [Там же].

Одним из основных принципов государственной политики при осуществлении военно-технического сотрудничества с иностранными государствами является защита государством прав и законных интересов юридических лиц, связанных с разработкой, производством и реализацией продукции военного назначения [7]. Москва требует от Пекина юридических гарантий отказа от копирования систем вооружения и военной техники, чтобы оградить себя от потенциального конкурента на рынках других стран. Особое раздражение России вызывает тот факт, что Поднебесная превращается в крупного экспортёра вооружений, созданных на основе российских образцов и лицензий. В частности, китайский истребитель J-11А очень напоминает Су-27. Следовательно, опасения представителей российского оборонно-промышленного комплекса (ОПК) касательно возможного копирования российской техники китайцами нельзя назвать беспочвенными. Такая ситуация не отвечает интересам российского ОПК. Иными словами, помимо сокращения военного экспорта в Китай Россия столкнулась с жесткой конкуренцией со стороны КНР на рынках ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые не могут себе позволить

покупать дорогостоящее оружие западного или российского производства. В частности, в 2002–2009 гг. по объему военного экспорта Китай занимал 12-е место в мире (4,665 млрд долл.). Подавляющий объем экспорта продукции военного назначения (ПВН) за этот период приходится на Пакистан – 1,979 млрд долл., что составляет 42,4 % от общего объема экспорта ПВН Китаем. Второе место занимает Египет (502 млн долл., 10,8 %), третье – Иран (260,5 млн долл., 5,6 %). По текущему портфелю заказов с поставкой ПВН в 2010–2013 гг. первое место в структуре военного экспорта КНР занимает Пакистан – 4,421 млрд долл., или 68,2 % от общего экспортного портфеля заказа КНР в данный период в сумме 6,481 млрд долл.; второе место занимает Мьянма (700 млн долл., или 10,8 %); третье – Венесуэла (492 млн долл., или 7,6 %) [3].

Таким образом, практика безлицензионного копирования российской военной техники Поднебесной вызывает открытое недовольство Москвы.

Москва наращивает поставки самого современного вооружения Дели, что вызывает все большее раздражение Пекина, так как Китай и Индия все острее соперничают за экономическое и военное господство, за контроль над Индийским океаном, ресурсами и рынками Африки, плацдармами в Азии. В настоящий момент самой большой угрозой для китайско-индийских отношений являются их взаимные претензии по поводу захвата территории вдоль их границ. Индия хочет, чтобы Китай вернул северо-восточный район Кашмира Аксай-Чин. Кроме того, Дели обвиняет Пекин в оккупации Транс-Каракорумского тракта, который Пакистан передал Китаю через год после разгрома Индии в войне 1962 г. Еще одной спорной территорией между Пекином и Дели, полвека назад ставшей театром военных действий, остается индийский штат Аруначал Прадеш, значительную часть которого Китай считает своим [4].

Военно-техническое сотрудничество Москвы и Дели включает в себя продажу Индии новых российских вооружений и военной техники, обслуживание уже поставленной техники, а также совместную разработку и производство вооружений. В частности, Россия отказывается в какой-либо форме сотрудничать с Китаем в области разработки истребителя пятого поколения, но создает такой самолет совместно с Индией. Успешно действует совместное российско-индийское предприятие по производству противокорабельных управляемых крылатых ракет «БраMос» морского, наземного и воздушного базирования на основе разработанной в СССР ракеты «Яхонт». Индия закупила в России новейшие истребители Су-30 и лицензию на их производство, танки Т-90, авианесущий крейсер «Адмирал Горшков» и многие другие ВиВТ. Весной 2012 г. Индии была передана в аренду российская атомная подлодка проекта (АПЛ) проекта 971 «Нерпа».

В российско-китайских отношениях возникает все больше моментов, порождающих взаимную напряженность. Можно с очень высокой долей уверенности предположить, что оперативно-стратегические учения Вооруженных сил (ВС) РФ «Восток-2010» носили откровенно антикитайскую направленность, явно став ответом на китайские маневры в 2006 и 2009 гг., в ходе которых НОАК открыто отрабатывала агрессию против России. Это подтверждают и заявления начальника Генерального штаба ВС РФ Макарова о том, что Россия,

проводя эти учения, демонстрирует готовность к изменению военно-политической обстановки в регионе. Под «изменениями», по-видимому, следует понимать переход от декларативного «стратегического партнерства» РФ и КНР к конфронтации и усиление территориальных претензий к Москве со стороны Японии. Этими учениями Россия показала всему миру, и странам АТР в частности, свои «мускулы», подчеркивая свое присутствие и влияние на Дальнем Востоке, делая акцент на потенциале ВС России, готовых дать ответ на различные угрозы. Эксперты рассматривают эти маневры как стремление Москвы продемонстрировать свою способность перебрасывать из центра страны большие массы войск, чтобы отразить угрозу со стороны Поднебесной. Российская армия отрабатывала развертывание дополнительных войск в Сибири и на Дальнем Востоке с целью укрепления боевого потенциала дислоцированных здесь воинских контингентов в случае военного конфликта. Отдельные высокопоставленные российские военные заявляют, что начинают рассматривать Китай в качестве потенциального противника.

Таким образом, учения «Восток-2010» можно считать этапными не только с военной, но и с политической точки зрения. По-видимому, руководство России хочет продемонстрировать Пекину, что оно готово поставить предел нарастающей китайской экспансии в восточные регионы страны и придает все меньшее значение декларациям о «стратегическом партнерстве» между РФ и КНР [13].

Областью, в которой проявляется российско-китайское соперничество, является и энергетика. В настоящее время можно констатировать нарастание конкуренции двух стран в этой сфере. Камнем преткновения здесь является в том числе и несовпадение точек зрения на географию новых транспортных энергетических магистралей из Центрально-Азиатского региона.

Притягательность Центральной Азии для Китая можно объяснить значительными возможностями для Пекина в области энергетического сотрудничества с центральноазиатскими государствами (табл. 2). Это обусловлено тем, что Поднебесная занимает одно из ведущих мест в мире по объемам потребления энергоносителей. Привлекательность данного направления для КНР определяется следующими обстоятельствами: энергетическое сотрудничество с прикаспийскими государствами позволяет уменьшить зависимость от производителей Персидского залива и избежать «малаккской дилеммы», поскольку транспортировка углеводородов из этих стран относительно безопасна, коротка и осуществляется по наземным трубопроводам.

Росту объемов торговли Китая с Центральной Азией способствует реализация двух энерготранспортных проектов, полностью разрушающих российскую монополию на транспортировку ресурсов региона и меняющих всю геоэкономическую ситуацию в регионе.

15 декабря 2005 г. был сдан в эксплуатацию нефтепровод Атасу – Алашанькоу, общая протяженность которого составила 988 км. Проектная пропускная способность трубопровода составит 20 млн т в год, в том числе первая очередь – 10 млн т в год. Транспортировка нефти в Китай по нему началась в июле 2006 г. В том же году объем транспортировки нефти по нему достиг

Таблица 2
Нефтегазовые ресурсы государств Центральной Азии

Страна	Нефть, млрд т	Доля в мировых запасах, %	Газ, трлн м ³	Доля в мировых запасах, %
Казахстан	5,5	2,9	65,2	1,0
Туркменистан	0,1	0,01	283,6	4,3
Узбекистан	0,1	0,01	55,1	0,8
<i>Всего</i>	5,7	2,92	403,9	6,1

Источник: BP Statistical Review of World Energy June 2011.

1,76 млн т, в 2007 г. показатель увеличился до 4,77 млн, в 2008 г. он превысил 6 млн т, а в 2009 г. составил 7,73 млн т [8]. Нефтепровод является основным каналом экспорта казахской нефти в Китай.

Достоинством казахстанско-китайского трубопровода является то, что, во-первых, осуществляются прямые поставки нефти из Казахстана в Китай; во-вторых, не нужно осуществлять транспортировку нефти через третьи страны; в-третьих, он позволит освободиться от уязвимого снабжения по морю, наконец, повышается степень безопасности транспортировки «черного золота».

Большой интерес для Китая представляют и газовые поставки из региона. Главным партнером КНР выступает в этой сфере Туркменистан. Вторым энергетическим проектом Пекина в Центральной Азии является газопровод из Туркменистана в Китай через Узбекистан и Казахстан, соглашение по которому было достигнуто в апреле 2006 г. Церемония открытия первой очереди данного газопровода с участием лидеров этих стран состоялась 14 декабря 2009 г. на участке Самандепе на северо-востоке Туркмении. Общая протяженность газопровода составляет 1833 км. На проектную мощность (40 млрд кубометров) трубу планируется вывести только в 2012 г. [2]. С декабря 2009 по август 2011 г. из Туркмении в Китай поступило почти 14 млрд кубометров газа [9, 69].

Углубление и расширение сотрудничества в сфере нефтегазовых ресурсов соответствует интересам и Китая, и государств Центральной Азии. Для последних расширение сотрудничества с Пекином в нефтегазовой сфере позволит избавиться от российской зависимости и европейского потребительского рынка, укрепить их голос в глобальной сфере энергоносителей и приобрести одновременно с этим очевидную экономическую выгоду. Для Китая после введения в эксплуатацию нефте- и газопроводов появился еще один источник импорта «черного золота» и «голубого топлива», который позволит весомо поддержать китайскую стратегию диверсификации источников углеводородного импорта, будет способствовать китайской энергетической безопасности. Иными словами, Китай видит в Центральной Азии энергетического донора для своей экономики и рассматривает своих партнеров по ШОС в качестве источников энергоресурсов.

Эти широкомасштабные энергетические проекты Пекина не отвечают интересам Москвы. Геоэнергетическим приоритетам России отвечает транспортировка

каспийской нефти на мировой рынок через ее территорию. Согласно утвержденной Правительством РФ в ноябре 2009 г. Энергетической стратегии России на период до 2030 года, одним из важнейших стратегических направлений внешнеэкономической активности нефтяного комплекса РФ является транзит нефти сопредельных государств через российскую территорию [11]. В настоящее время по магистральным нефтепроводам России в транзитном режиме транспортируется нефть Казахстана. Транзит казахстанского «черного золота» происходит по российской территории как через старые советские нефтепроводы (Атырау — Самара, Махачкала — Тихорецк — Новороссийск), так и через систему Каспийского трубопроводного консорциума (КТК). По системе КТК (Тенгиз — Новороссийск) в 2007 г. транзит нефти, добытой в Казахстане, составил более 25 млн т. Транспортировка казахстанского черного золота через территорию России осуществляется на основании долгосрочного межправительственного соглашения от 7 июня 2002 г.: по нефтепроводу Атырау — Самара не менее 15,5 млн т в год, по системе нефтепроводов Махачкала — Тихорецк — Новороссийск — до 5,5 млн т в год [10].

Геоэнергетическим интересам России отвечает возможность полного контроля экспорта каспийского газа. По названным выше причинам Москва стала инициатором сооружения Прикаспийского газопровода. Формальная договоренность между странами была достигнута 20 декабря 2007 г., когда было заключено трехстороннее межправительственное соглашение о сотрудничестве в строительстве Прикаспийского газопровода. Целью сооружения данного трубопровода является транспортировка природного газа с месторождений Каспийского моря и других месторождений на территориях Туркменистана и Казахстана на территорию Российской Федерации. Новый трубопровод ежегодной мощностью в 20 млрд кубометров «голубого топлива» пойдет в обход Каспийского моря вдоль его восточного побережья. Трубу решено проложить от компрессорной станции «Белек» в окрестностях Туркменбashi до газоизмерительной станции «Александров Гай», что на казахстанско-российской границе, где она соединится с газопроводной системой России. Одновременно была достигнута договоренность между Россией, Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном о расширении построенной еще в советское время трубопроводной системы Средняя Азия — Центр (САЦ).

Таким образом, надо признать, что между Китаем и Россией в регионе существует конкуренция, которая способствует диверсификации энергетического экспорта странами Центральной Азии.

Главное противоречие между Россией и Китаем в Центральной Азии заключается в нежелании китайского руководства признать Центральную Азию зоной особых интересов и особого влияния РФ, в стремлении Китая усилить в нем свое экономическое влияние. Стратегия КНР заключается в том, чтобы превратить ЦАР в своего рода «общее соседство» России и Китая, в рамках которого российское преимущественное влияние в нем было бы сокращено и сбалансировано усилением китайского. Отказываясь воспринимать Центральную Азию как зону преобладающего влияния России, Китай скептически настроен в отношении попыток трансформации ОДКБ и ЕврАЗЭС в главные

интеграционные механизмы и институты безопасности в регионе. Как уже говорилось, с точки зрения Китая ключевой организацией безопасности и экономической интеграции в Центральной Азии, определяющей ее архитектуру, должна стать ШОС [1, 158].

Российско-китайские отношения при всей своей позитивной динамике характеризуются наличием ряда острых проблем, которые хотя и несколько отошли на второй план из-за более важных двусторонних приоритетов, но обладают объективно высоким «деструктивным» потенциалом. Пожалуй, наиболее сложным, деликатным и взрывоопасным до недавнего времени оставался территориальный вопрос. На данный момент пограничный вопрос окончательно разрешен, т. е. завершено юридическое оформление российско-китайской границы на всем ее протяжении. Однако в КНР действуют правила, касающиеся всех открытых карт, которыми предписано для обозначения географических названий на территории России в скобках указывать китайские названия:

1. Владивосток — Хайшэнъвэй.
2. Уссурийск — Шуанчэнцзы.
3. Хабаровск — Боли.
4. Благовещенск — Хайланьпао.
5. Остров Сахалин — Куедао.
6. Нерчинск — Нибучу.
7. Николаевск — Мяоцзе.
8. Становой хребет — Вайсинаньлин [12].

Необходимо отметить, что издание географических и иных карт с преднамеренным искажением или изменением границ, а также целенаправленное искажение или изменение топонимики спорного региона в политических целях называется картографической агрессией. Картографическая агрессия может либо предшествовать агрессии военной, подготавливая общественное мнение своей страны и международного сообщества к спорности той или иной территории и ее отторжению в пользу агрессора, либо фиксировать результаты агрессии и захвата территории, выдавая ее за исконно свое [6].

Рассматривая проблемы российско-китайского сотрудничества, следует отметить следующее. Взаимодействие с таким партнером, как Китай, безусловно, требует учитывать особенности национальной психологии, чрезмерно развитую реактивность на любую попытку ущемить национальное достоинство и самостоятельность страны. Конечно, Китай — сложный партнер. Трудности в двусторонних отношениях, естественно, возникают и будут возникать, ибо каждая из сторон стремится защищать прежде всего свои национальные интересы.

1. Демиденко С. КНР и государства ЦАР // Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. М., 2010.

2. Десятый миллиард кубометров газа поставлен в Китай по газопроводу Китай-Центральная Азия [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.news.cn> (дата обращения: 10.03.2012).

3. Дюшебаев А. Китай как экспортёр оружия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.easttime.ru/analytic/3/8/1004.html> (дата обращения: 12.02.2012).

4. Индия взяла войну на вооружение // Газета «Коммерсантъ» от 27.03.2012.
5. Индия и Китай останутся на обозримую перспективу крупнейшими импортерами российских вооружений [Электронный ресурс]. URL: <http://guns.arsenalnoe.ru> (дата обращения: 12.02.2012).
6. *Мадоян Р.* Картографическая агрессия. Что это такое и что стоит за ней? [Электронный ресурс]. URL: <http://vayg.ucoz.ru> (дата обращения: 12.02.2012).
7. О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами: ФЗ от 19 июля 1998 года № 114 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsvts.gov.ru> (дата обращения: 12.02.2012).
8. Объем транспортировки сырой нефти в Китай по китайско-казахстанскому нефтепроводу превысил 20 млн т [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.news.cn> (дата обращения: 10.03.2012).
9. *Петерсон А.* Россия, Китай и энергетическая политика в Центральной Азии. М., 2012.
10. Российско-казахстанские торгово-экономические связи: Справка от 02.10.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 12.02.2012).
11. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.energystrategy.ru> (дата обращения: 12.02.2012).
12. *Храмчихин А. А.* Москве предлагается очень невеселый выбор // НВО. 10 сент. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://nvo.ng.ru> (дата обращения: 12.02.2012).
13. *Храмчихин А. А.* Неадекватный «Восток» // НВО. 23 июля 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://nvo.ng.ru> (дата обращения: 12.02.2012).

Рукопись поступила в редакцию 20 апреля 2012 г.

УДК 327.58(470) + 327.58(510) + 341.17

К. Г. Муратшина

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И КНР: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ (НАЧАЛО XXI в.)

Межрегиональное сотрудничество в партнерстве РФ и КНР вышло в годы мирового финансового кризиса на первый план. Автор на материале дипломатических документов и планов сотрудничества сторон исследует ход взаимодействия РФ и КНР на уровне регионов, а также Программу сотрудничества регионов на 2009–2018 гг.

Ключевые слова: РФ, КНР, стратегическое партнерство, межрегиональное сотрудничество.

Международный финансовый кризис 2008 г., способствовавший усилению Китая вследствие особенностей развития страны, гибкости и дальновидности антикризисной политики, на глазах изменил роль этой азиатской страны в мире, а также в отношениях стратегического взаимодействия КНР с Россией. Для сотрудничества РФ и КНР кризис стал толчком назревавшего последние годы изменения качества партнерства, закрепления России в качестве партнера, предоставляющего значительные возможности для роста и развития экономики

КНР в текущий момент и готового на расширение этих возможностей в перспективе. Имеются в виду передача Россией КНР права хозяйствования на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока под флагом привлечения инвестиций, расширения межрегиональных связей, а также планы передачи в аренду Китаю сотен тысяч гектаров сельскохозяйственных земель.

Задачи обеспечения своей экономики сырьем, создания зон хозяйствования на смежной территории страны-соседа ставились КНР в самом начале развития сотрудничества с РФ. В Совместной декларации 1994 г. впервые вводятся понятия «взаимодополняемый характер экономик» и «развитие кооперации между регионами России и Китая» (IV.2) [14]. При этом термин «взаимодополняемость» изначально трактовался китайской стороной как возможность получения из РФ ресурсов, необходимых для развития экономики КНР, в обмен на китайские товары для российской промышленности и населения.

В сентябре 1994 г. председатель КНР Цзян Цзэминь, характеризуя цели и задачи стратегического взаимодействия как формы взаимоотношений России и Китая, назвал шесть основных направлений сотрудничества, из которых самыми важными впоследствии стали два: «4. В полной мере использовать природные условия в обоих государствах, активно развивать взаимовыгодные и взаимодополняющие экономические и торговые связи, содействовать общему процветанию. 5. Усиливать строительство в сфере законодательства и создания определенной системы, на здоровой основе и в соответствии с определенным порядком развивать обмены между людьми обоих государств, превращать границу между Китаем и Россией в пояс мира, дружбы, процветания» [18, 526].

В начале 90-х в России, еще сохранившей передовые позиции в области новых технологий, выпускавшей качественную военную технику и промышленное оборудование, многие пункт 4 воспринимали как декларирующий и впредь равноправное сотрудничество в сфере науки и техники. Хотя фраза «в полной мере использовать природные условия» должна была заставить задуматься. А если Россия не может или ей нет пока необходимости «в полной мере использовать природные условия» Сибири и Дальнего Востока? Значит ли это, что тогда она в рамках «взаимодополняемости» должна предоставить возможность пользоваться ресурсами своему партнеру?

Пункт 5 подразумевал выработку такого порядка, который бы «на здоровой основе» и законных основаниях позволял «людям Китая» хозяйствовать на незаселенных приграничных российских территориях, поскольку вряд ли «люди нашего государства» готовы массово делать бизнес в Китае.

Годы международного финансового кризиса, еще более закрепившие за Россией роль поставщика ресурсов, чаще невозобновляемых, а Китай продвинувшие на второе место в мире по объему ВВП после США, дали возможность КНР решить с Россией многие задачи, которые и ранее обсуждались на переговорах, но не решались, поскольку Россия искала если не взаимовыгодный, то более приемлемый вариант решения. Кризис и ставший более мощным Китай заставили ее быть говорчивее.

Среди крупных двусторонних проектов, принятых под давлением КНР в годы кризиса, можно выделить Программу сотрудничества между регионами Дальнего

Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018) [12], закрепляющую на целое десятилетие роль России как поставщика сырья для возрождающегося северо-восточного региона Китая. Программа возрождения промышленной базы Северо-Востока Китая была опубликована в КНР в марте 2007 г. С самого начала разработчики ориентировались на перспективу переработки дешевых сырьевых ресурсов сопредельного российского региона. Российская сторона видела выгоду данного проекта для себя не только в увеличении поставок сырья, но и в участии в реконструкции китайских предприятий, многие из которых были построены по советским проектам и оснащены советским оборудованием, однако вопрос об участии России в модернизации предприятий до сих пор безнадежно стоит в повестке дня встреч. Когда появилась российская программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.», Китай стал настойчиво пропагандировать идею «о неотвратимости координации» программ. Целые научные институты и подразделения экономических учреждений, СМИ, политики вели активную кампанию по доказательству концепции «взаимодополняемости», объединения усилий двух стран в развитии смежных территорий. Надо отметить, что и у нас за эти годы появилось много сторонников взаимодополняемости, главный козырь которых — нехватка в стране рабочей силы, малонаселенность Дальнего Востока и Сибири, из-за чего якобы невозможно собственными силами что-то сделать в регионе.

Первые «пожелания» координации программ были высказаны президенту В. В. Путину в 2004 г. во время посещения им г. Сиань, а затем — на встрече Ху Цзиньтао с руководителями субъектов Сибирского федерального округа в Новосибирске в 2005 г. «Пожелания» превратились в «намерения» сторон и были закреплены в Совместной декларации РФ и КНР, подписанной в Москве в 2007 г. В ст. 8 раздела I включены обязательства «стимулирования экономического развития сопредельных регионов двух стран... В этой связи надлежит активизировать совместные усилия по углублению координации в процессе осуществления стратегий развития регионов российского Дальнего Востока и Восточной Сибири и возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая, приступить к подготовке плана сотрудничества в данной области» [15, 491–501].

Летом 2008 г. в ходе встречи Ху Цзиньтао с Д. А. Медведевым китайский руководитель вновь поднял эту тему. Начавшийся кризис заставил российские министерства и ведомства переключиться на другие проблемы. Но, несмотря на то, что уже собранные предложения дальневосточных и сибирских краев и областей не были подвергнуты экспертизе, не были просчитаны ни с точки зрения выгоды, ни с точки зрения безопасности, не были увязаны с существующими планами развития региона, в сентябре 2009 г. в ходе работы сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке Д. А. Медведев и Ху Цзиньтао подписали подготовленный китайской стороной вариант Программы. Уже одно то, что механически соединили глубоко проработанный, комплексный, просчитанный с прицелом до 2020 и 2030 гг. китайский план и программу-прогноз «Экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на период до

2013 г.», в которую включили непросчитанные предложения краев и областей, говорит о неравноценности российской и китайской частей документа. Хорошо, что в преамбуле прописана возможность «по мере осуществления сотрудничества... вносить необходимые изменения и дополнения». Забегая вперед, отметим, что российская сторона в полной мере использует сейчас эту возможность, что вызывает недовольство китайского партнера.

Первую часть Программы открывает список строительства и реконструкции множества пропускных пунктов на границе. Также планируется строительство дорог, соединяющих месторождения полезных ископаемых на российской территории с пограничными пунктами; грузовых площадок, причальных сооружений — с целью увеличения их пропускной способности. В «сфере транспорта» запланировано «изучение возможности взаимного использования портов», «увеличение объема перевозок китайской стороной», помочь по перевозкам грузов в другие регионы РФ, «наращивание пассажирского потока» через границу всеми видами транспорта; обеспечение «временной трудовой деятельности граждан» в соседней стране «через проекты в сельском хозяйстве, животноводстве и строительстве». Речь идет о более свободном доступе китайских предприятий и китайской рабочей силы на территории российских областей, поскольку трудно предположить, что сибиряки поедут в Китай создавать животноводческие фермы и сажать картошку.

Предусматривается содействие семейному, молодежному туризму. Безусловно, это адресовано главным образом жителям сибирских и дальневосточных российских территорий, которым не по средствам всей семьей ездить на отдых и лечение на черноморские курорты, совершать турпоездки по Золотому кольцу или в музеи Петербурга. Таким образом происходит полноценная переориентация российских граждан на совместную работу и отдых с китайцами, на поездки за покупками в какой-нибудь Чанчунь и на отдых на юг КНР, так, что далекая и дорогая Москва будет словно заграницей. Специальный раздел предусматривает создание двух российско-китайских парков научно-технического сотрудничества во Владивостоке и Партизанске и пяти — на китайской территории.

Сердцевина Программы — ее вторая часть, состоящая из списка ключевых проектов сотрудничества между регионами. Почти все проекты, за небольшим исключением, рассчитаны на освоение китайскими рабочими российских месторождений, вывоз добытого сырья по построенным на китайские средства дорогам в китайские приграничные провинции, где запланировано для переработки российских ресурсов и далее выпуска промышленной продукции создание более ста предприятий с использованием высоких технологий. Список проектов более чем впечатляющий — от геолого-разведочных работ и освоения нефтяных месторождений, разработок разведенных еще в советское время месторождений железных, медных, полиметаллических руд, золота, титана, олова, молибдена, ванадия, нефрита до совместного освоения биоресурсов. Предполагается совместный морской и зверобойный промысел в Магаданской области, реконструкция двух лососевых рыбоводческих заводов в Еврейской автономной области с последующей поставкой основной части продукции в КНР.

Забайкальский край предложил китайским инвесторам порядка десяти месторождений; Иркутская область готова передать в разработку месторождения магнетитов, золото-серебряно-полиметаллических руд, а также предлагает «экологически чистую питьевую воду озера Байкал». Амурская область, Хабаровский край, Бурятия, другие области и края представили примерно такие же предложения.

Конечно, кроме дорог и погранпереходов кое-что намечается построить и на российской территории: несколько лесоперерабатывающих предприятий, предприятие по производству энергосберегающих нагревательных приборов, предприятия по добыче и розливу питьевой воды из Байкала, которая большей частью также пойдет в КНР, производство серебряной питьевой воды в бухте Русская на Камчатке, кирпичный и цементный заводы для «строительства доступного жилья», производство kleеной фанеры и плит МДФ.

М. В. Александрова, много лет ведущая в ИДВ РАН тему приграничного сотрудничества и хорошо осведомленная о всех проектах, замечает, что планы переработки древесного сырья на российской территории предусматривают изготовление лишь малоприбыльной низкокачественной продукции, использующей отходы лесодобычи (кора, сучья и др.), а ценный массив предназначается для экспорта в Китай для производства «среднекачественной и высококачественной» мебели [1, 200–201]. Предполагается использовать и российских специалистов для научно-исследовательской работы, для чего намечается строительство российско-китайского Центра биологических исследований и генной инженерии, но не в России, а в г. Далянь.

Обращают на себя внимание планы развития острова Большой Уссурийский: от природоохранных мероприятий и строительства мостового перехода через протоку Фуюань (Казакевича) до создания дорожной сети. Мы помним, что Дополнительным соглашением о российско-китайской государственной границе на ее восточной части (2004) часть острова была передана КНР, хотя, как свидетельствуют архивные документы, в том числе и договор 1860 г., острова у Хабаровска юридически бесспорно входили в состав России. Ю. М. Галенович, много лет исследующий пограничные проблемы, на которые указывает китайская сторона, назвал произошедшую передачу территории «итогом сорокалетних переговоров и разумным компромиссом» [6, 408]. Китайские же СМИ тогда писали о «возвращении Китаем части своей территории».

Так какой регион возрождается этой совместной Программой? С момента ее подписания, которое сопровождалось резкой критикой со стороны российских специалистов, руководством страны были приняты некоторые меры по изменению российской части документа, ускорена работа над новой программой развития региона. Тем не менее мы вынуждены констатировать, что она отвечает преимущественно интересам развития нашего китайского партнера. И это подтвердил в ходе Байкальского экономического форума в сентябре 2011 г. министр регионального развития РФ В. Ф. Басаргин, отметив, что инвестиционные желания российской и китайской сторон не совпадают: предприниматели КНР проявляют активность в реализации проектов, ориентированных на вывоз сырья и строительство транспортных коридоров, Россия же заинтересо-

вана в развитии производств глубокой переработки сырья с высокой добавочной стоимостью [11].

Между тем Программа — лишь один из документов, обеспечивающих Китаю решение многих задач: получения ресурсов, обеспечения занятости рабочей силы, расширения зон хозяйствования и возможностей проникновения на российский рынок, привязывания российских регионов к Китаю. Содержание конкретных проектов в рамках российско-китайского межрегионального сотрудничества способствует решению этих задач. Остановимся лишь на тех аспектах сотрудничества, что затрагивают экономическую безопасность государства. Н. А. Симония и его коллеги из ИМЭМО РАН много лет пытаются доказать, что у России, при умном использовании государственных рычагов, достаточно собственных сил и возможностей для освоения Дальнего Востока: «Россия не Алжир и не Нигерия, чтобы взять деньги и отдать разработку месторождений полезных ископаемых в чужие руки. Ведь важно не добить и вывезти, важно привлечь высокотехнологичные инвестиции, чтобы на следующем месторождении воспользоваться ими самим» [13, 9]. Но в России нет полноценного действующего комплексного плана развития Дальневосточного и Сибирского регионов, а правовое обеспечение внешнеэкономической деятельности регионов прописано так, что всегда можно обосновать приоритет действий региональных властей над федеральными. Конституция РФ (ст. 78) декларирует возможность передачи центром части своих полномочий субъектам РФ [10]. В ст. 72 и 73 говорится о совместной компетенции вопросов внешнеэкономической деятельности между федеральными и региональными властями, необходимости координации ВЭД регионов и центра, за исключением решения тех вопросов, что закреплены за Федерацией. Более подробно регулирует внешнеэкономическую деятельность (ВЭД) регионов ряд законодательных актов. Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ» (1998) дает регионам значительные права ведения ВЭД, обязывая согласовывать проекты с МИД РФ или другими федеральными органами исполнительной власти [17].

В самих регионах существует собственная правовая база — конституции, уставы республик, краев и областей, договоры о ведении ВЭД и разграничении полномочий с центром, демонстрирующие большие свободы при установлении международных торгово-экономических связей или свободу толкования. Например, Конституция Республики Бурятия, признавая, что координация ВЭД находится в совместном ведении республики и центра (ст. 62, п. «о»), к ведению собственно республики ниже относит « осуществление международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств» (ст. 63, п. «м») [9].

В. Г. Гельбрас, М. В. Александрова, другие исследователи неоднократно обращали внимание на нацеленность на получение сиюминутной выгоды от сотрудничества с КНР чиновников на местах и равнодушные российских чиновников в центре, отсутствие просчитанных проектов использования полученных средств. В декабре 2010 г. в интервью ИТАР-ТАСС губернатор Магаданской

области Н. Дудов, прибывший с делегацией в Пекин в рамках межрегионального обмена, заявил: «Приезд нашей делегации в КНР обусловлен желанием привлечь инвестиции для разработки минерально-сырьевых ресурсов, которыми мы располагаем... Нам, к сожалению, не хватает собственных средств, чтобы их эффективно осваивать». Магаданский губернатор запросил 500 млн долл. за четыре проекта: освоение месторождения с прогнозными запасами золота более 600 т плюс «освоение техногенных россыпей в отвальных комплексах, а также промышленное освоение двух месторождений бурых углей со строительством предприятия по комплексной переработке» [4].

Позже были подписаны контракты на общую сумму более 2 млрд руб. Юго-Западная горнопромышленная компания провинции Цзилинь получила лицензии на геологическое изучение, разведку, добычу в Магаданской области рудного серебра и золота на месторождениях «Сенон» и «Серебряное», месторождениях сурьмы и серебра «Утро», месторождении коренного золота. Глава китайской компании Шао Цзяньсян при этом отметил, что китайская сторона может расширить перечень инвестиционных проектов в регионе, так как компанию устраивают условия и инвестиционный климат в целом [8].

Другие подробности сделки неизвестны. Но, исходя из опубликованного, можно говорить о продаже месторождений драгоценных металлов «на корню» — от геологического изучения и разведки до добычи. Специфика китайского инвестирования за рубежом состоит в том, что инвестирование средств сопровождается китайским менеджментом проекта, ввозом китайской рабочей силы, техники, стройматериалов и другого оборудования, вывозом сырья на переработку в КНР. За два года воплощения проектов только на геологическое изучение и разведку в Магаданской области ушло 330 млн из 2 млрд руб. Далее последуют затраты на обустройство жилья для тысяч ввозимых рабочих, собственно их содержание, экспорт техники, создание необходимой инфраструктуры, в том числе на прокладку дорог для вывоза сырья, и т. д. Хотелось бы думать, что из оставшейся суммы инвестиций в бюджет Магаданской области поступят средства, которые обеспечат решение конкретных задач в регионе. Но, к сожалению, говорится лишь о том, что инвестиционное сотрудничество направлено на наращивание экономического потенциала, увеличение вклада в региональный валовый продукт и налоговых поступлений; китайская сторона будет принимать участие в развитии инфраструктуры территорий, на которых реализуются инвестиционные проекты [7].

О недооценке выгод сделок с КНР российской стороной пишет «Интернейшнл Геральд Трибюн»: китайские партнеры России постоянно требуют снижения цен на сырье, мотивируя тем, что «огромные запасы сырья в Сибири при всей своей величине и изобилии не имеют ценности при отсутствии по соседству готового купить их потребителя». Автор статьи Э. Крамер приводит пример китайской горнодобывающей компании, которая закупала железную руду в Бразилии по 170 долл. за тонну, и отмечает, что Россия с Кимканского месторождения будет экспортировать в КНР руду по цене всего лишь около 80 долл. за тонну. Он пишет, что российские политики и предприниматели заключают сделки ради сиюминутной выгоды. В пример приводится директор

гигантской шахты, на которой добывается четыре тонны золота в год. Для золотодобычи используется китайское оборудование, китайские водители осуществляют перевозки. «Китай — наш сосед, — говорит Карсканов (директор шахты. — К. М.). — Если у нас есть что-то, что нужно нашему соседу, почему не продать ему это?» [19].

Об особенностях федерального и регионального законодательства, отсутствии расчетов и экспертизы проектов, особенно в регионах, хорошо знают китайские участники внешнеэкономической деятельности. И они используют эти особенности в своих интересах. Вот понимание практики регионального сотрудничества китайской стороной. Сотрудник Института России АОН провинции Цзилинь излагает суть сотрудничества российского Дальнего Востока и провинции Цзилинь: «Дальний Восток и Сибирь России имеют богатые природные ресурсы. Китай имеет богатые ресурсы трудовых сил. Это огромные потенциал и перспективы в сотрудничестве по освоению и добыче ресурсов. Дальний Восток обладает богатыми запасами древесины, дает более половины рыбы и морепродуктов России, ежегодное производство — более 3 млн т. Около половины древесины, рыбы и морепродуктов Дальнего Востока вывозится в другие районы страны и за рубеж. Дальний Восток лишь на 40 % обеспечивает себя зерном, овощами и мясом, остальное ввозит из внутренних районов страны. Провинция Цзилинь имеет излишки зерна, овощей и мяса и может экспорттировать их на Дальний Восток. Но производство рыбы в провинции Цзилинь составляет всего лишь 100 тыс. т — 3,3 % рыбной продукции Дальнего Востока. Она нуждается в импорте рыбы... Площадь Дальнего Востока России в 33 раза больше площади провинции Цзилинь, а численность населения Дальнего Востока только 6546,9 тыс. человек (на 1 января 2006 г.), это 26,8 % населения провинции Цзилинь. Отправка трудовых сил в Россию из провинции Цзилинь пойдет на пользу экономическому развитию российского Дальнего Востока, а также смягчению ситуации с занятостью в нашей провинции. Можно создать СП, открыть гостиницы, рестораны, больницы, магазины, парикмахерские, фотоателье, мастерские по ремонту часов. Кроме того, еще можно открыть рыбхозы, лесхозы, рудники и т. д.» [3, 105–107].

Такое понимание содержания сотрудничества особых комментариев и не требует, все выражено очень ясно. Логика китайской стороны такова: зачем отправлять рыбу вглубь России или торговать ею где-то еще, когда рядом население провинции Цзилинь съест ее всю; зачем вести с Кубани российское зерно, если у провинции Цзилинь есть излишки, российский производитель оказывается вообще не нужным Дальнему Востоку. Наконец, Van Шицай заостряет внимание на том, сколько пустует земель, на которых избыточные трудовые силы провинции Цзилинь могли бы жить, работать и строить бизнес. Статью Van Шицая следовало бы привести полностью, поскольку в ней еще говорится, что «люди провинции Цзилинь могут заимствовать передовые технологии по разведке и добыче драгоценных металлов», которые пригодятся им в Китае и других регионах; а также использовать «порты Славянка, Зарубино, Владивосток, Находка для развития приморского, а затем и международного туризма» и т. д.

Из данной статьи (а она отражает мнение не одного конкретного исследователя) следует, что с точки зрения Китая России, не имеющей ни сил, ни средств, ни рабочих рук, Дальний Восток не нужен. Его, исходя из закрепленного во многих документах, касающихся границы, принципа «справедливого и рационального подхода», а также другого принципа «взаимодополняемости», можно отсечь от центра России. Тем более что центр особо и не заботится о своей дальневосточной окраине. Если не отсечь, поскольку это достаточно радикально, то хотя бы освоить. Пустить в дело пропадающие земли, порты, извлечь из недр драгоценные и цветные металлы. Предложения о хозяйственном освоении дальневосточных территорий и создании экономических зон делал председателю Правительства РФ В. С. Черномырдину глава правительства КНР Ли Пэн еще в 1996 г. [5, 203]. Все это, по мнению китайцев, пойдет на пользу развитию КНР и всему миру, поскольку Китай будет производить товаров и продовольствия еще больше, и они будут еще дешевле.

Три века назад М. В. Ломоносов провидчески указал, что именно Сибирью и Северным океаном будет прирастать российское могущество. Под Сибирью великий русский ученый подразумевал территорию от Урала до Тихого океана. Сегодня этот регион привлекает внимание многих государств. Китай, умело используя наше отрицание регулирующей роли государства, отсутствие масштабных целей и перспективных планов, комплексного подхода к развитию страны, несовершенство законов и коррупцию, шаг за шагом продвигается в привязывании региона к себе. 28 декабря 2009 г. Правительство РФ утвердило Стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период по 2025 г., в марте 2011 г. утвержден план мероприятий по ее реализации. План включает три этапа, но лишь на первом (2009–2015) обозначено «обязательное и значительное участие государства в решении социальных проблем и устраниении инфраструктурных ограничений экономического роста» [16].

Представляется, что участие государства, а главное государственный контроль, должны быть «значительными» на всех трех этапах, поскольку половина времени первого этапа ушла на разработку федеральных программ региона и плана развития Владивостока, на подготовку различных предложений и разработку механизмов внедрения. При этом регионы еще не завершили разработку своих долгосрочных целевых программ на 2014–2018 гг. и основных направлений развития до 2025 г. Региональные программы должны сопрягаться со Стратегией. Стратегия и планы ее реализации могли бы быть открыты для широкого обсуждения в стране как наибольшим числом специалистов, так и общественностью, поскольку речь идет об одном из важнейших направлений дальнейшего развития страны.

Одна из последних инициатив российской стороны — создание госкорпорации, призванной содействовать развитию дальневосточного региона. Пока нет полной концепции развития такой госкорпорации, можно судить лишь о некоторых аспектах ее деятельности. Из интервью автора идеи С. К. Шойгу следует, что «главной проблемой будет привлечение инвесторов»; госкорпорация «будет направлять деньги, полученные, например, от продажи месторождения

полезных ископаемых, на развитие инфраструктуры вокруг этого месторождения» [2]. То есть то, что раньше делало государство или региональные власти, теперь будет делать госкорпорация.

Представляется, что если речь идет о развитии региона, на первом плане все же должны быть не продажа месторождений, а развитие собственных возможностей и потенциала, затем, в дополнение к этому, привлечение иностранных инвесторов, по возможности и из других стран Азиатско-Тихоокеанского региона, предлагающих не столь жесткие, как КНР, условия инвестиций. С. К. Шойгу упомянул в конце интервью о некоторых государственных мерах по привлечению переселенцев из европейских регионов РФ и СНГ: подъемных деньгах, льготной ипотеке, которую через 5–10 лет будет гасить государство или компания-наниматель, льготном автокредитовании. Понятно, что вопрос будет еще прорабатываться, но перечисленных мер явно недостаточно. Есть опыт XIX в. по созданию льготного режима для переселенцев и жителей, государственных инвестиций в добывающую и перерабатывающую промышленность, есть опыт советских времен. Существуют предложения принятия государственной программы расселения населения в приграничных районах Сибири и Дальнего Востока, разработанные Институтом социально-политических исследований РАН. Свои предложения, не лишенные здравого смысла, озвучили в ходе ежегодного отчета Правительства РФ перед депутатами Госдумы 11 апреля 2012 г. оппозиционные партии.

Подведем итог. Межрегиональное сотрудничество в партнерстве РФ и КНР вышло в кризисные годы на первый план, что закреплено и в официальных документах (см. Заявление об итогах встречи на высшем уровне в Москве – июнь 2009 г., Совместное заявление РФ и КНР о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия – Пекин, сентябрь 2010). Представляется, что формирующиеся его тенденции можно изменить. Во-первых, необходимы прежде всего политическая воля и понимание возможных неблагоприятных последствий для государства. Во-вторых, взаимодействие с КНР на любом уровне, в том числе региональном, должно происходить под контролем государства (не только чиновников, обязательно участие экономистов, экспертов-китаеведов, владеющих как знанием особенностей истории 400-летнего соседства, так и сегодняшних реалий КНР). В-третьих, планы взаимодействия двух стран должны сопрягаться с планами развития России и ее Дальнего Востока, в том числе Стратегией-2025; должны просматриваться четкая политика, понимание того, что Китай больше нуждается в российских ресурсах, чем Россия в их поспешной продаже. В-четвертых, необходим мониторинг хода российско-китайского партнерства с периодическим подведением итогов, изучением просчетов и извлечением уроков.

1. Александрова М. В. Программа сотрудничества смежных территорий России и Китая: история, факты, пути осуществления // Китай в мировой и региональной политике. М., 2010.

2. Бизнесу указали путь в Сибирь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/print/articles/664362-biznesu-ukazali-put-v-sibir.html> (дата обращения: 29.01.2012).

3. *Van Шицай*. Инвестиционное сотрудничество провинции Цзилинь с Россией в области геологоразведки и добычи полезных ископаемых // 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки : тез. докл. международ. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 2009. Ч. 1.
4. Визит губернатора Магаданской области // Вестн. Азия ИТАР-ТАСС. 2010. 1 дек.
5. *Галенович Ю. М.* Москва — Пекин, Москва — Тайбэй. М., 2002.
6. *Галенович Ю. М.* Россия — Китай: старт двух тандемов // Китайские сюжеты. М., 2010.
7. Губернатор Николай Дудов подписал два соглашения с инвесторами из КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://magadannews.me/novosti-magadana/8506-gubernator-nikolay-dudov-podpisal-dva-soglasheniya-s-investorami-iz-knr.html> (дата обращения: 10.04.2012).
8. Китайские инвесторы добудут на Колыме сурьму, золото и серебро [Электронный ресурс]. URL: <http://www.metalinfo.ru/tu/news/54611> (дата обращения: 20.03.2012).
9. Конституция Республики Бурятия [Электронный ресурс]. URL: <http://president.buryatia.ru/const> (дата обращения: 13.04.2012).
10. Конституция РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm> (дата обращения: 13.04.2012).
11. Материалы БЭФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.baikalforum.ru/news/781.html> (дата обращения: 25.09.2011).
12. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2009/10/12/216003> (дата обращения: 13.10.2009).
13. *Симония Н. А.* Выступление на круглом столе Центра исследований Восточной Азии и ШОС // Актуальные проблемы российско-китайских отношений и пути их решения : сб. материалов круглого стола. М., 2006.
14. Совместная декларация РФ и КНР 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.analysisclub.ru/index.php?page=chna&art=1869> (дата обращения: 15.11.2009).
15. Совместная декларация РФ и КНР 2007 г. // Сборник российско-китайских документов, 1999–2007. М., 2007.
16. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/str_soc_ekon_razv_dviz.htm (дата обращения: 10.04.2012).
17. Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tyumen-region.ru/foreign-economic/legislation/federal/4-fz/> (дата обращения: 13.04.2012).
18. *Цзян Цзэминь*. О социализме с китайской спецификой. М., 2004. Т. 3.
19. China's Hunger Fuels Exports in Remote Russia // The International Herald Tribune. June 9, 2010.

Рукопись поступила в редакцию 23 апреля 2012 г.

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

УДК 334.726 + 339.94

**О. В. Кожевников
С. А. Евтухов**

РОЛЬ ПРОЦЕССОВ СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

На основании имеющихся литературных данных в работе описываются исторические аспекты одного из распространенных способов быстрого входа на рынок — процессов слияний и поглощений. Анализируется место M&A в глобализационных экономических процессах

Ключевые слова: процессы слияния и поглощения, исторические аспекты, монополия, глобализация.

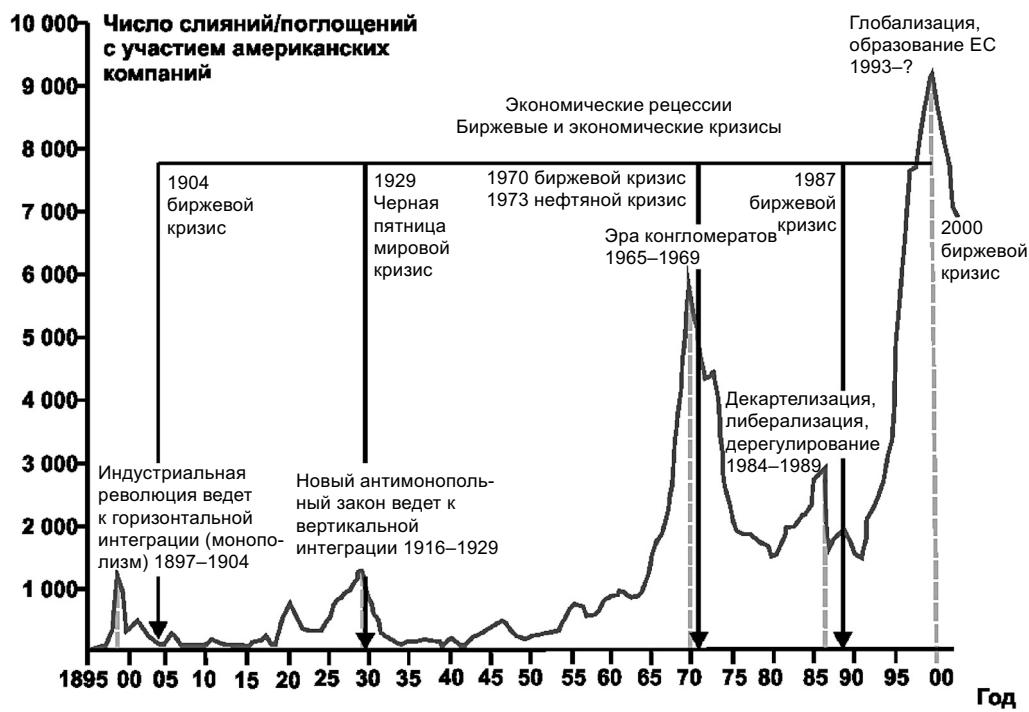
По мере углубления процессов глобализации мировой экономики все острее встает проблема конкуренции. При включении национальных компаний в мировой рынок конкуренция выходит на совершенно иной уровень. На мировом рынке такие компании могут столкнуться с нивелированием своих конкурентных преимуществ, вплоть до полного их обесценивания. Такое положение вещей вынуждает в корне менять стратегию поведения. По мере нарастания процессов экономической глобализации предприятия фактически вынуждены конкурировать уже не с национальными компаниями, а с целой мировой отраслью, крайне разнообразной по техническому оснащению, уровню производства, доле рынка. Все это поднимает планку барьера входа на глобальный рынок, не предоставляя предприятию времени на поэтапное планомерное развитие и заставляя его немедленно включаться в производственный процесс [1].

Одним из широко распространенных способов быстрого входа на рынок являются процессы слияния и поглощения (M&A — от англ. *Mergers and Acquisitions*). Согласно базовой терминологии, предложенной С. Ф. Ридом [2], *слияние* происходит, когда одна корпорация соединяется с другой и растворяется

в ней. *Поглощение* — это общий термин, используемый для описания передачи собственности. За последние годы рост через поглощения стал важнейшей составляющей успеха многих компаний новой экономики. Можно сказать, что слияния и поглощения явились единственным фактором роста их рыночной капитализации. Очевидно, что поглотить гораздо быстрее, чем построить. А в новой экономике, например, скорость вывода на рынок, скорость позиционирования, скорость превращения в жизнеспособную компанию решают все.

В литературе отмечается, что процессы M&A компаний на протяжении своей истории носят волновой характер с четко выраженным волнами подъема активности на рынках слияний и спада на фоне экономического роста и крупных экономических рецессий. Часто выделяют пять волн в развитии этих процессов [3] (см. рисунок).

Первая волна слияний приходилась [4, 5] на период 1895–1904 гг., так называемая монополистическая волна 1895–1904. Провозвестником первой волны слияний была организация в 1879 г. треста Standard Oil. В нем были сосредоточены около 90 % нефтеперерабатывающих мощностей Соединенных Штатов Америки и почти такой же процент трубопроводов для транспортировки нефти. В 1884–1887 гг. были созданы Cottonseed Oil Trust, Linseed Oil Trust, National Leed Trust, Distellers & Cattle Feeders Trust, Sugar Trust. Позднее наиболее влиятельными объединениями стали Diamond Match Company (1889), American Tobacco Company (1890), United States Rubber Company (1892), General

Electric Company (1892). Таким образом, по опубликованным данным [5], 1898–1902 гг. становится периодом с наивысшей слиятельной активностью. В течение 1895–1904 гг. было зафиксировано 3012 ликвидаций фирм через слияния, общая капитализация новоявленных компаний 6,91 млрд долл. Около трети этой активности было зарегистрировано в 1899 г.: 1208 ликвидаций и 2,26 млрд долл. капитализации.

Авторами работы [Там же] отмечается преимущественно горизонтальный характер слияний, что приводило в период 1898–1902 гг. к появлению одной доминирующей компании в отрасли. Данный период — это, по сути, эпоха монополий и зарождения гигантов, некоторые из которых существуют в измененном виде и по сей день. Так, 170 ликвидированных фирм сформировали US Steel Corporation с долей рынка, оцениваемой в 65 %; 162 фирмы были поглощены American Tobacco, получившей в результате до 90 % рыночной доли; 65 ликвидированных фирм преобразовались в E.I. du Pont de Nemours, получившей 85 % рынка.

Объяснить столь бурный рост монополизма в США частично можно за счет институциональных изменений [Там же]. Первая причина роста монополизма в США — развитие законодательства США [6, 7]. В XIX в. корпоративное законодательство было весьма жестким, не допускающим, чтобы одни корпорации владели акциями других корпораций, были установлены лимиты на корпоративную капитализацию, даже для изменения в капитале общества требовалось единогласное одобрение всех акционеров [8, 9]. Тем самым был поставлен законодательный барьер для слияний и чрезмерной монополизации рынка — «Шермановский акт» 1890 г. (Sherman Antitrust Act [10]). В США появившееся в конце XIX в. антитрестовое законодательство было направлено против создания картелей, удержания цен и заключения разного рода соглашений. Основными органами власти в США, призванными осуществлять контроль за соблюдением антитрестового законодательства, являются бюро федерального правительства — Антитрестовый отдел Министерства юстиции США, Федеральная торговая комиссия США. Судопроизводство в области разрешения споров, возникающих при применении антитрестового законодательства, осуществляет Верховный суд США [11]. Но он оказался применим только в торговле и практически никогда не использовался для споров в сфере промышленного производства. Во второй половине XIX в. данный подход часто нарушался. Это стало возможным благодаря низкой эффективности государственного аппарата и постепенно формирующихся традиций федерализма, а также растущего на этом фоне влияния Верховного суда США, не только быстро присвоившего себе право конституционного ревю, но и фактически координировавшего правовую политику в стране. При этом можно отметить зачастую конъюнктурный характер деятельности. В конце XIX в. Верховный суд становится эффективным инструментом монополистического бизнеса. Именно на этот период приходится становление крупнейшей корпорации США того времени — Standard Oil Джона Рокфеллера.

В последней трети XIX в. повсеместно стала применяться заводская система производства. Колонизация и расширение железнодорожной сети увеличили

рынки и сделали возможным крупномасштабное производство. Технологические инновации умножили производительные силы и способности производства через автоматизацию, специализацию и стандартизацию. Государственные корпоративные законы в 1880–1890 гг. были смягчены. В этот же период значительно развилась Нью-Йоркская фондовая биржа [12] — эффективный национальный рынок корпоративных ценных бумаг. Она обеспечила базу для крупных эмиссий (необходимых для множества объединений). Цены на акции к пику 1901 г. по сравнению с уровнем 1897 г. поднялись на 83 %. Кроме того, это был период быстрой экспансии бизнеса, сопровождающейся повышенными ожиданиями. Промышленное производство увеличилось за 1896–1901 гг. на 57 %. Это в совокупности с психологическими мотивами создало предпосылки для первой волны слияний [5].

По мнению Г. Линча [13], крупные тресты и объединения раннего периода по своему содержанию отвечали признакам монополии или олигополии, причем монопольное положение компаний было в первую очередь результатом процессов слияния и только во вторую — их мотивом.

В 1899 г. в штате Нью-Джерси было устраниено ограничение на холдинговые компании. Предпосылкой для крупных выпусков ценных бумаг, которые сопровождали множество ранних слияний, была организация крупномасштабного рынка капитала. В свою очередь, и консолидационное движение обеспечило базис для развития рынка ценных бумаг. Здесь, как и во многих других экономических явлениях, трудно дифференцировать причину и следствие. Однако то, что это был период значительного развития рынка корпоративных ценных бумаг, вне всяких сомнений. Число эмиссий, включенных в листинг Нью-Йоркской фондовой биржи, увеличилось со 150 в 1875 г. до 400 в 1900 г., а количество ежегодно торговавшихся акций выросло с 50 млн в 1895 г. до 250 млн в 1901 г. Торговая активность 1901 г. была превзойдена только в 1919 г. [5].

Вторая вероятная причина распространения процессов слияния, очевидно явившаяся прямым следствием первой, — активное развитие фондового рынка [Там же], что открыло возможности для привлечения капитала и автоматически дало возможность для слияний/поглощений и монополизации рынка. Рынок ценных бумаг в тот и последующие периоды не только сделал технически возможным осуществление крупных консолидаций, но и обеспечил арену для действия профессиональных учредителей. Дело в том, что некоторые бизнесмены были активными конкурентами и нелегко отказывались от антипатий и подозрений, порожденных конкуренцией. Это накладывало ограничения на встречно ориентированные добровольные шаги к консолидации. В этих условиях процесс создания трестов был возможным только благодаря существованию группы удачливых, агрессивных учредителей, способных с максимальной пользой и небескорыстно использовать благоприятность деловой ситуации, осуществляя сделки по объединению компаний. Однако удача была на стороне меньшинства. Высокое число банкротств среди объединений первой волны подтверждает, что мотивированкой ранних слияний были именно учредительские прибыли, а не действительная экономия.

В литературе превалирует мнение [5], что среди целей слияний преобладало устранение конкуренции и достижение монополистического положения (монопольной прибыли, контроля над рынком).

Другим фактором мотивации слияний являлось ожидание увеличения прибылей в результате экономии от масштаба. Однако, по мнению некоторых авторов, мотив экономии тоже был не доминирующим. Финансисты, профессиональные «рейдеры» и успешные бизнесмены, активные в раннем объединительном периоде, были психологически мотивированы на проведение слияний. (В действительности никакие возможные источники мотивации или благоприятствование внешней среды не могут рассматриваться по отдельности, как достаточные для объяснения этого либо любого другого периода слятьянной активности.)

Основная мотивация для участников слияния заключалась [4] в ожиданиях учредительских прибылей, увеличении власти и престижа, монополистических прибылей и экономии от масштаба. Успехи объединения в одной отрасли порождали слияния в других. Слияния проводились быстрыми темпами, и большая часть потенциала объединений в американской промышленности была исчерпана за несколько лет.

Падение на рынке слияний и поглощений развивалось столь же стремительно, как и взлет. Все началось в 1901 г. со спада на рынке ценных бумаг (см. рисунок). Рынок достиг дна в 1903–1904 гг. Крах на фондовой бирже привел к антимонопольным расследованиям, и прежде всего деятельности монополии Standart Oil.

Как уже было сказано, по действовавшему в XIX в. законодательству корпорации были не вправе обладать акциями других компаний. Но всеми акциями компаний, входивших в Standart Oil, владели ее акционеры. В 1882 г. акционеры Standart Oil подписали знаменитое «трастовое соглашение», учредившее попечительский совет, которому были переданы акции всех фирм, контролируемых Standart Oil. Затем сколоченный трест выпустил 700 тыс. акций, из которых почти 200 тыс. принадлежали Рокфеллеру. Для управления первой гигантской корпорацией были созданы центральный офис и система комитетов: комитет внутренней торговли, экспортный комитет, комитет по производству, комитет по персоналу, комитет по трубопроводам и др. Все они возглавлялись исполнительным комитетом, руководители которого входили в десятку самых богатых людей Америки [14].

Почти все последующие десятилетия Standart Oil, практически задушившая конкуренцию в нефтяном бизнесе, вела войну с администрациями нескольких американских штатов, которые заваливали суды антимонопольными исками. Рокфеллер использовал все мыслимые рычаги: подкуп высокопоставленных чиновников и сенаторов, рекламу и заказные статьи, благотворительность и спонсорскую поддержку партий. Борьба шла с переменным успехом. Standart Oil за 90-е гг. XIX в. пришлось несколько раз поменять свою организационную форму.

Столь крупная корпорация и ее глава естественно заинтересовали журналистский мир. Вся Америка узнала о беспощадных методах конкурентной борьбы,

коварных говорах и чудовищных махинациях. В 1906 г. подогретое журналистами общественное мнение позволило президенту США Теодору Рузвельту подать антимонопольный иск от имени Соединенных Штатов Америки против крупнейшей компании страны Standart Oil. «Процесс века» закончился только в 1911 г. постановлением о ликвидации компании. Роспуск корпорации даже технически оказался непростой операцией. Как распустить компанию, которая владела 70 % нефтеперегонных мощностей США, продавала три четверти всего керосина в мире, имела собственный флот? В итоге Standart Oil разделилась на несколько крупных корпораций. Большинство из них входят в десятку крупнейших компаний в мире: Exxon, Mobil, Chevron, Amoco, Conoco и др.

Второй период [3] слияательной активности (1916–1929) — Олигополистическая волна (см. рисунок) Число ежегодных ликвидаций через слияния колебалось от 50 до 200. Начиная с 1921 г. слияательная активность увеличивалась довольно устойчиво и к 1929 г. достигла пика: 1245 ежегодных ликвидаций. В 1923 г. начался исторический рост фондового рынка США, продлившийся шесть лет. Миллионы американцев становились участниками этого рынка. Многие, не имея достаточного количества наличных средств, приобретали ценные бумаги, занимая деньги на покупку у брокера. В условиях растущего рынка такая практика весьма выгодна, но при падении рынка очень сильно ударит как по инвестору, так и по брокеру. Так, весной 1929 г. американскую экономику поразил кризис перепроизводства, результатом чего стало резкое снижение фондового рынка в «черный четверг» 24 октября 1929 г. Вскоре последовала паника в «черный вторник» 29 октября 1929 г., когда индекс Dow Jones опустился более чем на 11 %. После 1929 г. слияательная активность резко оборвалась, сформировав картину, которая близко соответствовала модели цен фондового рынка в течение конца 1920-х — начала 1930-х гг.

Слияательная активность 1920-х гг. играла второстепенную роль относительно подъема темпов спекулятивной активности на фондовом рынке и быстрого расширения общей деловой активности. Этот период имел менее разрушительное воздействие на структуру конкуренции отраслей.

Предположительно характер слияний периода 1920-х гг. подвергался влиянию со стороны изменяющейся структуры антитрестовского законодательства. Расследование слияний, проведенных компаниями Standard Oil и American Tobacco, закончилось их роспуском в силу решений Верховного Суда от 1911 г. В 1914 г. Конгресс провел закон Clayton Act, усиливший давление на монополии и призванный защитить конкуренцию.

После Первой мировой войны законодательная атмосфера стала терпимее к слияниям [6, 7]. В двух случаях, в 1918 и 1920 гг., Верховный суд позволил сохранить United Shoc Mashinery Co. и United States Steel Corporation, основываясь на «правиле взвешенного подхода» (от англ. *rule of reason*). Было показано, что обе компании контролировали до 80 % производства в соответствующих областях, но суд нашел, что они являются эффективными производителями, не злоупотребляющими своей рыночной властью. Судебный прецедент «правила взвешенного подхода», очевидно, мог бы быть аннулирован для новых объединений через Clayton Act, если бы не лазейка приобретения активов.

Claiton Act ограничивал покупку акций, но не покупку активов. Вероятно, это было сделано потому, что предыдущие крупные корпорации действовали обычно через приобретение акций.

В 1920-х гг. возможности для слияний по-прежнему сохранялись, но общество и государство были уже явно менее терпимы к данным процессам, чем это было на рубеже XIX и XX вв. Слияния в 1920-х гг., как правило, предпринимались фирмами, которые не доминировали в отраслях, а их контроль над выпуском продукции не превышал 50 %. В результате хотя желание компаний установить контроль над конкуренцией было очевидным, из-за неблагоприятного правового климата оно осуществлялось в гораздо меньших масштабах по сравнению с первым периодом.

Кроме того, несмотря на то, что горизонтальные объединения, создававшие условия олигополистического рынка, по-видимому, и остались важной отличительной чертой второго периода, значительную часть слияний 1920-х гг. можно классифицировать или как конгломерат географического расширения рынка, или как конгломерат расширения ассортимента. Таким образом, менее значимыми элементами мотивации здесь выступают не только устранение конкурентов, но и достижение рыночной устойчивости и экономии от масштаба.

Нововведением второго периода (которое, вероятно, усилило сдвиг в сторону конгломеративных слияний) было развитие децентрализованных методов управления. Старая централизованная, функционально-специализированная форма организации компании заменялась децентрализованной, многодивизиональной, которая была впервые внедрена крупными фирмами General Motors, Du Pont, Standard Oil of New Jersey и Sears Roebuck. Многоуровневая структура удовлетворяла и краткосрочным, и долгосрочным потребностям прибыльного приложения ресурсов при переменчивости рынков.

Такой тип структуры разработан Альфредом Слоуном [15]. Последний предполагал, что эта форма организации имеет определенные нюансы: во-первых, увеличивает мотивацию управления (посредством децентрализации власти и ответственности и через увеличение прозрачности раздельного управления); во-вторых, увеличивает возможность высшего руководства измерять и контролировать работу благодаря возможности оценивать прибыли относительно инвестируемого капитала; в-третьих, увеличивает возможности всей работы компании через привлечение дополнительного капитала в те подразделения, где это обернется наиболее высокой отдачей [16].

Стратегия и методика диверсификации, которой следовал Du Pont, были скопированы другими химическими компаниями в 1920-х гг., и это может быть отнесено к тенденции всех корпоративных слияний в этой отрасли. Однако весьма сомнительно, что изменения в управлении крупномасштабной диверсификацией имели глубокое влияние на тенденцию к слияниям корпоративного образца в 1920-е гг., так как новый тип структуры не был широко известен до 1930-х гг.

В итоге роль внешнего учредителя и во второй период слияний продолжала быть значительной, что подчеркивает сохранение роли фондового рынка как среды стимулирования предпринимателей и профессиональных менеджеров.

Вместе с тем крупные мультифирменные консолидации не стали правилом, и история целого ряда крахов объединений, образовавшихся в 1895–1905 гг., заставляла бизнесменов осторожно относиться к практике слияний и поглощений. В 1920-е гг., в атмосфере царившего оптимизма, инвесторы стали менее осторожными. Новые выпуски ценных бумаг охотно и незамедлительно поглощались, чем обеспечивались идеальные условия для учредителей.

Последовавшая экспансия капитала в автотранспортной отрасли, секторе радиокоммуникаций расширила рынки и повлияла на изменения в отраслевой структуре. При этом неблагоприятная реакция публики на противоконкурентные последствия ранних горизонтальных консолидаций привела к усилению антитрестовского законодательства. Это стало предпосылкой для изменения в понимании экономических мотивов корпоративных консолидаций: вместо создания горизонтальных комбинаций бизнес стал предпринимать попытки осуществления конгломеративных слияний, основанных на эффектах от расширения ассортимента [4].

Третья волна слияний/поглощений (1965–1970) — Конгломеративная волна [Там же]. Данная волна слияний была зафиксирована вскоре после Второй мировой войны. Увеличение слиятельной активности с наиболее низкого уровня (126 ликвидаций в 1949 г.) поднялось до 1496 ликвидации в 1967 г. Постепенное увеличение активности и продолжительность этого периода отличают его от первого и второго периодов слияний. 1940-е гг. характеризовались сильным ужесточением применения антитрестовского законодательства. В 1945 г. Верховный суд пересмотрел «rule of reason». Было решено, что Aluminiun Company of America нарушила «Шермановский акт», монополизировав 90 % производства рафинированного алюминия. С этих пор монопольной властью не обязательно было злоупотреблять, она сама по себе была объявлена незаконной. В 1950 г. Celler-Kefauver Act внес поправку в статью 7 «Клайтон-Акта», закрыв лазейку поглощения активов (имущества). Поправка относилась ко всем типам слияний и поглощений, вертикальных, конгломеративных, горизонтальных. Однако чем меньше были связаны продукты и рынки сливающихся фирм, тем менее они были подвержены давлению со стороны антитрестовского законодательства.

Кроме ужесточения антитрестовского законодательства большое влияние было оказано на спекулятивно-продвиженческие и иные психологические мотивы внешних учредителей [5]. В 1933 г. был издан Securities Act, а в 1934-м — Securities and Exchange Act. Первые учредители достигали сверхприбылей новыми выпусками ценных бумаг, пускаемых в оборот при слияниях. По Securities Act 1933 г., любой новый выпуск, сопровождающий слияние, требовал раскрытия обширной информации об участвующих компаниях. Согласно Securities and Exchange Act 1934 г. подобная информация должна была предоставляться по просьбе уполномоченных лиц в связи с предполагаемыми слияниями. Ослаблению роли учредителей способствовало и требование раскрытия детальной информации об их заработках и деятельности [Там же].

Ослабла и роль внешнего финансирования, игравшего значительную роль в ранние периоды. Уменьшились комиссионные брокеров. В слиятельных опе-

рациях переговоры в основном велись прямо между управлением или группами собственников, покупающих и продающих фирмы, и внешними учредителями. В начале 60-х гг. в американской экономике наблюдаются тенденции к образованию новых форм монополистических объединений, так называемых конгломератов. В конгломератах, получивших развитие в основном в США, объединены самые разнообразные виды производств, не имеющие между собой никакой промышленной связи и не связанные также единым сырьем, едиными условиями сбыта.

Конгломератные слияния — результат усиления с середины XX в. концентрации научных исследований в области управления предприятиями. В конгломератах создаются условия для перелива капитала из одной отрасли в другую, минуя традиционный рынок капитала.

По оценке Федеральной торговой комиссии США, с 1965 по 1975 г. 80 % слияний привели к образованию конгломератов. Число чистых конгломератных слияний возросло с 10,1 % в 1948–1955 гг. до 45,5 % в 1972–1979 гг. Жесткое антимонопольное законодательство ограничило горизонтальную и вертикальную интеграцию. Количество горизонтальных слияний сократилось с 39 % в 1948–1955 гг. до 12 % в 1964–1971 гг.

В 70-е гг. активная деятельность крупных компаний по диверсификации активов продолжилась, и она была связана прежде всего со стремлением приобретения активов в сферах электроники и телекоммуникаций [4].

Четвертая волна [Там же] слиятельной активности стартовала в конце 1970-х — начале 1980-х гг. — это Смешанная волна. На ее начальном этапе по-прежнему отмечается образование конгломеративных слияний. Но в дальнейшем, в 80-е гг., замечено неуклонное падение прибылей конгломератов. Исследователи отмечают, что компании, входившие в конгломерат, начинают показывать худшие результаты по сравнению с независимыми предприятиями, находящимися в тех же отраслях. Становится очевидным, что дальнейшее расширение компаний за счет поглощения приносит лишь колосальные убытки. Фактически большая часть слияний и поглощений в 80-е гг. осуществлялась путем разделения конгломератов, образованных десятью-двадцатью годами ранее. Заметной становится тенденция враждебных поглощений. Учитывая смягчение антимонопольной политики, в этот период компании используют горизонтальные слияния [17].

Развитие фондового рынка, появление высокодоходных и высокорисковых долговых инструментов сделало наиболее популярными поглощения путем скупки акций. Наряду с этим становятся широко известными слияния, связанные с выкупом долговых обязательств [4].

Преимущественной сферой четвертой волны была сфера услуг: инвестиционный и банковский сектора, страховой бизнес, оптовая и розничная торговля, медицина и здравоохранение [5]. Особенностями явились активное и широкомасштабное использование заемного капитала при финансировании сделок и переход к децентрализованной структуре управления в корпорациях. Конец 1980-х — начало 1990-х гг. были периодом спада слиятельной активности. Однако с 1993 г. темпы роста числа сделок и их объема стали расти в геометрической

прогрессии. Если в начале 1990-х гг. общемировая стоимость сделок слияний и поглощений колебалась в пределах 400–450 млрд долл. в год, то в 1998 г. она составила свыше 2,4 трлн долл., причем особую роль в этом сыграли процессы роста на европейском рынке M&A.

Пятая волна — «Современная» — берет свое начало во второй половине 90-х гг. и протекает на фоне серьезнейших глобальных изменений: образование ЕС, введение единой европейской валюты и глобализация экономики. Все это не замедлило сказаться на рынке слияний, на котором отмечается формирование промышленных и финансовых супергигантов, зародившихся в результате объединения транснациональных корпораций, т. е. наблюдается сверхконцентрация компаний. Наиболее распространенным типом слияний в этот период является горизонтальная интеграция [18].

Если в начале столетия одним из основных стимулов слияний/поглощений было сокращение транспортных расходов, то последняя волна конца 90-х была обусловлена прежде всего снижением стоимости телекоммуникационных услуг, а также достижениями в области информационных технологий. Снижение оперативности обмена информацией и, как следствие, управляемости при достижении определенного размера тормозило дальнейший рост ТНК. С появлением таких информационных технологий, как электронная торговля и электронный документооборот, границы роста значительно расширились.

Дешевая и эффективная сеть коммуникаций позволяет фирмам размещать различные составляющие производств в разных странах, сохраняя при этом прямые организационные и информационные контакты, непосредственное управление товарными и финансовыми потоками. Современные информационные технологии также уменьшили необходимость физических контактов между производителями и потребителями и позволили некоторым услугам, которые ранее невозможно было продать на международных рынках, стать объектом торговли. При этом значительно (в разы) сократились издержки обслуживания оборота товаров и услуг [3]. Можно утверждать, что на пятом этапе стали формироваться глобальные производственные и финансовые объединения, фактически берущие под свой контроль национальные производительные силы и углубляющие международное разделение труда. В последующие годы мы безусловно будем наблюдать дальнейшее укрупнение ТНК с целью извлечения максимально возможной прибыли за счет переноса производства в развивающиеся страны, сокращения рабочих мест и т. д. Становится очевидным, что мы приближаемся к тому моменту, когда интересы корпораций войдут в противоречие с интересами отдельных государств и их антимонопольным законодательством, что, возможно, учитывая возросшее влияние компаний на национальном уровне, приведет либо к лobbированию смены законодательных актов, либо к открытым конфликтам с законодательной и исполнительной властью стран-респондентов.

1. Лукьянов С., Кисляк Н. Отраслевые барьеры входа как важнейший инструмент политики ограничения конкуренции // Вопр. экономики. 2007. № 2. С. 101–110.

2. Рид С. Ф., Лажу А. Р. Искусство слияний и поглощений : пер. с англ. / под ред. В. Ионова, А. Куницына, М. Чекулаева. М., 2004. С. 23–25.
3. Савчук С. В. Анализ основных мотивов слияний и поглощений // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 5. С. 25–35.
4. Щемелев С. Н., Акопян М. Г. Генезис и макроэкономические аспекты рынка слияний и поглощений (M&A) // Вестн. Ростов. гос. экон. ун-та (РИНХ). 2006. Т. 21, № 1. С. 7–14.
5. Криничанский К. В. Рынок слияний и поглощений как среда реализации функции стимулирования предпринимателей и менеджеров // Менеджмент в России и за рубежом. 2007. № 3. С. 43–56.
6. Мозолин В. П. Корпорации, монополии и право в США. М., 1966.
7. Мозолин В. П. Правовое положение предпринимательских корпораций и основные тенденции развития законодательства о корпорациях в США : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967.
8. Stigler G. J. Monopoly and Oligopoly by Merger // The American Economic Rev. 1950. Vol. 50, № 2. P. 23–34.
9. Stigler G. J. The Division of Labour is Limited by the Extent of the Market // J. Polytical Economy. 1951. Vol. 59, № 3. P. 185–193.
10. Act of July 2, 1890 (Sherman Anti-Trust Act), July 2, 1890; Enrolled Acts and Resolutions of Congress, 1789–1992; General Records of the United States Government; Record Group 11; National Archives Building, Washington, DC (<http://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=51>)
11. Бедило М. Зарубежный опыт: антитрестовское законодательство США // Конкуренция и рынок. 2003. № 19 (<http://www.konkir.ru/article.phtml?id=260>).
12. American Stock Exchange. Historical Timeline. NYSE Euronext, 2011. P. 1–3 (<http://www.nyse.com/about/history/1089312755484.html>)
13. Lynch H. Financial Performance of Conglomerates. Boston: Division of Research, Graduate School of Business Administration, Harvard University, 1971.
14. Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть : пер. с англ. М., 2011. С. 42–64.
15. Шпотов Б. Альфред Слоун — выдающийся менеджер XX века // Проблемы теории и практики управления. 1999. №. 4. С. 117–122.
16. Sloan A. P., Sparkes B. Adventures of a White-Collar Man. N. Y., 1941.
17. Алейникова И. С., Евтухов С. А., Лукьянов С. А. Определение входных барьеров в экономической теории и практики антимонопольной политики // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Социально-экономические науки. 2011. Т. 11, № 2. С. 105–110.
18. Lukyanov S., Tissen E., Kislyak N. The Russian Airline Industry: Contestable Market or... // Perspectives of Innovations, Economics and Business. 2009. Т. 2, № 2. С. 30–33.

Рукопись поступила в редакцию 22 мая 2012 г.

УДК 330.111.62 + 347.232.3

Е. В. Трифонов**ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

Демократизация муниципальной собственности представляет собой новое направление исследования отношений собственности. В статье определяется демократическая спецификация муниципальной собственности. Муниципальная собственность, как совместная собственность населения территории, является основой формирования гражданского общества.

Ключевые слова: демократизация отношений собственности, муниципальная собственность, демократизация муниципальной собственности, муниципальная неделимая собственность, муниципальная долевая собственность.

Понятие «муниципальная собственность» является новым для современной России. Оно появилось в самом начале рыночных реформ в нашей стране. Муниципальная собственность — особая форма собственности, существующая спецификация которой окончательно не утверждилась, поскольку идет процесс ее становления и определения как формы собственности.

В статье рассматривается демократическая спецификация муниципальной собственности, ставятся задачи, во-первых, определить экономический характер муниципальной собственности, доказать ее негосударственный, самостоятельный характер; во-вторых, установить состав объектов и субъектов муниципальной собственности; в-третьих, показать необходимость и возможность демократической спецификации муниципальной собственности.

Концепции муниципальной собственности

Существует точка зрения, что муниципальная собственность, появившаяся путем выделения из государственной, является разновидностью государственной собственности. Среди сторонников отнесения муниципальной собственности к государственной — большинство экономистов. Они считают, что государственная собственность функционирует как сложная, многоуровневая система, включающая в себя федеральную, региональную и муниципальную собственность. Сторонники противоположной точки зрения отстаивают негосударственный характер муниципальной собственности. Они утверждают, что муниципальная собственность не является ни государственной, ни частной. Существует третья точка зрения, согласно которой муниципальная собственность — это особая, самостоятельная, специфическая форма собственности, в которой есть черты, сближающие ее как с государственной, совместной собственностью, так и с коллективной долевой частной собственностью.

Негосударственный характер муниципальной собственности

Рассмотрим признаки, которые, по мнению большинства экономистов, позволяют определить муниципальную собственность как вторичную форму про-

явления государственной собственности. К таким признакам можно отнести, во-первых, преимущественно совместное присвоение результатов функционирования муниципальной и государственной формы собственности; во-вторых, неделимость объектов собственности, невозможность выделения доли каждого конкретного гражданина; в-третьих, закрепление принадлежности объектов собственности по административно-территориальному признаку; в-четвертых, неприбыльный характер функционирования системы муниципальной собственности; в-пятых, преимущественное производство услуг, а не выпуск товаров, т. е. ориентацию государственных форм собственности на решение социальных, а не экономических проблем [1, 23].

Приведенные признаки якобы государственной природы муниципальной собственности могут быть подвергнуты критике и опровергнуты.

Муниципальная собственность как самостоятельная форма собственности, создавая условия жизнеобеспечения населения территории, предполагает не только совместное, но и индивидуальное присвоение. Объекты муниципальной собственности предназначены для удовлетворения как общих, совместных потребностей, так и индивидуальных. Принцип самообеспечения и самофинансирования территории предполагает активное использование муниципальной собственности для организации муниципального производства продукции. Доходы от производства муниципальной продукции призваны обеспечить преимущественное поступление доходов населению муниципального объединения. Муниципальная территориальная единица должна быть самофинансируемой организацией. Развитие предпринимательской составляющей муниципального объединения формирует преимущественно индивидуальное присвоение результатов функционирования муниципальной собственности. Муниципальная собственность — это доходопоставляющая собственность в муниципальный бюджет и каждому жителю муниципального объединения.

Неделимость муниципальной собственности имеет место при отсутствии действительного, реального собственника. Современная муниципальная собственность — это безличностная, бессубъектная собственность, у которой нет хозяина. Но абсурдность такого состояния муниципальной собственности нельзя вводить в принцип и на этом делать выводы о неделимости объектов собственности. Наличие индивидуального собственника или совокупного собственника означает, что объекты собственности разделяются между собственниками. Неделимость объектов собственности показывает неразвитость, незаконченность обустройства собственности и отсутствие ее спецификации, что снижает эффективность функционирования этой собственности. Собственность, точнее объекты собственности, всегда распределены между собственниками. Неделимой собственность быть не может, если есть реальный собственник или собственники имущества.

Закрепление объектов государственной и муниципальной собственности по административно-территориальному признаку не означает подобие муниципальной собственности государственной. Акционерная собственность также может быть разделена территориально, и не только в рамках одной страны, но и в масштабе мировой экономики. Однако на основе этого признака никому не приходит

в голову рассматривать акционерную собственность как форму государственной собственности. Общие черты или различия между формами собственности можно обнаружить, вникнув в сущностные признаки форм собственности.

Неприбыльный характер муниципальной собственности также не может быть чертой сходства ее с государственной собственностью. Во-первых, современные государственные и полугосударственные производственные предприятия извлекают на рынке значительные прибыли; во-вторых, неприбыльность муниципальной собственности является показателем, с одной стороны, неэффективной региональной политики государства и государственных органов управления, с другой стороны, объясняется отсутствием экономических, правовых, организационных и административных мер поддержки муниципальных объединений. При устранении указанных недостатков муниципальные предприятия получат возможность извлекать прибыль и обеспечивать финансовую самодостаточность территории.

Преимущественное производство услуг для потребления населения, а не выпуск товарной продукции являются признаком изъянов, существующих в организации муниципальной собственности. Муниципальное объединение имеет право на предпринимательскую деятельность на своей территории, но не пользуется этим правом. Сегодня муниципальному объединению выгоднее быть иждивенцем и постоянно «выколачивать» средства из регионального или федерального бюджета, чем заниматься организацией муниципального, местного бизнеса на территории. Изменение характера муниципальной собственности и изменение критериев оценки деятельности администрации будет эффективным средством расширения деятельности муниципального бизнеса.

Таким образом, муниципальная собственность не является разновидностью государственной собственности, это самостоятельная, самодостаточная форма собственности, которая выражает специфические экономические отношения нарождающегося гражданского общества. Для выяснения специфического характера муниципальной собственности необходимо определить ее специфику, т. е. субъект, объект и характер экономических отношений между субъектами муниципальной собственности.

Объекты муниципальной собственности как условия жизнеобеспечения населения территории

Исходя из общего представления о собственности как об условии жизнеобеспечения людей, муниципальная собственность представляет собой условие жизнеобеспечения населения конкретной территории. Наиболее общий подход определения объектов муниципальной собственности заключается в том, что эти объекты предназначены для создания условий жизнедеятельности людей на данной территории. Создание условий жизнедеятельности людей предполагает необходимый набор экономических и социальных благ, удовлетворяющих разнообразные потребности людей. Муниципальная собственность распространяется на такие объекты собственности, которые решают проблемы удовлетворения потребностей населения муниципального объединения. Объектами муниципаль-

ной собственности могут быть любые объекты, их состав определяется не теоретическими рассуждениями ученых и практиков по реформированию муниципальной собственности, а реальными потребностями населения территории.

Финансовая самодостаточность муниципальных объединений заключается в том, что на территории образуются собственные доходы, покрывающие расходы муниципального объединения. В зависимости от способности формировать доходы объекты муниципальной собственности делятся на доходопотребляющие (бюджетообременительные), доходообразующие и самофинансируемые. Доходопотребляющие объекты — это такие элементы структуры муниципальной собственности, которые преимущественно существуют не за счет собственных доходов, а за счет расходов муниципального бюджета. Это объекты, находящиеся в здравоохранении, образовании, культуре и т. д., услуги которых предоставляются бесплатно, а поэтому требуют бюджетного финансирования.

Самофинансируемые объекты муниципальной собственности представляют собой объекты, расходы на функционирование которых в основном покрываются за счет собственных доходов. Муниципальный бюджет или совсем не финансирует такие объекты, или финансирует путем частичного погашения расходов этого сектора муниципальной экономики. Это объекты, находящиеся в секторе коммунального хозяйства, энергохозяйства, системе водоснабжения и т. д. Такие объекты муниципального хозяйства не приносят дохода местному хозяйству, но и не обременяют бюджет.

Доходообразующие объекты муниципальной собственности находятся в таком секторе хозяйства, в котором главной целью хозяйственной деятельности является получение дохода в целях расширенного воспроизводства объектов муниципальной собственности и обеспечения поступления доходов в местный бюджет. Важным элементом доходообразующих объектов муниципальной собственности являются муниципальные банки и другие финансовые институты. Муниципальные банки решают задачи обеспечения финансовыми ресурсами местных предприятий и поступления налоговых доходов в местный бюджет.

Современное состояние подавляющего большинства муниципальных объединений называется дотационным. Структура предприятий муниципального объединения окажется оптимальной, если коммерческие предприятия обеспечивают возрастающие поступления доходов в местный бюджет на уровне, обеспечивающем увеличение расходов бюджета с целью увеличения потребления общественных, совместно потребляемых благ. «На современном этапе развития экономики муниципальные образования должны иметь возможности как для капиталопоглощающего производства — производства общественных благ, так и для капитaloобразующего» [2, 49]. Итак, объекты муниципальной собственности призваны обеспечить условия жизнедеятельности населения конкретной территории, объединенной в рамках муниципального сообщества. Поскольку население муниципальной территории относительно обособленно и имеет свои особенные экономические интересы, поскольку материальные и духовные объекты становятся элементами самостоятельной формы собственности — муниципальной.

Субъекты муниципальной собственности

Элементом муниципальной собственности является субъект-собственник, контролирующий систему экономических отношений присвоения, владения, распоряжения и пользования объектами муниципальной собственности. Вопрос определения собственника муниципального имущества, а также субъектов отношений муниципальной собственности, их субординация, права и полномочия, которыми они обладают, остается крайне запутанным, дискуссионным и на сегодняшний день не решенным.

В законодательных актах неоднозначно сформулировано определение собственника муниципального имущества. В Конституции Российской Федерации субъектом права муниципальной собственности называется население. По Гражданскому кодексу РФ правом собственника муниципального имущества наделяется муниципальное образование, по Закону о местном самоуправлении – органы местного самоуправления. Такая неопределенность вносит путаницу и беспорядок в систему экономических отношений, создает почву для злоупотреблений, снижает эффективность муниципальной собственности.

Определение муниципального объединения как собственника муниципального имущества требует, во-первых, прояснения содержания понятия «муниципальное объединение»; во-вторых, выяснения экономического содержания понятия «муниципальное объединение».

В Законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» под муниципальным образованием понимается «городское, сельское поселение... иная населенная территория» [3, 82]. Согласно содержанию этого положения под муниципальным образованием понимается население территории, которое по сути образует муниципальное объединение, чтобы решать свои насущные интересы. Собственником муниципального имущества является население – учредитель муниципального объединения. Население территории обладает всей совокупностью полномочий собственника – правом владения, распоряжения и пользования объектами собственности. Субъектами экономической собственности являются реальные личности, живые люди, вступающие между собой в отношения собственности. Поэтому когда говорят, что муниципальное объединение является собственником муниципального имущества, это надо понимать так, что именно население муниципального объединения является полным и суверенным собственником муниципального имущества.

Субъектами муниципальной собственности являются по определению как собственники, так и несобственники. Субъектами муниципальной собственности, но не собственниками являются органы местного самоуправления. Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью. Наделение органа муниципального самоуправления полномочиями управления не превращает орган самоуправления в собственника, поскольку управление – это значительная, но только часть полномочий полного собственника. Органы местного самоуправления от имени, по поручению и в интересах населения осуществляют управление собственностью в целях благоустройства населения и обеспечения доходов от муниципальной собственности.

Некоторые авторы считают, что «при определении субъекта муниципальной собственности необходимо рассматривать население и представительные органы местной власти как единое, неразрывное целое, как социально-политическую систему, соответствующую современному уровню экономического развития и позволяющую наилучшим образом реализовать функции собственника» [4, 22–23]. Население и представительные органы местной власти можно рассматривать как единую социально-политическую систему в том смысле, что и те и другие составляют элементы системы отношений собственности, но с разными полномочиями. Именно четкое разграничение функций и полномочий собственника муниципального имущества обеспечивает эффективность муниципальной собственности. В этом единстве население и местные органы власти выполняют свои строго ограниченные функции собственника. Население муниципального объединения является действительным собственником, оно сосредоточивает всю полноту функций собственника, остальные субъекты являются несобственниками и выполняют частичные, строго обозначенные функции субъекта собственности.

Стуть взаимоотношений населения и органов местного самоуправления не меняется при наличии разветвленного, разросшегося административного органа управления. Разбухший орган местного самоуправления — это болезнь бюрократизации системы управления, которую государственная система управления по наследству передала органам местного самоуправления, это «атавизм» государственной системы управления. Развитие местного самоуправления должно происходить путем замены административно-бюрократического управления самоуправлением населения. Общественные органы самоуправления постепенно, по мере созревания условий, сократят бюрократическую систему местного управления, что снизит расходы общества (территории) на организацию управления.

Уже в настоящее время «в небольших административно-территориальных образованиях все население само является представительным органом и выполняет его функции. В данном случае население непосредственно выступает собственником публичного имущества» [Там же, 23]. Следует только уточнить, что население является действительным собственником имущества, независимо от того, через разбухший бюрократический аппарат или через самоуправление оно осуществляет контроль за муниципальным имуществом.

Демократическая спецификация муниципальной собственности

Неопределенность юридической спецификации муниципальной собственности сопровождается неопределенностью теоретических подходов определения спецификаций данной собственности.

Показательной в этом отношении является работа Ю. А. Соловьева, который обосновал характеристику муниципальной собственности с позиции муниципальной бюрократии. Во-первых, признается экономическое содержание понятия «муниципальная собственность». Во-вторых, отношения собственности

определяются как отношения «присвоения — отчуждения». В-третьих, главным субъектом отношений муниципальной собственности называется население муниципального объединения. В-четвертых, источниками муниципальной собственности признаются платежи населения в местный бюджет; другие материальные ценности, созданные населением муниципального объединения; платежи муниципальных налогов предприятий, работающих на территории муниципального объединения; арендные платежи населения, использующего муниципальное имущество. Кроме того, источниками муниципальной собственности являются трансферты федерального и регионального бюджетов и другие источники. В-пятых, реальными экономическими субъектами муниципальной собственности называются жители местного поселения, органы местного самоуправления, юридические лица, за которыми стоят их хозяйствственные интересы.

Однако главный вопрос теории муниципальной собственности Ю. А. Соловьев решает в конечном итоге в пользу органов местного самоуправления. Автор неоднократно отмечает, что органы местного самоуправления реально осуществляют функции собственника муниципальной собственности [5, 17]. В другом месте еще более определенно говорится, что органы местного самоуправления являются собственниками муниципального имущества [Там же]. И еще утверждается, что население муниципального образования является номинальным собственником, а органы местного самоуправления — фактическим собственником [Там же, 19]. Таким образом, теоретическая и практическая позиция автора совершенно определенно обозначена, он считает, что реальным собственником муниципального имущества являются органы местного самоуправления. Такая позиция является попыткой обосновать реальность бюрократической собственности в рамках муниципального образования.

На самом деле муниципальное образование представляет собой территориальную организацию, объединение жителей данной местности в целях удовлетворения совместных потребностей. Экономической основой совместной жизнедеятельности является совместное муниципальное имущество. Поскольку источником муниципального имущества являются отчисления от доходов населения данного территориального объединения, поскольку единственным собственником муниципальной собственности является все население муниципального объединения. Население муниципального объединения как единственный и реальный собственник своего муниципального имущества присваивает, следовательно, обособляет это имущество от имущества других субъектов, поскольку на территории могут действовать предприятия и организации, имущество которых находится в государственной федеральной, региональной, акционерной и других формах собственности. Муниципальная собственность населения данной территории обособляется от имущества других форм собственности. Муниципальная собственность как совместная собственность населения данного территориального объединения действительно служит интересам жителей в целом, удовлетворяя их различные совместные потребности. Это очевидно, поскольку собственник использует свое имущество в целях удовлетворения только своих интересов. Нелег-

пым в связи с этим выглядит заявление, что муниципальная собственность, являясь собственностью местной бюрократии, реализует интересы населения муниципального объединения.

Население муниципального объединения относится к местной бюрократии как собственник к своим наемным работникам. Население муниципального объединения нанимает работников и поручает им функцию управления муниципальной собственностью в интересах жителей данной территории. Муниципальная собственность, следовательно, выражает отношение между собственником имущества (населением территории) и наемными управляющими (органами местного самоуправления). Население муниципального объединения делегирует свои права собственника органам местного самоуправления. Эти органы управления от имени и по поручению населения территории осуществляют владение, распоряжение и пользование муниципальным имуществом в интересах населения территории.

Наша позиция по поводу содержания муниципальной собственности следующая. Во-первых, собственником муниципальной собственности признается население муниципального объединения. Во-вторых, источниками средств муниципального объединения называются доходы всего населения территории. В-третьих, сама муниципальная собственность реализует интересы населения муниципального объединения. В-четвертых, органы местного самоуправления по доверенности населения территории и от его имени осуществляют владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. В-пятых, муниципальная собственность реализует интересы населения муниципального образования, поскольку собственником муниципального имущества является население территории.

Муниципальная собственность становится действительной, если в ней устанавливается конкретная доля участника муниципальной собственности. Участником муниципальной собственности является население конкретного муниципального округа. Муниципальная собственность перестает быть бесхозной, обезличенной, у нее появляется реальный собственник — население конкретного административного района. Превращение муниципальной собственности в долевую собственность населения конкретного административного района — главное условие гражданской активности населения, которая определяет характер и направление использования общественных ресурсов. Муниципальные органы власти — лишь исполнители воли совладельцев муниципального капитала. Надлежащее или ненадлежащее исполнение решений гражданских интересов оказывает прямое влияние на административное положение чиновников, вплоть до высших.

Муниципальная собственность как экономическая категория выражает отношения присвоения собственниками — населением территории — условий хозяйствования и его результатов и отчуждения от них несобственников — лиц, постоянно не проживающих на данной территории. Муниципальная собственность — это обособленная, независимая от других форм и равноправная с ними форма собственности. Она представляет собой зародыш совместной, долевой собственности населения конкретной территории.

Каковы признаки муниципальной собственности как совместной, долевой собственности населения данной территории?

Во-первых, муниципальная собственность, несмотря на появление ее путем обособления, отпочкования от государственной собственности, является по существу совместной собственностью населения территории, объединившегося для решения своих общих, совместных задач. Во-вторых, муниципальная собственность выражает не административную структуру управления, а свободное, добровольное и независимое объединение населения территории. В-третьих, структура муниципальной собственности отражает не жестко субординированную вертикальную систему экономической власти, а свободное, творческое построение элементов собственности как выражение прямых и непосредственно общественных интересов населения территории. В-четвертых, самостоятельность и независимость муниципальной собственности проявляется не в регламентировании ее объектов органами государственной власти, а в формировании той структуры производства, которая отражает социально-экономические интересы населения.

Муниципальная собственность призвана активизировать эффективную деятельность населения муниципального объединения. Участники муниципального объединения как собственники имущества, самостоятельно и творчески обустраивают возможности трудовой активности и полной занятости на территории, создают условия для стабильного и устойчивого экономического роста, создают муниципальные предприятия, организации и учреждения для решения местных социально-экономических проблем, поддерживают развитие малого бизнеса на территории и решают множество иных проблем в интересах местного населения.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, муниципальная собственность, несмотря на ее отпочкование от государственной собственности в нашей стране, не является ее разновидностью. Муниципальная собственность — это самостоятельная, местная собственность населения, призванная обеспечить условия жизнедеятельности жителей данного территориального объединения. Во-вторых, состав объектов муниципальной собственности определяется реальными потребностями населения территории, а не субъективными установками теоретиков и администраторов муниципального объединения. Объектами муниципальной собственности могут быть любые блага и услуги, удовлетворяющие объективные потребности населения территории. В-третьих, собственниками муниципального имущества являются жители муниципального объединения. Демократическая спецификация муниципальной собственности обосновывается тем, что доходы населения территории являются основным источником доходов местного бюджета. Органы местного самоуправления являются субъектами муниципальной собственности, они реально осуществляют владение, распоряжение и пользование муниципальным имуществом от имени, по поручению и в интересах населения муниципального объединения.

1. Ефимчук И. В. Муниципальная собственность и ее эффективность в системе рыночных отношений : моногр. Нижний Новгород, 1999.
2. Шмелева О. Г. Муниципальная собственность и особенности ее реализации в современной России : моногр. Казань, 2008.
3. Местное самоуправление в Российской Федерации : сб. норматив. актов. М., 1998.
4. Шамсутдинов Р. А. Муниципальная собственность в условиях современной российской экономики. М., 2006.
5. Соловьев Ю. А Муниципальная собственность (сущность, структура, состояние). Владимир, 1998.

Рукопись поступила в редакцию 14 декабря 2011 г.

УДК 339.13.012.42 + 338.12(470)

**А. О. Соболев
И. М. Темкина**

ПОСТКРИЗИСНОЕ РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ И РЕГИОНОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье последовательно рассматриваются последствия глобального кризиса и пути их преодоления, исследуется роль внешней торговли в решении актуальных социально-экономических задач современной России. Проводится сравнительный анализ внешней торговли Российской Федерации на национальном и региональном уровнях за последнее десятилетие. В качестве объектов исследования взяты Россия в целом и Свердловская область. Отмечается особое значение проведенного исследования в период вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию.

Ключевые слова: глобальный кризис, мировая экономическая конфигурация, международное разделение труда, национальный и региональный уровни внешней торговли, дефекты российского внешнеторгового оборота, конкурентоспособность как главный показатель состояния экономики.

Глобальный финансово-экономический кризис серьезно ударили по экономике России и одновременно ускорил процесс изменения соотношения сил в рамках всего мирового хозяйства. ВВП развитых и развивающихся стран в итоге кризиса в 2010 г. фактически достиг паритета, и уже сегодня развитые страны утратили лидерство в мировой экономике (табл. 1).

В настоящее время группа развивающихся и новых индустриальных стран Азии генерирует почти 26 % мирового экспорта товаров и услуг — против 19 % в 2000 г. Доля ведущих развитых стран за этот период уменьшилась с 47,7 до 34,9 %.

Китай по величине товарного экспорта вышел на первое место — почти 1,6 трлн долл. США (более 10,4 % от мирового итога); США оказались на втором месте (8,4 %).

В то время как в период кризиса экономика развитых стран переживала глубокую рецессию — среднегодовые темпы прироста составляли минус 1 %, —

Таблица 1

**Сравнительные позиции ведущих стран в мировой экономике,
% к общемировому итогу [7, 4]**

Страны и группы стран	Паритетный ВВП		Экспорт товаров и услуг		Население	
	2000	2010	2000	2010	2000	2010
Развитые страны	53,7	48,2	65,8	53,8	14,1	13,8
Семь ведущих стран	45,4	39,3	47,7	34,9	11,5	10,9
США	22,0	19,5	14,2	9,8	4,6	4,6
Прочие страны	46,3	51,8	34,2	46,2	85,9	86,2
Развивающиеся страны Азии	21,6	24,1	9,2	15,9	52	52,2
Китай	11,6	13,6	3,7	9,3	21,1	19,7
Индия	4,6	5,5	0,8	1,9	16,6	17,5
Новые индустриальные экономики Азии (Республика Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг)	3,4	3,9	9,9	9,8	1,3	1,2
Страны БРИКС	21,5	25,5	7	15	44	43

Источник: IMF World Economic Outlook (September 2001 – p. 187; September 2011 – p. 167).

Китай фактически превратился в локомотив мировой экономики, и даже в разгар кризиса в 2009 г. объем его импорта вырос на 3 %.

Изменение глобальной экономической конфигурации существенно отразилось на мировой торговой политике и привело к значительному обострению конкурентной борьбы на мировом рынке.

Для России наиболее чувствительным является усиление борьбы ведущих мировых держав за энергетические и другие ресурсы, так как на сегодняшний день в международном разделении труда наша страна в основном выполняет роль поставщика энергоресурсов.

Развитие России, как и других стран, осуществляется неравномерно. В советское время экономика РСФСР занимала третье место в мире после США и Японии. При этом по ВВП СССР, в котором на долю России приходилось 55 %, уступал только США. К 1998 г. Россия переместилась на десятое место в мире, а в 2008 г. вышла на шестое место [1].

К началу XXI в. РФ занимала в мировом ВВП 2,1 %, в промышленном производстве 4,4 %, в товарном экспорте 1,0 %, отношение экспорта к ВВП составило 35,7 % [5].

Если в мировой торговле сегодня основное место занимают готовые изделия и услуги, то Россия экспортирует преимущественно сырье и продукцию первого передела, а импортирует главным образом потребительские товары.

Кризис ударили по РФ сильнее, чем по другим странам. В 2009 г. ее ВВП упал на 7,8 %, в то время как мировой ВВП снизился лишь на 0,6 %, а в развивающихся странах вырос на 2,6 %.

Во всем мире, как и в РФ, кризисные явления в основном были вызваны финансовым и торговым шоком, но именно к ним Россия оказалась наиболее

чувствительна. Глубина падения российской экономики обусловлена высокой зависимостью страны от нефтегазовых доходов.

2010 г. стал в России переходным от глобального кризиса к нормальному развитию. По оценкам Росстата, ВВП в 2010 г. вырос на 4 %, а в 2011 г. прибавил еще 4 %.

Уже к началу 2011 г. промышленное производство почти полностью восстановилось и составило 97–99 % от сентября 2008 г. Таким образом, в 2011 г. российская экономика превысила докризисный уровень.

Однако в ряде ведущих отраслей экономики отставание остается все еще значительным. Это машиностроение – падение на 20 % от докризисного уровня, металлургия – 8 %, строительство – 5 % [6].

Ряд ведущих экономистов, мнение которых мы разделяем, справедливо считают, что глобальный кризис носит системный характер и завершится лишь тогда, когда произойдет структурная трансформация мировой экономики, включая формирование новых моделей экономического роста, мирохозяйственных связей и международных валютных отношений. Такая перестройка будет длительной и потребует новых институтов и механизмов развития.

Можно сказать, что в 2010 г. завершился первый этап кризиса и начинается второй этап, главное содержание которого составляет модернизация экономики, в том числе разработка новой модели социально-экономического развития [4].

Сложившаяся к началу XXI в. в РФ и действующая поныне модель экономического роста основана на наличии масштабных, дешевых и незаработанных финансовых ресурсов, источником которых является не рост производительности труда, а благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура. Эта модель и сегодня достаточно популярна, но возможности ее ограничены, практически исчерпаны, и кризис наглядно продемонстрировал ее уязвимость.

Первоочередная задача России состоит в том, чтобы выработать и реализовать новую модель развития, опирающуюся не на расширение спроса за счет внешних источников, а на активизацию инвестиционного процесса, улучшение условий ведения бизнеса, модернизацию экономики с целью перехода к инновационному развитию.

Обязательное условие дальнейшего социально-экономического развития – это радикальное совершенствование институтов и модернизация государства. В то же время в нашей стране низкое качество государственных институтов. По оценкам качества госуправления Всемирного банка, по таким показателям, как гласность и общественная подотчетность правительства, степень верховенства закона и уровень коррупции, Россия входит в число стран с самым низким рейтингом. По общему качеству государственных институтов Всемирный экономический форум (ВЭФ) поставил Россию на 118-е место из 139 стран [3, 10].

В настоящее время на земном шаре возник примерно десяток моделей инновационного развития, демонстрирующих фантастические результаты в области развития и коммерциализации высоких технологий. Кризис стимулировал ускорение их развития, но во всех случаях это оказался сложный и долговременный процесс (табл. 2).

Таблица 2

Страновые инновационные модели: сроки строительства [8, 121]

Страна	Начало осознанных действий правительства	Выход на устойчивое развитие	Длительность периода разгона, лет
США	Начало 1960-х	1980-е	25
Тайвань	Начало 1970-х	Конец 1990-х	25
Израиль	1980-е	Начало 2000-х	20
Южная Корея	1980-е	Начало 2000-х	20
Сингапур	1980-е	Начало 1990-х	10
Финляндия	1990-е	2000-е	20

Создание в России новый модели экономического роста, базирующейся на инновационном развитии, — задача ближайших по крайней мере десяти лет.

В решении этой грандиозной задачи значительное место принадлежит развитию и коренной модернизации внешней торговли, призванной всемерно способствовать решению актуальных внутренних социально-экономических задач страны и ускорению процесса интеграции России в мирохозяйственные связи, вступлению в международное разделение труда в качестве значительного и равноправного члена.

Экономический кризис нанес серьезный удар по рейтингу глобальной конкурентоспособности России в мировой экономике. По данным ВЭФ, в 2010 г. наша страна потеряла 12 позиций и опустилась с 51-го на 63-е место (из 139 стран), а в 2011 г. на фоне роста конкурентоспособности других государств БРИКС Россия переместилась на 66-е место (из 142 стран). Соседями РФ в списке на этот раз оказались Вьетнам (65-е место) и Перу (67-е место). Пршлогоднее место России (63-е) занял Уругвай. В докладе отмечается, что по сравнению с предыдущим годом относительно стабильное положение нашей страны значительно ухудшилось по таким слагаемым, как качество институтов, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал, эффективность рынка труда, здравоохранение и базовое образование. Улучшение произошло лишь по двум слагаемым — макроэкономическая среда и технологический уровень. Именно кардинальные улучшения в макроэкономической сфере (рост на 35 позиций — с 79-го до 44-го места) позволили России не упасть в рейтинге еще значительно (рис. 1).

Отметим два положительных момента, которые в посткризисный период создают возможности для успешного развития внешней торговли РФ:

- сделаны важные шаги в направлении развития международной интеграции как по линии создания Таможенного союза, формирования единого экономического пространства, так и по линии присоединения к ВТО;

- пока благоприятны текущие прогнозы роста мировой экономики и цен на сырье (хотя последние подвержены значительным рискам).

Развитие российской внешней торговли за последнее десятилетие показано в табл. 3.

Рис. 1. Место России по слагаемым рейтинга глобальной конкурентоспособности (GCI) в 2012 г. [12]

Таблица 3

**Темпы роста показателей внешней торговли РФ в 2000–2010 гг., %
к предыдущему году [11]**

Наименование показателя	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2010/ 2000
Внешнеторговый оборот, всего	103,7	107,8	124,9	134,7	132,3	129,1	125,6	133,2	63,8	133,9	458,6
Экспорт	96,9	106,8	125,3	135,9	132,9	124,8	116,7	132,9	64,5	131,9	386,1
Импорт	123,6	110,26	124,2	131,7	130,6	139,6	144,9	133,7	62,7	137,2	677,6

Источник: ФТС России.

Из таблицы видно, что в целом за последние 10 лет внешнеторговый оборот России вырос более чем в 4,5 раза, в том числе экспорт — почти в 4 раза, импорт — почти в 7 раз.

Падение темпов роста внешней торговли по сравнению с предкризисным 2007 г. в основном приходится на 2009 г.:

— сокращение внешнеторгового оборота в 2009 г. по сравнению с предыдущим 2008 г. произошло на 265,7 млн долл. США (36,2 %);

— падение экспорта за этот же период на 165,9 млн долл. США (35,5 %).

Главным и самым уязвимым звеном российской внешней торговли остается ее сырьевая товарная структура, особенно это касается экспорта.

В 2010 г. минеральные продукты составляли в экспорте 68,8 % к итогу; по сравнению с 2000 г. доля этой группы стала еще больше (53,8 %). Второй по значению является группа товаров, включающая металлы и драгоценные камни: 2010 г. — 13,0 %, 2000 г. — 21,7 %; в период кризиса, 2009 г., — 12,8 % (подробнее см. табл. 4).

Таблица 4

Товарная структура экспорта РФ в 2000–2010 гг. в фактически действовавших ценах [11]

Наименование показателя	2000		2001		2002		2003		2004		2005	
	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу								
<i>Экспорт, всего</i>	<i>103 093</i>	<i>100</i>	<i>99 969</i>	<i>100</i>	<i>106 712</i>	<i>100</i>	<i>133 656</i>	<i>100</i>	<i>181 600</i>	<i>100</i>	<i>241 473</i>	<i>100</i>
В том числе:												
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	1623	1,6	1887	1,9	2801	2,6	3411	2,5	3292	1,8	4492	1,9
минеральные продукты	55 488	53,8	54 653	54,7	58 897	55,2	76 593	57,3	104 950	57,8	156 372	64,8
продукция химической промышленности, каучук	7392	7,2	7481	7,5	7394	6,9	9159	6,9	12 003	6,6	14 367	6,0
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	270	0,3	229	0,2	267	0,3	332	0,2	353	0,2	330	0,1
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4 460	4,3	4 427	4,4	4 908	4,6	5 584	4,2	7 020	3,9	8 305	3,4
текстиль, текстильные изделия и обувь	817	0,8	798	0,8	883	0,8	947	0,7	1 119	0,6	965	0,4
металлы, драгоценные камни и изделия из них	22 370	21,7	18 798	18,8	19 923	18,7	23 735	17,8	36 707	20,2	40 592	16,8
машины, оборудование и транспортные средства	9 071	8,8	10 471	10,5	10 090	9,5	11 994	9,0	14 100	7,8	13 505	5,6
прочие товары	1 603	1,5	1 226	1,2	1 550	1,4	1 900	1,4	2 056	1,1	2 545	1,0

Окончание табл. 4

Наименование показателя	2006		2007		2008		2009		2010	
	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу						
<i>Экспорт, всего</i>	<i>301 244</i>	<i>100</i>	<i>351 928</i>	<i>100</i>	<i>467 581</i>	<i>100</i>	<i>301 667</i>	<i>100</i>	<i>396 644</i>	<i>100</i>
В том числе:										
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	5514	1,8	9090	2,6	9278	2,0	9967	3,3	9365	2,3
минеральные продукты	198 631	65,9	228 436	64,9	326 314	69,8	203 408	67,4	272 840	68,8
продукция химической промышленности, каучук	16 757	5,6	20 802	5,9	30 234	6,4	18 708	6,2	25 192	6,3
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	367	0,1	337	0,1	354	0,1	242	0,1	307	0,1
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	9535	3,2	12 263	3,5	11 560	2,5	8436	2,8	9862	2,5
текстиль, текстильные изделия и обувь	967	0,3	952	0,3	870	0,2	716	0,2	814	0,2
металлы, драгоценные камни и изделия из них	48 936	16,3	55 963	15,9	61 751	13,2	38 551	12,8	51 326	13,0
машины, оборудование и транспортные средства	17 437	5,8	19 667	5,6	22 764	4,9	17 879	5,9	22 582	5,7
прочие товары	3101	1,0	4420	1,2	4458	0,9	3761	1,3	4356	1,1

В товарной структуре импорта за первое десятилетие XXI в., при его росте почти в 7 раз, произошли существенные изменения:

- снизился удельный вес продовольствия и сельхозтоваров с 21,8 до 15,9 %;
- увеличился удельный вес машин и оборудования с 31,4 до 44,5 % (подробнее см. табл. 5).

Самая прогрессивная группа — машины, оборудование и транспортные средства — в российском экспорте имеет отрицательный тренд: с 2000 г. (8,8 %) она снизилась в 2010 г. до 5,7 %, падение в период кризиса 2009 г. составило 4,9 %.

В первый год посткризисного роста, в 2010 г., стоимость внешнеторгового оборота РФ увеличилась за счет значительного роста цен по основным товарам российского экспорта (табл. 6).

В общем объеме товарооборота на долю экспорта приходилось 63,4 %, на долю импорта — почти вдвое меньше, 36,6 %.

Удельный вес стран дальнего зарубежья составил 85,4 %, стран СНГ — 14,6 %.

Основными партнерами во внешней торговле России в 2010 г. были Китай — 9,5 %, Нидерланды — 9,3 %, Германия — 8,3 %, Италия — 6,0 %, Украина — 5,9 % и др.

Наиболее динамично развивалась на протяжении 10 лет торговля со странами ЕС, увеличение в 2010 г. составило 29,6 %.

Торговля со странами АТЭС в 2010 г. выросла на 49,8 %, внешнеторговый оборот со странами СНГ прибавил 33,0 %.

Несмотря на стремление к диверсификации, основными торговыми партнерами РФ остаются развитые страны, входящие в состав ОЭСР; членами этой организации являются 7 из 10 лидеров по внешнеторговому обороту с Россией. Их доля — 38,7 % (табл. 7).

Во внешнеторговом обороте страны сохраняется высокая степень его концентрации на нескольких регионах, главным образом мегаполисах и сырьевых районах. В десятке лидеров ведущее место занимает тройка: Москва, Санкт-Петербург и Тюменская область, где сосредоточено более половины (точнее 54,2 % по итогам трех кварталов 2010 г.) всего объема экспорта, на столичные районы — Москву и Санкт-Петербург — приходится 64,1 % импорта. Замыкает десятку лидеров-экспортеров Свердловская область, на ее долю в январе — сентябре 2010 г. приходилось 2,4 % экспорта страны.

Проведем сравнительный анализ внешней торговли на двух уровнях: национальном (макро) и региональном (мезо). В качестве примера возьмем Российскую Федерацию и Свердловскую область.

Основные направления исследования:

- сопоставление темпов роста РФ и региона за прошедшее десятилетие, влияние глобального кризиса на темпы роста;
- география внешнеторгового оборота, региональное распределение экспорта и импорта, основные торговые партнеры страны и региона;
- анализ товарной структуры экспорта и импорта за последнее десятилетие и в 2010 г. в РФ и Свердловской области;
- итоги внешней торговли, динамика платежного баланса, коэффициент покрытия импорта экспортом в стране и в регионе.

Таблица 5

Товарная структура импорта РФ в 2000–2010 гг. в фактически действовавших ценах [11]

Наименование показателя	2000		2001		2002		2003		2004		2005	
	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу								
<i>Импорт, всего</i>	33 880	100	41 883	100	46 177	100	57 347	100	75 569	100	98 708	100
В том числе:												
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	7384	21,8	9205	22,0	10 380	22,5	12 043	21,0	13 854	18,3	17 430	17,7
минеральные продукты	2137	6,3	1700	4,1	1719	3,7	2152	3,8	3035	4,0	3034	3,1
продукция химической промышленности, каучук кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	6080	18,0	7632	18,2	7733	16,7	9616	16,8	11 955	15,8	16 275	16,5
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	126	0,4	221	0,5	208	0,5	226	0,4	246	0,3	275	0,3
текстиль, текстильные изделия и обувь	1293	3,8	1687	4,0	1924	4,2	2406	4,2	2872	3,8	3290	3,3
металлы, драгоценные камни и изделия из них	1991	5,9	2297	5,5	2435	5,3	2780	4,8	3265	4,3	3619	3,7
машинны, оборудование и транспортные средства	2824	8,3	3114	7,4	2975	6,4	4212	7,3	6004	8,0	7652	7,7
прочие товары	10 649	31,4	14 232	34,0	16 755	36,3	21 432	37,4	31 103	41,2	43 436	44,0
	1394	4,1	1796	4,3	2048	4,4	2480	4,3	3234	4,3	3697	3,7

Источник: ФТС России (с учетом взаимной торговли с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан).

Окончание табл. 5

Наименование показателя	2006			2007			2008			2009			2010		
	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу											
<i>Импорт, всего</i>	137 807	100	199 746	100	267 101	100	167 348	100	229 045	100					
В том числе:															
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	21 640	15,7	27 626	13,8	35 189	13,2	30 015	17,9	36 482	15,9					
минеральные продукты	3300	2,4	4681	2,3	8279	3,1	4079	2,4	5914	2,6					
продукция химической промышленности, каучук	21 787	15,8	27 530	13,8	35 209	13,2	27 872	16,7	37 232	16,3					
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	434	0,3	697	0,4	1038	0,4	771	0,5	1244	0,5					
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3964	2,9	5309	2,7	6504	2,4	5103	3,0	5897	2,6					
текстиль, текстильные изделия и обувь	5494	4,0	8631	4,3	11 658	4,4	9544	5,7	14 221	6,2					
металлы, драгоценные камни и изделия из них	10 642	7,7	16 382	8,2	19 337	7,2	11 330	6,8	17 568	7,6					
машины, оборудование и транспортные средства	65 706	47,7	101 739	50,9	140 759	52,7	72 669	43,4	101 823	44,5					
прочие товары	4840	3,5	7152	3,6	9127	3,4	5964	3,6	8663	3,8					

Таблица 6
Внешняя торговля РФ в 2010 г., млрд долл. США [2, 27]

Наименование показателя	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
<i>Всего</i>	625,4	396,4	229,0	167,4
Темпы прироста, %	33,3	31,4	36,8	—
<i>Дальнее зарубежье</i>	534,1	336,7	197,4	139,3
Темпы прироста, %	33,4	32,1	35,6	—
<i>Страны СНГ</i>	91,3	59,7	31,6	28,1
Темпы прироста, %	33,0	27,4	44,8	—

Таблица 7
**Десять крупнейших экспортёров и импортеров среди регионов РФ
в январе – сентябре 2010 г. [Там же, 29]**

Место	Экспорт	В % к итогу	Место	Импорт	В % к итогу
1	Москва	38,0	1	Москва	41,4
2	Тюменская область	12,3	2	Санкт-Петербург	11,2
3	Республика Татарстан	4,2	3	Московская область	9,4
4	Санкт-Петербург	3,9	4	Калининградская область	3,5
5	Сахалинская область	3,2	5	Калужская область	2,8
6	Кемеровская область	2,9	6	Приморский край	2,5
7	Ленинградская область	2,7	7	Ленинградская область	2,1
8	Республика Башкортостан	2,6	8	Краснодарский край	2,1
9	Красноярский край	2,5	9	Ростовская область	1,9
10	Свердловская область	2,4	10	Нижегородская область	1,2

Динамика внешнеторгового оборота Свердловской области за последние десять лет показана в табл. 8.

Таблица 8
**Темпы роста показателей внешней торговли Свердловской области
в 2000–2010 гг., % [9]**

Наименование показателя	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2010/ 2000
Внешнеторговый оборот, всего	116,1	108,3	110,3	144,2	121	126,7	122,1	121,6	68,1	121,9	377,4
Экспорт	108	107,4	113,8	148,5	120,4	127,1	118,7	112,4	720	119,4	344
Импорт	150	101	102,1	131,3	115,4	133,3	130	157,7	61	124	516,7

Источник: УТУ ФТС России.

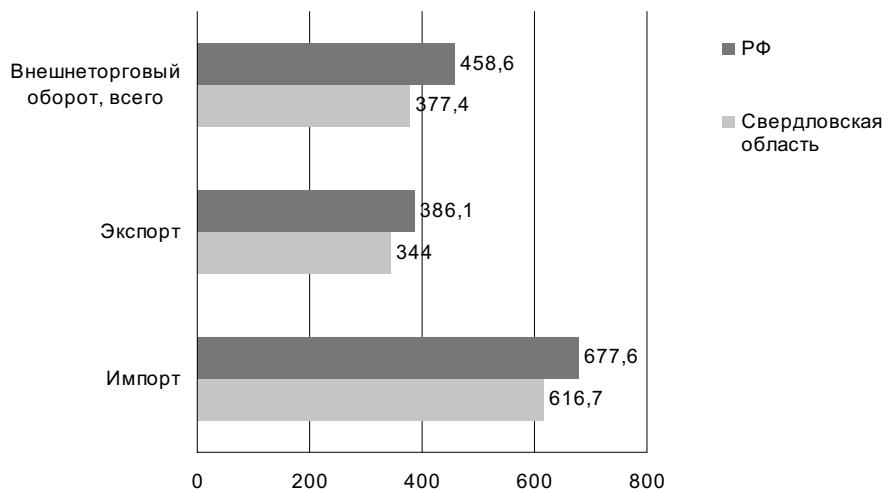

Рис. 2. Соотношение темпов роста объемов внешнеторгового оборота РФ и Свердловской области в 2010 г. к 2000 г., %

Источник: ФТС России и УТУ ФТС России.

Из табл. 8 видно, что за прошедшее десятилетие внешнеторговый оборот Свердловской области вырос примерно в 3,8 раза, экспорт в 3,4 раза, импорт более чем в 5 раз. Эти цифры свидетельствуют о том, что в целом темпы роста внешнеторгового оборота в регионе были несколько ниже, чем в России.

Кризисное падение внешнеторгового оборота области, так же как и в России в целом, приходится на 2009 г.

В 2010 г. в области был восстановлен докризисный уровень внешней торговли (2007), а в РФ за это время он был существенно превзойден.

Удельный вес области во внешней торговле и экспорте РФ на протяжении десятилетий колебался несущественно: общий объем — от 2,55 % (в 2002 г.) до 1,86 % (в 2010 г.) — табл. 9.

Таблица 9

Удельный вес Свердловской области во внешней торговле и экспорте РФ, %

Наименование показателя	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2010/ 2000
Во внешнеторговом обороте	2,28	2,55	2,55	2,24	2,42	2,2	2,16	2,1	1,92	2,05	1,86
В экспорте	2,41	2,65	2,75	2,46	2,7	2,46	2,48	2,55	2,14	2,37	2,16

Источник: ФТС России и УТУ ФТС России.

В Свердловской области в общем объеме товарооборота на долю стран дальнего зарубежья в 2010 г. приходилось 84,6 % (РФ — 85,4 %), а на страны — СНГ — 15,4 % (РФ — 14,6 %). Эти направления примерно совпадают и отра-

жают общую направленность внешнеторговой политики страны. Однако перечень основных торговых партнеров России и Среднего Урала существенно отличается (табл. 10).

Таблица 10
Региональное распределение экспорта и импорта РФ и Свердловской области в 2010 г., % к общемировому итогу

Наименование показателя	Экспорт		Импорт	
	РФ	Свердловская область	РФ	Свердловская область
ЕС	53,1	30,3	41,8	46,7
АТЭС	17,0	29,8	34,1	26,5
СНГ	15,0	13,0	13,8	22,2
ЕврАЗЭС	8,3	8,1	7,2	14,8

Источник: ФТС России и УТУ ФТС России.

В России основными торговыми партнерами остаются развитые страны, являющиеся членами ОЭСР. На их долю в 2010 г. приходилось 63,1 % в общем объеме внешнеторгового оборота, 66,0 % – в экспорте, 58,2 % – в импорте.

В Свердловской области внешнеэкономическая деятельность ведется более чем со 120 странами мира. Внешнеторговый оборот в 2010 г. составил 12,3 млрд долл. США, что на 20 % выше 2009 г. Экспорт составил 8,9 млрд (рост 20 %), импорт 3,4 млрд (рост 21 %). В 2010 г. оборот внешней торговли составил более 34 % от ВРП, и доля его выросла по сравнению с 2009 г. на 5 %.

В географической структуре внешней торговли основными партнерами региона остаются промышленно развитые страны: США, Турция, Германия, Франция, Китай, Италия. Их доля в общем товарообороте составляет более 50 %. Эти страны являются главными потребителями металлопродукции, продукции машиностроения и химической промышленности, составляющей основу экспорта Свердловской области.

Внешняя торговля региона носит явно выраженный «экспортный» характер: экспорт превышает импорт в 2,6 раза. При этом экспорт Свердловской области дифференцирован как по географии, так и по номенклатуре, что снижает для региона общие риски в результате конъюнктурных изменений.

Основой экспорта области остаются товары с относительно невысокой степенью переработки. Тем не менее структура экспорта постоянно изменяется в сторону увеличения доли товаров с высокой добавленной стоимостью. Доля машиностроительной продукции в общем экспорте выросла с 10 % в 2009 г. до 18 % в 2010 г. Объемы поставок продукции машиностроения в страны СНГ выросли на 38 %.

Особое географическое положение Свердловской области на границе Европы и Азии определяет направление ее экспорта примерно в одинаковых масштабах в две стороны – на Запад и на Восток. Изучение распределения импорта свидетельствует о том, что его удельный вес в регионе из стран Европы почти

вдвое больше, чем в России в целом, более значительным является импорт из стран СНГ.

Как уже отмечалось, самое слабое звено внешней торговли России — это сырьевая товарная структура ее экспорта, что наглядно проявляется в экспорте страны в целом и в той или иной степени в экспорте ее регионов.

Отрицательной является не только товарная структура экспорта России, но и его динамика. Так, в 2010 г. в товарной структуре экспорта РФ на три основные группы сырья и материалов (минеральные продукты, металлы и драгоценные камни, лесобумажные изделия) приходилось 84,6 % всего российского экспорта (в 2009 г. — 83,0 %).

Одновременно наблюдается тренд к снижению экспортных поставок наиболее прогрессивной группы товаров с высокой степенью переработки.

Общая картина товарной структуры экспорта РФ представлена на рис. 3.

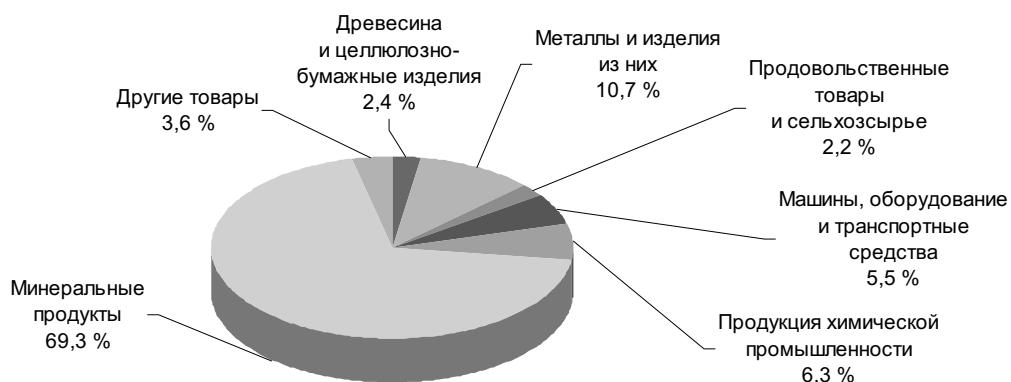

Рис. 3. Товарная структура экспорта РФ в январе – декабре 2010 г.
(без учета данных о торговле с Республикой Беларусь) [2, 33]

«Сыревая болезнь» российского экспорта в разной степени охватывает большинство регионов России. Присуща она и экспорту Среднего Урала. Почти 70 % (точнее 69,7 %) экспорта Свердловской области составляют металлы, изделия из них, а также древесина и изделия целлюлозно-бумажной промышленности.

Область является крупнейшим центром тяжелой промышленности, обладает высоким научно-техническим потенциалом, и поэтому удельный вес продукции машиностроения в товарной структуре экспорта здесь в 3,5 раза больше, чем в России в целом; он составил в 2010 г. 17,7 % (рис. 4).

В 2010 г., как и в предыдущий период, импорт в РФ наблюдался из всех регионов мира. Наибольший его прирост приходился на страны АТЭС — 48,6 %, ЕС — 30,8 %, наименьший — на страны СНГ, 27,4 % и ЕврАзЭС — 11,5 % (табл. 11).

Основными торговыми партнерами РФ по импорту были: Китай — 17 %, Германия — 11,7 %, Украина — 6,1 %, США — 4,9 %, Япония — 4,5 %.

Рис. 4. Товарная структура экспорта Свердловской области в 2010 г. [9]

Источник: УТУ ФТС России.

Таблица 11
Структура импорта важнейших товаров РФ в 2010 г. [10]

Наименование показателя	Млн долл. США	В % к 2009 г.	В % к итогу
Импорт, всего	228 953	138,8	100
В том числе:			
машины, оборудование и транспортные средства	101 716	140,0	44,4
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье для их производства	36 410	121,3	15,9
продукция химической промышленности, каучук	36 934	132,5	16,1

Источник: ФТС России.

В 2010 г. общий рост импорта превышал 36,8 %, в том числе увеличение импортных поставок машин и оборудования составило 40 %.

В импорте Свердловской области (рис. 5) более высокий вес машин и оборудования – 47,4 % (РФ – 44,4 %), несколько меньше доля продукции химической промышленности – 12,5 % (РФ – 16,1 %), существенно ниже доля продовольственных товаров и сырья для них – 5,2 % (РФ – 15,9 %).

Анализ факторов развития внешней торговли России показал, что в 2010 г. в целом по экспорту 72,4 % прироста дало увеличение цен и 27,6 % прироста – увеличение физических объемов.

В импорте наблюдалась обратная тенденция: 94,0 % прироста произошло за счет увеличения физических объемов ввоза и 6,0 % за счет роста цен.

Аналогичные процессы характерны и для изменения стоимостного объема внешней торговли Свердловской области.

Важнейший итоговый показатель развития внешней торговли на всех уровнях – это сальдо торгового баланса.

Рис. 5. Товарная структура импорта Свердловской области в 2010 г. [9]

Источник: УТУ ФТС России.

В 2010 г. активное сальдо торгового баланса России составило 167,4 млрд долл. США и увеличилось по сравнению с предыдущим годом почти на $\frac{1}{4}$; 83,2 % сальдо сформировалось в торговле со странами дальнего зарубежья. Высокий уровень сальдо позволил увеличить международные резервные активы страны: на 1 января 2011 г. они составили 479,4 млрд долл. США. Таблица 12 представляет динамику показателей торгового баланса РФ с 2005 по 2010 г.

Таблица 12

Показатели торгового баланса РФ

Наименование показателя	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Сальдо, млрд долл. США	142,8	163,4	152,1	200,5	134,3	167,4
Коэффициент покрытия импорта экспортом, %	247,0	219,0	176,0	175,0	180,3	173,1
Коэффициент несбалансированности товарооборота, всего (отношение чистого сальдо к товарообороту), %	42,0	37,2	27,6	26,3	28,6	26,8
Дальнее зарубежье	44,8	38,3	27,6	26,6	27,3	26,1
СНГ	26,4	30,8	27,6	31,3	36,4	30,8

Источник: ФТС России.

Рост активного сальдо внешней торговли наблюдался и в Свердловской области, одновременно, как и по стране в целом, происходило снижение коэффициента покрытия импорта экспортом.

Небольшие рамки статьи не позволяют дать более подробный и основательный сравнительный анализ внешней торговли на национальном и региональном уровнях, соотношения целого и его составных частей.

Таблица 13
Общие итоги внешней торговли Свердловской области

Наименование показателя	2009	2010	2010/2009, %
Сальдо, млн долл. США	4669,4	5499,8	—
Коэффициент покрытия импорта экспортом, %	288,5	277,7	—
Экспорт, млн долл. США	7145,8	8595,7	120,3
Импорт, млн долл. США	2476,5	3095,8	125,0

Источник: УТУ ФТС России.

Однако и приведенные данные наглядно и достаточно убедительно свидетельствуют о том, что внешняя торговля на национальном и региональном уровне зеркально отражает дефекты российской экономики, современное состояние ее развития.

Кардинальное совершенствование внешнеторгового оборота России напрямую зависит от диверсификации и модернизации ее экономики, ее перехода на инновационный путь развития.

Одновременно в условиях глобализации мировой экономики возрастают роль внешней торговли, ее значение для решения приоритетных социально-экономических задач внутри страны и повышения рейтинга России в системе мирохозяйственных связей. Актуальность этих проблем приобретает особое значение в связи с присоединением России ко Всемирной торговой организации. Главным показателем, определяющим состояние экономики и перспективы ее развития, становится конкурентоспособность национальной экономики в целом, ее регионов, отраслей, отдельных предприятий и производимых ими товаров и услуг.

-
1. Аганбегян А. О месте экономики России в мире // Вопр. экономики. 2011. № 5. С. 43–55.
 2. Кобрин А. А., Лихачев Р. А. Внешняя торговля России в январе – декабре 2010 г. // Рос. внешнеэконом. вестн. 2011. № 4. С. 26–43.
 3. Кудрин А., Сергиенко О. Последствия кризиса и перспективы социально-экономического развития России // Вопр. экономики. 2011. № 3. С. 4–19.
 4. May B. Экономическая политика в 2010 году: в поисках инноваций // Там же. № 2. С. 4–22.
 5. Оболенский В. Россия в международном разделении труда: вечный поставщик энергоресурсов? // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 6. С. 71–84.
 6. Россия в цифрах, 2011: Краткий статистический сборник / Росстат. М., 2011.
 7. Спартак А. Н. Направления и методы международной конкуренции в начале XXI века. Геоэкономические и торгово-политические аспекты // Рос. внешнеэконом. вестн. 2011. № 9. С. 3–16.
 8. Чубайс А. Инновационная экономика в России: что делать? // Вопр. экономики. 2011. № 1. С. 120–126.
 9. Таможенная статистика внешней торговли Свердловской области за 2010 г.: Годовой сборник. Екатеринбург, 2011.

10. Материалы Федеральной таможенной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.ru/>
11. Материалы Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>
12. The Global Competitiveness Report 2011-2012. World Economic Forum [Electronic resource]. URL: <http://www3.weforum.org/>

Рукопись поступила в редакцию 7 февраля 2012 г.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 111.11 + 141.12 + 159.923.2 + 130.3

В. А. Герт

К ОНТОЛОГИИ ЦЕЛОСТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируются имеющиеся трудности обоснования онтологии целостности человека. Приводятся и рассматриваются аргументы Н. Гартмана, В. Дильтея, Э. Кассирера, С. Л. Рубинштейна и Л. Фейербаха. Целостность человека обосновывается через целостность индивидуального бытия как со-бытия, в котором другой человек является его необходимым и обязательным структурным компонентом. Это позволяет процессы сбывания человека и развитие его целостности вывести за пределы отдельного человека к взаимодействию с другим человеком, а центрацию своей целостности осуществлять каждому человеку не внутри себя, а внутри своего со-бытия.

Ключевые слова: целостность человека, индивидуальное бытие, со-бытие, выход за пределы себя, со-временность бытия.

В обосновании целостности бытия человека достаточно «подводных камней», которые мешают его *категориальному оформлению*. Первый из них — это утверждение о реально существующих разных измерениях индивидуального бытия человека — биологическом, психологическом, социальном — как основаниях разных подходов к природе человека. Тогда за основание берется не сам человек, а его отдельные характеристики, т. е. *человек изначально разрывается* на свои частичные существенные качества и в дальнейшем ведется поиск его целостности, которую вряд ли при этом можно найти. Это напоминает символический образ «ромашки» или даже «матрешки» — символы множественности сущностных качеств, открывающихся при расширении или углублении их поиска и обоснования.

Другой трудностью категориального оформления индивидуального бытия человека является *разрыв бытия человека и бытия личности*. Он присутствует в отечественной научной литературе с 70-х гг. прошлого столетия. Например,

в автореферате диссертации Н. И. Иконникова пишет: «Критерием, позволяющим отличить экзистенциалы бытия личности от экзистенциалов бытия человека, является духовная и нравственная развитость человека» [1, 34].

Так, трудовая деятельность — экзистенциал человека, а творчество — личности; вера — экзистенциал человека, а убеждения — личности; иррациональная свобода — экзистенциал человека, а рациональная свобода — личности; понимание на уровне обыденного сознания — экзистенциал человека, а на теоретико-индивидуальном — личности. Происходит разрыв общего, особенного и единичного, причем на уровне бытия. Целостность сбывания человека изначально разрывается. Как и чем соединены в целостность экзистенциалы человека и экзистенциалы личности? Ответа у автора мы не находим, хотя, судя по тексту, именно этот вопрос ставится в исследовании в качестве главного: «В отечественной же литературе отсутствуют разработки, посвященные экзистенциальному способу бытия человека в целом и имеют место лишь обращения к отдельным экзистенциалам: свободе, справедливости, творчеству, ответственности, страху, заботе, вере, любви и др.» [Там же, 9].

Следующая трудность в обосновании целостности индивидуального бытия человека является традиционной в философии. Акцент на мышлении, сознании, познавательной деятельности как самой глубокой сущностной характеристике человека существовал в философии со времен Платона и Аристотеля до господства в ней позиции Гегеля. Попытка установить возможности и характеристики объективного мира *в пределах сознания* осуществляется вот уже 2,5 тыс. лет и является длительным поиском трансцендентального Я в самом человеке. Быть, в этой традиции, значит быть предметом сознания. Но каждый объект познания обладает сверхпредметным бытием, поскольку предметность познаваемого (т. е. соотнесенность с субъектом познания) не тождественна бытию познаваемого. Так, например, вот-бытие упускается и не «схватывается» в трансцендентальной философии Э. Гуссерля, — этот вывод Н. Гартмана является серьезным аргументом *против сведения бытия вещи к актам сознания* и, как считает П. П. Гайденко, импульсом поворота от исследования сознания к онтологии (Гартман, Шелер, Хайдеггер) [2, 348]. Этот аргумент Н. Гартмана, кроме того, подтверждает конкретность и историчность сознания и истинного знания.

Другим аргументом против сведения бытия человека к сознанию является основная мысль философии В. Дильтея, в которой утверждается, что ум человека не сводится к абстрактному мышлению, а представляет собой человеческую тотальность, включающую волю и чувства и развивающуюся не в отдельном человеке, а в процессе развития человеческого рода [3, 123]. В. Дильтей пишет: «Априори Канта мертвое и неподвижно, но действительные условия сознания и его предпосылки, как я их понимаю, являются живым историческим процессом, развитием, они имеют свою историю, и ход этой истории — в приспособлении ко все более точному, индуктивно позненному многообразию содержания ощущений» [4, 124]. По Дильтею, *сознание человека не ограничено эмпирическим опытом*, оно основывается на историчности природы человека, его ощущений и аналитической мыслительной деятельности.

Через 30 лет после аргумента Дильтея сформулировал свое понимание противоположности мышления и бытия Э. Кассирер. Он считает, что они из их логического разделения друг от друга «вскоре распадаются на две *пространственно* разделенные сферы, на внутренний и внешний мир, между которыми нет понятной причинной связи» [5, 309–310]. Именно искусственное отождествление логического и пространственного разделения мышления от бытия приводит к утверждению их противоположности. Э. Кассирер видит «общую» область, в которой погашается противоположность между мышлением и бытием, не в первооснове всех вещей вообще, а «лишь в общезначимых функциональных формах рационального и эмпирического познания» [Там же, 358]. Их противоположность не абсолютна, а относительна, и продуктивна она в рамках познавательной деятельности, к которой бытие человека не сводится и не должно сводиться. Различие, тождество, корреляция и координация функциональных порядков между рациональным и эмпирическим познанием необходимы для все более строгой организации познания.

Еще в немецкой классической философии на первое место была поставлена не «отражательная» способность человека, а его «преобразовательная» деятельность. Данное в созерцании превращается в целое при активности субъекта познания, эта мысль становится еще одним серьезным аргументом против противопоставления сознания и бытия и импульсом к формированию деятельностного подхода в исследовании существования человека. Уже в 1922 г. С. Л. Рубинштейн обосновывал эту идею следующим образом: «Объективно не то что дано, а то, что завершено, объективность не только не исключает, она необходимо включает в себя элемент творческой самодеятельности. Недаром, когда искали объективное бытие, основываясь на критерии независимости, нигде не могли его найти» [6, 104].

Независимость бытия от сознания ставится не только под сомнение, но утверждается опосредованность объективности субъективностью, значение созидающей роли действий (самодеятельности) как в познании целого (сущности) данного, так и в построении самого субъекта. Вывод автора этой одной из первых его статей таков: «Итак, субъект в своих действиях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и представляется; он в них созидается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» [Там же, 106]. Деятельностное сбывание человека и проявляет, и созидает его самого; сознание является элементом более общей структуры, — вот вывод, который мы делаем и который, на наш взгляд, не противоречит позиции С. Л. Рубинштейна.

В своей последней работе «Человек и мир» С. Л. Рубинштейн пишет: «За проблемой бытия и сознания раскрывается проблема бытия, сущего и человека, его познающего и осознающего» [7, 255]. Выступая против замены человека его сознанием, он сохраняет разрыв сознания и бытия, но показывает, что «за этой первой проблемой закономерно, необходимо встает другая, как исходная и более фундаментальная — о месте уже не психического, не сознания только как такового, а о месте человека в мире, в жизни» [Там же, 256]. По существу

это призыв рассматривать целостность человека не как гносеологического субъекта, а как онтологическую реальность, в которой для субъекта кроме объектов присутствуют и другие люди, и они тоже в нее входят в качестве условия целостности человека.

Человек не столько познает мир из перспективы «созерцателя» объективного мира или «теоретика» как исследователя и открывателя сущностных истин независимо от него существующего мира, сколько является непосредственным «участником» его сбывания и тем самым действует по его законам и сам сбывается в соответствии с ними. Проблемы индивидуального бытия человека нельзя разрешить, ограничиваясь философией сознания, философией восприятия, философией переживания, т. е. замыкаясь на отдельном человеке. Их разрешение нуждается в антропологии, где «обычное представление о субъекте познания как чисто индивидуальном, только единичном существе — фикция» [7, 256].

Оперирование деятельным, но абстрактным субъектом в теоретической психологии и философской теории познания также не позволяет преодолеть разрыв между человеком и бытием. Сам субъект должен быть представлен в динамике понятий, позволяющих выражать многообразие вероятностных процессов как внутри самого человека, так и вне его, объясняя неповторимость и уникальность каждого человека. Даже предложение психолога К. Роджерса в его концепции о соотношении Я-реального и Я-идеального привлекло внимание психологов и многих философов. Проблемы идентичности и идентификации оказались в центре внимания исследователей, и при решении этих проблем абстрактный субъект вряд ли уместен и эффективен. Объяснение самоидентификации на основе пола, имени, профессии или идентификация этническая, конфессиональная, личностная и территориальная нуждаются во внутренне дифференцированном субъекте, который способен к вариативной самоинтеграции в целостность в процессах идентификации до единства мыслей, чувств, отношений и действий. Хотя рассогласования между последними внутри индивидуального субъекта являются нормой вариативных процессов самоинтеграции в целостность, однако они могут быть и разрушительны. Поэтому осмысление единства мыслей, чувств, отношений и действий человека на основе развития целостности индивидуального бытия человека и оформление этого процесса в категориях его сбывания — вот задача философии.

До сих пор концентрация усилий исследователей на отдельном человеке, на сознании и его деятельности не создает новых возможностей преодоления человекоцентрированного подхода. Современная философия остро нуждается в осмыслении своих фундаментальных онтологических оснований именно в целостном сбывании человека, которое а) никем не задано и б) имеет в себе объяснятельный потенциал развития и исторического наращивания смыслового и предметного содержания в направленности к целостности бытия человека.

Характеристики целостности бытия человека могут и должны соответствовать той надприродной, метафизической реальности, которую еще Л. Фейербах называл «вершиной природы». Он писал: «Человек — это высшее существо природы, поэтому я должен исходить из сущности человека» [8, 266]. «Отдель-

ный человек, как нечто обособленное, не заключает человеческой сущности в себе ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты» [8, 203].

Почему именно общение между людьми возводится в антропологический принцип? Из учения философа, пожалуй, первым ответом может стать следующий: потому что человеческий индивид — родовое существо, и даже представление индивида о Боге есть его представление о человеческом роде. Причем общаться могут только равноценные друг другу существа, поскольку «истина и совершенство, заключаются лишь в связи, в единстве, равноправных существ» [Там же, 204]. Сущность высшего существа природы и позволяет понимать сущности, предшествующие его появлению. Общение разрушает ограниченность отдельного человека и задает ему всеприродную перспективу.

Вторым возможным ответом является тот, который показывает субординацию принципов. Единство человека с человеком Фейербах называет величайшим и последним принципом философии. «Все существенные отношения, принципы различных наук — это только различные виды и формы этого единства» [Там же, 204]. Почему так можно утверждать? Очевидно, потому, что именно в общении возникают идеи и осознание самого себя и, по-видимому, принципов познания.

Причем в общении, по Фейербаху, над мышлением доминируют чувства, которые имеют свои границы. Но как же антропологический принцип связан с чувственностью как ограничением человека? Философ утверждает: «Только чувственность разрешает тайну взаимодействия. Только чувственные существа воздействуют друг на друга. Я есть Я — для самого себя, и одновременно Я — Ты для другого» [Там же, 183].

Два ответа не противоречат друг другу. В общении двух чувственных высших существ происходит порождение всеобщего и родового содержания, всех принципов различных наук, потому что в общении порождается осознание бытия человека и всей природы, проверяется истинность абстрактного мышления, а главное сохраняется и поддерживается родовая сущность высшего существа природы.

Тайна сущности человека и антропологического принципа философии заключается, по мнению Фейербаха, в чувственности как в другой стороне мышления. «Вне чувственности и общение не может порождать всеобщего и истинного содержания. Только человек является абсолютным сенсуалистом, и его чувства обращены на все чувственное, на весь бесконечный мир» [Там же, 231–232]. Чувство универсально и бесконечно, а дух просто универсален, поскольку «он все же только сущность чувственности, поскольку он не что иное, как просто общее единство чувств» [Там же, 235]. Множественность и многообразие мира даны нам в чувствах, а сверхчувственные сущности даны духу как весьма неопределенному чувственному, сплавляющему все чувственное.

Ограничение универсальности человека чувствами и чувственностью переросло в ограниченность позиции Л. Фейербаха. Обоснованная Гегелем сущность деятельности опредмечивания и распредмечивания чуть позже была

использована К. Марксом гораздо продуктивнее. Он обосновал универсальность человека не через чувственность, а через универсальность действий с предметами и объектами природы, через преобразовательную деятельность. Общение людей у Фейербаха вне предметной преобразовательной деятельности оказалось ограничено их созерцательной и чувственной активностью.

Конечно, это было огромным шагом вперед от гегелевского бытия на границе с «другим», поскольку отрицательное отношение с «другим», как отрижение иного в философии Гегеля, было преодолено. Общение уже представляет собой положительное взаимодействие между людьми. Другой человек необходим для порождения и сохранения сущности бытия человека, а не для отрицания его. Но положительный результат общения «вытесняется» Л. Фейербахом не в предметную деятельность и предметные изменения вне человека, а в сферу чувств и мышления. Обоснования потенциала порождающей субъектности бытия человека, в направлении которого развертывалась концепция антропологического материализма, не получается. Однако в концепции Л. Фейербаха намечено принципиальное направление анализа, которое связано с изначально заявленной целостностью бытия человека. И эти важные онтологические основания первичности и активности нового бытия природы осуществляются опять же в сфере чувств и чувственности.

Бытие объекта, вещи, другого человека даны человеку через чувства, которые являются объективными свидетелями их существования. Всякое содержание есть содержание бытия и отвлечение от реального бытия. «В мышлении я абсолютный субъект, для меня все имеет значение лишь как мой объект, предикат, меня, мыслящего; здесь я нетерпим; в сфере же деятельности чувств я, наоборот, свободолюбив, я даю предмету возможность быть тем, чем являюсь я сам, — субъектом *действительным, себя самого раскрывающим* существом. Только чувство, только созерцание дает мне нечто в качестве субъекта» [8, 172].

Почему свободу человека Л. Фейербах связывает с чувствами? Ответ возможен такой: потому что в чувствах человеку даны единичность, единственность, индивидуальность бытия вещи и другого человека, т. е. все многообразие бытия. «*Бытию свойственна единичность, индивидуальность, мышлению — всеобщность*» [Там же, 175]. В такой трактовке бытия как бы поясняется и конкретизируется мысль о том, что антропологический метод, исходя из человека как абсолютного и универсального сенсуалиста, по существу включает в антропологический принцип наряду с общением и признание бытия как «индивидуальности» также исходным началом философии.

А поскольку сущность «действительности составляет индивидуальность», поскольку и «*действительное* нельзя изобразить в мышлении *целыми числами*, но только *дробями*» [Там же, 176]. Оно прорывается не сразу и постоянно исправляется чувственным созерцанием, в котором дается индивидуальность бытия. Бытие есть нечто несказанное и до конца невыразимое в мышлении. В этом заключена тайна любого бытия и, конечно, индивидуального бытия человека тоже. Поэтому, по Фейербаху, только в чувствах может приоткрываться единственность и индивидуальность бытия человека, особенно в высших человеческих чувствах. «Чем больше бытия в человеке, тем больше он любит, и

наоборот» [8, 186]. Как можно понять, только в чувствах возможна и дана человеку субъектность как бытия природы, так и другого человека, только действительные различия между вещами и, конечно, между людьми и являются источниками их субъектности.

Таким образом, Л. Фейербах приходит к родовой природе индивидуального субъекта на основе различий между Я и Ты внутри индивидуального бытия как со-бытия. Всякое действие человека опосредовано различием внутри бытия, данном в чувствах, и задача мышления и чувственности направлена на выработку такого содержания, чтобы жить в соответствии с бытием природы и другого человека. Как верно отметил известный исследователь философии Л. Фейербаха, «от признания объективности другого Я философ идет к признанию объективности мира вообще» [9, 15]. А известные религиозные философы М. Бубер и С. Франк называли предложенную философскую антропологическую позицию Л. Фейербаха «коперниковым свершением».

Открытая Л. Фейербахом принципиальность отношения одной индивидуальности к другой для бытия каждого человека создает необходимость его категориального осмысления как *целостности со-бытия*. На наш взгляд, эта целостность имеет достаточно ясно выраженные особенности:

а) выход за пределы своего наличного существования в целостность своего индивидуального бытия для каждой индивидуальности является необходимым и закономерным для ее развития;

б) направленность трансцендирования в целостность индивидуального бытия как в его освоении, так и в его реализации исторична и ситуативна, создавая конкретную со-временность со-бытия;

в) идентификация каждой индивидуальности осуществляется в самодостаточных процессах взаимосвязи основных структурных компонентов внутри целостности индивидуального бытия как со-бытия: со-знания, со-общения, со-чувствия, со-действия, со-вести;

г) существенные отношения между компонентами целостности индивидуального бытия как со-бытия на основе различий осуществляют вариативную инверсию (переход) «внутрь» общающихся индивидуальностей, и они уже сбываются в качестве их со-бытийных свойств и способностей (сознания, общения, страдания и любви, преобразовательной деятельности, стыда и др.); эти свойства и способности выступают, в свою очередь, необходимым условием сохранения и развития целостности общающихся индивидуальностей;

д) то, что находится вне индивидуальности в целостности индивидуального бытия как со-бытия, не в меньшей мере конституирует ее существование, чем то, что принадлежит в данный момент ей самой; переходы из целостности индивидуального бытия как со-бытия в целостность индивидуальности и обратно есть ее сбывание.

Индивидуальность есть не только то, что она представляет собой в данный момент, но и то, что она имеет в качестве потенциала социального статуса, ресурсов и возможностей целостности своего бытия. Со-временность внутри со-бытия — это взаимосвязь настоящего прошлого, настоящего настоящего с потенциалом настоящего будущего. Со-временность для индивидуальности

в со-бытии больше, чем время ее жизненного сбывания, так как индивидуальность как результат жизненного сбывания дополняется потенциалом процесса ее актуального сбывания. Со-бытие обеспечивает единство процесса и результата, мысли и действия, смысла и цели, отношения и чувства, образуя в результате целостность индивидуальности человека.

Целостность со-бытия человека образует целостность его самого. Целостность со-бытия — это свойство, которое утверждает необходимость взаимодействия людей и создает возможность преодолеть недостаточность отдельного человека в отношениях с миром; это свойство, которое порождает изменения не для одного человека, а, как минимум, для двух как сторон взаимодействия. Целостность со-бытия подразумевает ее самоорганизацию на основе слабых взаимодействий. Выход любой индивидуальности за пределы со-бытия может привести и к сильным взаимодействиям, к встрече с чужим и даже чуждым и, таким образом, нарушить или разрушить целостность со-бытия.

Самоорганизация со-бытия в целостность происходит в таких основных процессах, которые являются реализацией уже не столько витальных, сколько социальных потребностей — в смыслообразовании, в самореализации, в общении. «В самом цикле индивидуализации самореализация индивидуальности есть длительность и направленность *от* прошлого (от усвоения, освоения, потребления, целеобразования, смыслообразования), а удовлетворение потребности и достижение целевого результата есть окончание длительности самореализации и начало длительности и направленности *к* будущей самореализации (через усвоение, освоение, потребление, целеобразование, смыслообразование). Весь воспроизводственный цикл *от* настоящего (актуального) прошлого *к* настоящему (актуализированному) будущему есть *длительность и рядоположенность настоящего*» [10, 228].

Обязательный выход индивидуальности за пределы наличного состояния в целостность своего со-бытия — это постоянная устремленность в будущее состояние. Это и есть сбывание индивидуальности, которая своей устремленностью в будущее осуществляет центрацию своего существования, обретая устойчивость и идентичность в различии и разграничении с другими компонентами структуры наполненного смыслом индивидуального бытия, образуя с ними инверсионное развивающееся единство.

-
1. Иконникова Н. И. Бытие человека как целостная система: социально-философский аспект : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2004.
 2. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2006.
 3. Дильтей В. Основная мысль моей философии // Вопр. философии. 2001. № 9.
 4. Дильтей В. Предпосылки или условия сознания либо научного познания // Там же.
 5. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции. М., 2006.
 6. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики) // Вопр. психологии. 1986. № 4.
 7. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.

8. Фейербах Л. Избранные философские произведения. М., 1955. Т. 1.
9. Любутин К. Н. Человек в философском измерении: от Фейербаха к Фромму // Философская библиотечка учителя. Вып. 5. Псков, 1994.
10. Герт В. А. Индивидуальность человека: бытие и деятельность. Екатеринбург, 1996.

Рукопись поступила в редакцию 31 мая 2012 г.

УДК 316.334.22 + 331.101.262 + 331.101.262 + 364.694

**Ф. С. Исмагилова
Л. В. Макарова**

«БАРЬЕРНАЯ» СРЕДА РЫНКА ТРУДА КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ИНВАЛИДОВ

В статье описываются физические и отношенияльные барьеры, определяющие конфликт инвалидов со средой на рынке труда. Раскрываются культурные, социальные и политические детерминанты формирования «барьерной» среды, препятствующей профессиональной интеграции инвалидов.

Ключевые слова: инвалидность, конфликт со средой, культура достоинства, культура полезности, медицинская модель инвалидности, политика инвалидности, социальная модель инвалидности, физические и отношенияльные барьеры среды.

Наличие в современном обществе целого ряда социальных и физических барьеров, объективно препятствующих жизнедеятельности инвалидов, определяет их конфликтное отношение со средой. Однако способность личности осуществлять деятельность в относительной свободе от заданных внешних и внутренних условий дает нам право говорить об эффективных стратегиях поведения, которые могут быть реализованы инвалидизированным человеком в самых разных жизненных сферах, в том числе и в сфере профессиональной жизни.

Поскольку, по мнению А. Н. Леонтьева, деятельность не является только внутренней активностью субъекта, а зависит от места человека в обществе, от условий, выпадающих на его долю [5], нам необходимо проанализировать особенности объективного предметного мира, каким является для инвалидизированного человека, ориентированного на профессиональную интеграцию, рынок труда. Его противоречивость очевидна уже тем, что, с одной стороны, он характеризуется наличием целенаправленных государственных мер, призванных стимулировать трудозанятость инвалидов, а с другой — наличием целого ряда барьеров, препятствующих их профессиональной эффективности.

Характеристика «барьерной» среды рынка труда

Конвенция ООН о правах инвалидов выделяет два основных вида барьеров, мешающих социальной интеграции людей с инвалидностью: отношенияльные и средовые (физические) барьеры [6]. При этом о *физическých барьерах*

среды мы говорим тогда, когда имеющаяся социальная инфраструктура (общественный транспорт, жилые помещения, учебные, административные и производственные здания, рабочие места и пр.) не приспособлена для использования инвалидами. В этом случае недостаточное количество необходимых технических приспособлений, специального оборудования затрудняет инвалидам беспрепятственный доступ к месту учебы или работы, эффективное выполнение ими рабочих функций.

Все другие виды барьеров можно отнести к категории «отношенческих», поскольку они формируются в сфере социального взаимодействия отдельных людей или групп и могут быть устраниены на уровне формальных или неформальных договоренностей.

В литературе, касающейся различных аспектов трудозанятости инвалидов, описываются следующие из них.

Экономические барьеры, которые в условиях рыночной экономики и конкурентной среды формируют экономическую непривлекательность инвалидов как работников. Это объясняется тем, что работодатель, принявший на работу инвалида, как правило, несет дополнительные финансовые потери, поскольку вынужден выплачивать полную заработную плату работникам, которые, находясь на особом положении в сфере трудовых отношений, имеют право на выполнение более легкой работы, сокращенную продолжительность рабочего времени, удлиненный отпуск и пр. При этом никаких налоговых льгот, иных финансово-экономических стимулов или преференций государства такой социально ориентированный работодатель сегодня, как правило, не имеет. В ряде случаев работодатели предпочитают реальному трудуустройству инвалидов их фиктивное трудуустройство с невысокой по размеру ежемесячной выплатой [9, 11].

Барьеры социального отчуждения, при которых трудозанятости инвалидов мешает социальная разобщенность инвалидов и неинвалидов, наличие между ними социальной дистанции, негативных аттитюдов общества по отношению к инвалидам. Корни этой проблемы могут лежать как в исторических условиях зарождения человеческой цивилизации, ориентирующих на выживание сильнейшего, так и в более поздних периодах развития общества. Например, послевоенная социальная политика советского государства, направленная на централизацию помощи инвалидам и создание сети специализированных интернатов, учебных заведений, производств для инвалидов, которых тем самым изолировали от всех остальных граждан, «изъяли» из общества, сформировала в конечном итоге устойчивый стереотип «общества без инвалидов» [1, 4, 10, 11].

Образовательные барьеры, которые не позволяют инвалидам свободно выбирать и получать профессиональное образование, обеспечивающее их конкурентоспособность на рынке труда. Современная политика профессионального образования инвалидов продолжает основываться на принципе сегрегации, оставляя за государством и учебными заведениями, а не за самими абитуриентами, выбор подходящей образовательной программы и места обучения. В результате большинство существующих программ профессионального образова-

ния специализированы по медицинскому диагнозу и локализованы в отдельных регионах, что существенно сужает образовательный выбор инвалида, ограничивает опыт его социального взаимодействия, изолирует. К тому же само количество специальных учебных заведений не обеспечивает в полном объеме образовательные потребности инвалидов [1, 11, 18].

Информационные барьеры, которые не позволяют людям с инвалидностью по слуху и зрению свободно пользоваться источниками информации, которые доступны обычным людям. В результате инвалиды лишаются возможности выполнять интеллектуально насыщенную работу, которая в настоящее время становится все более востребованной на рынке труда [7].

При наличии вышеназванных барьеров даже состоявшееся трудоустройство инвалида на рабочее место в большинстве случаев нельзя считать эффективной трудозанятостью. Человек со статусом «инвалид», как правило, не рассматривает работу в качестве достойной альтернативы жизни на пенсию, она становится для него источником дополнительного к пенсии дохода и потому носит преимущественно временный характер. Причиной этого являются несоответствие имеющихся условий труда состоянию здоровья инвалидов; невысокие заработки на тех рабочих местах, которые оказываются доступны инвалидам в силу их низкой образовательной и профессиональной мобильности, ограниченного или неактуального трудового опыта, особых требований, предъявляемых самими инвалидами к условиям труда. Таким образом, даже трудоустроенные инвалиды не чувствуют себя защищенными на рынке труда и часто работают неофициально, боясь лишиться статуса «инвалид» или «безработный» и утратить вместе с ним более стабильный, чем заработка плата, источник дохода в виде пенсии или пособия. В силу этого работающие инвалиды представляют неустойчивый сегмент рынка труда, они потенциально готовы к добровольной смене работы либо к увольнению по инициативе работодателя [11, 12].

Фактически на фоне рыночных экономических преобразований, существующих социальных стереотипов и физических барьеров происходят различные нарушения прав инвалидов в сфере занятости, а требования государства к работодателям по привлечению инвалидов в экономический сектор «открытого» рынка труда не выполняются в силу тех же экономических причин, по которым и на «закрытом» рынке труда само государство значительно сократило поддержку специализированных предприятий инвалидов.

При этом экономическая обусловленность проблем, с которыми сталкиваются сегодня инвалиды на рынке труда, является проявлением общих социально-психологических, культурных и политических тенденций, препятствующих активной социальной жизни и интеграции инвалидов. В этом случае речь может идти о существовании в общем социальном пространстве так называемых *культурно-символических барьеров* [8]. Такие барьеры не только нарушают право инвалида на труд, но и снижают социальный статус личности, ухудшают качество жизни в целом.

Культурные, социальные и политические детерминанты конфликта инвалидов со средой на рынке труда

По мнению ряда психологов [2, 13, 15], на более глубоком уровне — уровне отношения общества к человеку в целом в общественном сознании — сегодня доминирует «культура полезности», при которой ценность для общества имеет лишь физически и психически полноценный человек, способный приносить ощутимую экономическую пользу. В такой культуре люди с инвалидностью, дети и старики, не способные в силу своих физических возможностей выполнять полезные функции, создают лишь проблемы для общества. Понятию полезности противостоит понятие достоинства, а поскольку достоинством обладает только личность, причем независимо от какой бы то ни было витальной или социальной полезности, ведущей ценностью «культуры достоинства» является личность человека. В «культуре достоинства» люди с отклонениями в здоровье или развитии, старики и дети особо оберегаются обществом, поскольку именно уважение общества к личности, а не к возможностям организма позволяет его членам сохранить подлинную человеческую сущность. Именно «культура достоинства», ориентированная на общечеловеческие ценности, в большей степени, чем «культура полезности», способна к преодолению социальных проблем, в том числе и связанных с инвалидностью, поскольку *человечность*, «а не двуногость или отсутствие перьев» является той самой этической сущностью, которая и отличает человека от всех прочих существ [14, 10].

В условиях доминирования «культуры полезности» в отношениях между государством, работодателями и инвалидами на рынке труда разворачивается целый ряд столкновений, вызванных конфликтующими интересами. Показателем этого процесса являются факты явного или латентного сопротивления каждой из сторон существующим законам, нововведениям или традициям, регламентирующими занятость людей со статусом «инвалид». При этом люди с инвалидностью чаще всего являются пострадавшей стороной, поскольку в любом обществе их гораздо меньше, чем остальных, а доминирующие социальные нормы всегда ориентированы на соблюдение интересов большинства.

Однако, на наш взгляд, «культуру полезности» и «культуру достоинства» следует рассматривать в качестве противоположных только на уровне теоретических взглядов. В реальной жизни достоинство личности наиболее ярко проявляется тогда, когда человек с инвалидностью, ориентированный на реализацию социально полезной жизненной позиции, имеет возможность реализовать свое право на труд наравне с другими людьми [Там же].

Таким образом, возможность быть полезным обществу основана на признании человеческого достоинства, поэтому «культура полезности» и «культура достоинства» в социальной практике могут и должны быть интегрированы.

Кроме того, результативность любых мер государственной поддержки инвалидов в сфере занятости зависит также от концептуальной модели инвалидности, распространенной в обществе, с позиции которой инвалидность определяется как понятие, поскольку это понятие является эволюционирующим и

меняет свое содержание в разных обществах, в зависимости от преобладающих в них условий.

В литературе традиционно выделяют два подхода к пониманию инвалидности, или две условные модели инвалидности: медицинскую и социальную. *Медицинская модель* делает акцент на диагнозе, приписывая инвалидам статус больных, девиантов, которых необходимо лечить, исправлять или изолировать. Такая точка зрения, зародившись в недрах системы здравоохранения и социального обеспечения, продолжает оказывать сегодня значительное влияние на российское законодательство, социальную политику и организацию социального обслуживания. *Социальная модель* рассматривает инвалидность как проблему, возникшую вследствие несправедливого устройства общества. Она появилась в мировом общественном сознании в 70-х гг. XX в., когда британские ученые — активисты организаций инвалидов начали публиковать материалы, доказывающие антигуманный характер содержания инвалидов в интернатах и несостоительность патерналистских установок, свойственных такой социальной политике [3, 11].

По-разному в связи с этим трактуется и сам термин «инвалид». В странах с развитыми демократическими традициями слово «инвалид» постепенно выходит из употребления в связи с целенаправленным внедрением в сферу общественных отношений более корректного «нondискриминационного» языка, ставящего акцент не на болезни, а на самом человеке и социальных условиях, в которых он находится в связи со своей болезнью. При этом сам факт отказа специалистов от использования термина «инвалид» связывают с именем Филиппа Вуда (Филипп Генри Николс Вуд, 1928–2008, врач-эпидемиолог, Манчестер, Великобритания), который разработал концепцию Handicap, чем бросил вызов традиционным взглядам на инвалидность, связав ее не с медицинскими причинами, а с социальными последствиями функциональных нарушений. Англосаксонским словом Handicap (hand in cap — рука в шляпе) называлась французская игра, участники которой выполняли определенные действия, пряча руку в шляпу. Такое препятствие ограничивало возможности играющих, невыгодное положение которых можно было сравнить с социально невыгодным положением, в котором оказываются инвалиды по сравнению с большинством человечества. Таким образом, Ф. Вуд построил свою концепцию на простом постулате: *инвалидом оказывается любой человек, перед которым встают препятствия, ограничения, мешающие ему нормально действовать, в результате чего он попадает в социально невыгодное положение* [19].

Принятие в 2006 г. Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции о правах инвалидов как первого в истории международного документа, разработанного с участием представителей гражданского общества, фактически ознаменовало собой «смену парадигмы» в том, что касается отношения к инвалидам. Данный документ прямо указывает, что основной проблемой инвалидности является не медицинский, а социальный фактор ограничений жизнедеятельности, возникающий по причине неприспособленности внешней среды к особым нуждам инвалидов, а также из-за предрассудков общества по отношению к ним, что препятствует инвалидам реализовывать имеющиеся у них возможности наравне с другими [6].

Социальный подход к инвалидности поддерживается сегодня гуманистически ориентированной наукой и развивается при активном участии самих инвалидов. Философия этого подхода воплощена в Движении независимой жизни инвалидов, девизом которого является «Ничего для нас без нашего участия» [17].

Однако традиционный (медицинский) подход, до сих пор представленный в общественном сознании и государственной политике ряда стран, в том числе и России, трактует инвалидность как медицинский феномен, прямо ассоциируя понятие «инвалид» с понятиями «больной человек», «человек с физическими увечьями» или «человек с недостаточным развитием». При этом используемое сегодня на официальном уровне слово «инвалид» (лат. *invalidus*), которое буквально переводится с латыни как «непригодный», продолжает предопределять некоторую ущербность человека с данным статусом, формируя к нему отношение, ориентированное не только на опеку, но и на выстраивание социальной дистанции.

Преобладание медицинского или социального подхода к инвалидности рассматривается в характере властных отношений в обществе и идеологии государственной социальной политики, которые находят свое выражение в политике образования, социального обеспечения, здравоохранения, занятости [11].

Интересной в этой связи нам кажется типология моделей политики инвалидности Роберта Дрейка [20], пять возможных вариантов которой воплощаются в различные периоды функционирования разных государств: *негативная политика*, при которой государство активно отрицает гражданские и общечеловеческие права инвалидов; *политика невмешательства*, при которой государство играет минимальную роль в жизни инвалидов; *мозаичная модель политики*, при которой государство реагирует на инвалидность бессистемно и поверхностно, возможно, в силу давления и обстоятельств, без создания и внедрения целостной стратегии; *максимальная политика*, означающая наличие стратегического подхода государства, цель которого — идентифицировать проблемы, связанные с инвалидностью, и отреагировать на них комплексно¹; *модель социальных и средовых изменений*, при которых государство признает свою ответственность перед всеми гражданами в равной степени и признает, что инвалидность есть продукт общественного устройства и окружения, созданного неинвалидами для инвалидов.

В настоящее время отношение государства к инвалидам представлено в России *моделью максимальной политики*, в основе которой лежит традиционный медицинский подход к инвалидности. И пока инвалиды будут рассматриваться как объекты социальной помощи, а не как равноправные граждане, сам процесс политических изменений в социальной сфере останется малоэффективным [3, 11].

¹ При этом государство продолжает рассматривать инвалидность как показатель нарушения жизнедеятельности конкретного человека, а не конфигурации общества, вследствие чего фокус политики направлен на изменение физиологии инвалидов, конструирование и поддержание сети услуг, улучшающих условия их жизни. И даже те услуги, которые нацелены на интеграцию инвалидов, оказываются после определения медицинского диагноза, что продолжает сегрегировать инвалидов от общества.

Таким образом, наличие многочисленных барьеров, препятствующих профессиональной интеграции инвалидов, а также недостаточная эффективность государственных программ, направленных на поддержку занятости этой категории населения, обусловлены целым рядом культурных, политических и социальных факторов. Совокупность таких факторов определяет развитие на рынке труда актуального конфликта между следующими субъектами: *инвалидами*, как потенциальными или реальными работниками, *работодателями*, не желающими брать их на работу или относящимися к работающим инвалидам как к обузе, и *государственными службами*, чья противоречивая политика в сфере занятости инвалидов препятствует соблюдению интересов участников рынка труда. Такой конфликт рассматривается в психологии, социологии и других общественных науках как *конфликт с внешней средой*. В ходе конфликта со средой индивиды, составляющие группу (в нашем случае — люди с инвалидностью), испытывают давление извне, прежде всего со стороны культурных, административных и экономических норм и предписаний, и при этом часто вступают в столкновения с институтами, поддерживающими эти нормы и предписания [16].

Выводы

1. Рынок труда как сфера формирования спроса и предложения на рабочую силу характеризуется наличием актуального конфликта инвалидов со средой, в условиях которого инвалиды испытывают давление со стороны культурных, административных и экономических норм и предписаний, нарушающих их права и затрудняющих полное и эффективное участие в профессиональной жизни.

2. Государство осуществляет комплекс мер по содействию занятости инвалидов на «открытом» рынке труда, однако в основе государственной политики лежит медицинская модель инвалидности, при которой основные ресурсы направлены на конструирование и поддержание сети услуг, улучшающих условия жизни инвалидов, а не на обеспечение им равных прав.

3. Инвалиды, претендующие на рабочие места, в силу своего особого положения в сфере трудовых отношений и наличия целого ряда физических и от ношенческих барьеров, препятствующих развитию их конкурентоспособности, остаются экономически непривлекательными для работодателя в условиях рыночной экономики, ориентированной на извлечение максимальной прибыли и конкуренцию.

4. Работающие инвалиды в подавляющем большинстве случаев рассматривают свою занятость как временную, поскольку рынок труда ориентирует их на низкооплачиваемую работу, не соответствующую состоянию здоровья, имеющемуся образованию или квалификации.

5. Конфликт инвалидов со средой рынка труда обусловлен наличием целого ряда барьеров, препятствующих их профессиональной интеграции. Такими барьерами рынка труда являются физические барьеры среды, экономические, образовательные, информационные, культурно-символические барьеры. Однако в основе дискrimинации инвалидов лежат «отношенческие» барьеры,

определяющие негативные установки общества и государства по отношению к инвалидам.

6. «Барьерная» среда рынка труда поддерживается доминирующей в общественном сознании «культурой полезности», при которой ценность для общества имеет лишь физически и психически полноценный человек, способный приносить экономическую пользу. «Культуре полезности» на уровне теоретических представлений противостоит «культура достоинства», ведущей ценностью которой является личность человека.

7. Возможность для человека с инвалидностью быть полезным обществу основана на признании государством его человеческого достоинства и равных прав во всех сферах жизни, в том числе и на рынке труда, поэтому «культура полезности» и «культура достоинства» в социальной практике могут и должны быть интегрированы в условиях безбарьерной среды.

8. Общемировые культурные и политические тенденции свидетельствуют о постепенной смене парадигмы инвалидности в сторону социальной модели, в рамках которой инвалидность рассматривается как следствие социального неравенства. При этом основной задачей государства становится поощрение, защита и обеспечение полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также поощрение уважения достоинства, присущего каждому человеку.

-
1. Алмазов Б. Н. Маргиналы: пособие по психологии социального отчуждения. Екатеринбург, 2011.
 2. Асмолов А. Г. Непройденный путь: от культуры полезности — к культуре достоинства // Перемены. 2008. № 1. С. 11–21.
 3. Егорова С. В. Предпринимательская деятельность как проактивная жизненная стратегия инвалидов : дис. ... канд. социол. наук. Самара, 2002.
 4. Зозуля Т. В. Исторический аспект формирования медицинской и социальной помощи инвалидам // Психология инвалидности : хрестоматия / сост. О. В. Краснова. М. ; Воронеж, 2011. С. 43–50.
 5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2001.
 6. Конвенция ООН о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/10 Генеральной Ассамблеи ООН 13.12.2006.
 7. Нестерова Г. Ф. Специфика социально-психологического статуса и проблем инвалидов // Психология инвалидности. С. 79–85.
 8. Новоженина И. В. Качество жизни лиц с ограниченными ментальными возможностями // Там же. С. 57–62.
 9. Парягина О. А. Инвалиды: дискриминация и занятость // Трудовое право. 2007. № 4. С. 8–12.
 10. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Инвалиды и общество: двадцать лет спустя // Социол. исслед. 2010. № 9. С. 50–58.
 11. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов, 2006.
 12. Сенокосова О. В. Формы и перспективы развития занятости инвалидов // Психология инвалидности. С. 319–325.
 13. Смирнов А. В. Самоизоляция личности в критической жизненной ситуации физической инвалидности : дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.

14. Суворов А. Человечность, достоинство, педагогика оптимизма // Б-чка «Первого сентября». Сер. «Воспитание. Образование. Педагогика». Вып. 24. М., 2009.
15. Франкл В. Десять тезисов о личности // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2005. № 2. С. 4–13.
16. Фролов С. С. Социология : учеб. З-е изд., доп. М., 2000.
17. Черничкина В. А. Социально-психологические проблемы инвалидов и основные стратегии их разрешения : дис. канд. психол. наук: 19.00.05. Ярославль, 2003.
18. Ярская-Смирнова Е. Р., Наберушкина Э. К. Социальная работа с инвалидами : учеб. пособие. Саратов, 2003.
19. Berry Mike. Philip Wood. Epidemiologist who challenged attitudes on disablement [Electronic resource]. URL: <http://www.guardian.co.uk/society/2008/oct/10/health>
20. Drake R. F. Understanding Disability Policies. Basingstoke : Macmillan, 1999.

Рукопись поступила в редакцию 6 июня 2012 г.

ЭСТЕТИКА И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 821.161.1–94 + 82.02 + 008

Ж. В. Лицук

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК В МЕМУАРАХ И АВТОБИОГРАФИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

В статье рассматриваются мемуары и автобиографии как источники для исследований культуры и истории Серебряного века. Автор, указывая на культурные и социальные факторы развития жанра мемуаристики и автобиографии в России, исследует, как в воспоминаниях деятелей культуры Серебряного века отразились характерные черты времени.

Ключевые слова: история русской культуры и философии конца XIX – начала XX в.

Русская культура пережила небывалый расцвет на рубеже XIX–XX вв. Этот взлет русского искусства, философии получил название Серебряного века. В последние годы о нем много писали, и все же многое остается еще не изученным. Более того, до сих пор исследователи сталкиваются с мистификацией и мифологизацией многих страниц истории этого бурного, насыщенного событиями времени. Мифы о Серебряном веке стали появляться уже в начале XX в. Позже процесс мифологизации данного периода русской культуры только усилился. Сегодня, обращаясь к источникам, которые наиболее близки к рассматриваемой эпохе, можно восстановить ее истинный дух. Поэтому так значимы как подлинные свидетельства времени мемуары и автобиографии деятелей культуры Серебряного века.

Мы многое знаем о Серебряном веке, но что именно дают нам мемуары и автобиографии как источники? «Всякие мемуары дают нам двойной круг знаний и представлений. Во-первых, мы через автора мемуаров воспринимаем то, что он видел и о чем написал, — людей и время... Второй круг — это круг наших знаний, представлений о самом авторе мемуаров: как автор выглядит в собственных глазах и какими глазами он видит других людей» [7, 84]. Но

© Лицук Ж. В., 2012

есть еще и третий круг: через мемуары и автобиографии других людей и иных эпох мы узнаем себя и свое время, выстраиваем закономерности современных культурологических процессов.

К тому же автор мемуаров предстает сам в двух временных измерениях: во времени, описываемом им, и во времени, когда он создает свой текст. Мемуаристика — это опыт диалога на самом разном уровне: диалог культур, времен, менталитетов и т. п. Поэтому обращение к ней столь значимо для современной теории и истории культуры.

Исследование мемуаров, как и автобиографий, имеет неоспоримое методологическое значение. «Несмотря на то, что биографический жанр пользуется неизменной популярностью у читателя, тем не менее он остается незаслуженно обойденным в исследовательской литературе: отсутствуют разработки, где с позиций современных достижений философии и методологии гуманитарного знания освещались бы особенности биографического повествования (критерии достоверности, специфика биографической традиции письма, междисциплинарный характер биографического знания)», — пишет известный специалист в биографике А. Л. Валевский [2, 32]. И с этим мнением трудно не согласиться. В своей работе мы стремимся показать, как Серебряный век отразился в воспоминаниях современников, с одной стороны, и как сами мемуары и автобиографии стали феноменами времени — с другой.

Одна из черт Серебряного века, как нам кажется, — резко возросший интерес к автобиографическим сочинениям и мемуаристике. И это вполне понятно, учитывая сложность времени. Рубеж XIX и XX вв. был не просто сменой столетий, а сменой эпох, что всегда приводит к трансформации ориентиров, диктуя новые правила, ценности. В ситуации мировоззренческого кризиса и перемен одним из способов понимания, осмыслиения действительности становится автобиография как уникальный способ организации авторской мысли. И действительно, «...исследование феномена философской автобиографии дает нам возможность увидеть степень ответственности человека перед самим собой и социумом, его желание быть необходимым и полезным обществу, а также понять и осмыслить становление процесса самосознания индивида по отношению ко всеобщему» [4, 3]. Этот тезис может быть применим не только к философской автобиографии, но и к воспоминаниям художников, поэтов, театральных деятелей, к автобиографиям тех, кто создавал русскую культуру конца XIX — начала XX в., ибо «...биографическое письмо существует отнюдь не как *causa sui*, но как ответ на определенный метафизический вопрос, укорененный в ментальном строе культурной традиции. Если на фундаментальный вопрос “ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК?” отвечают философия и наука, то биографии надлежит ответить на вопрос: “ЧТО ЕСТЬ ИМЕННО ЭТΟТ ЧЕЛОВЕК?”. Границы и смысл указанного вопроса обозначают сферу компетенции биографического письма в пространстве культуры» (выделено автором. — Ж. Л.) [2, 33]. Именно эти вопросы были движущей силой воплощения в культуре творческого потенциала музыкантов, поэтов, скульпторов, художников Серебряного века.

История автобиографий насчитывает несколько тысячелетий, но наблюдается следующая закономерность: всегда в переломные, веховые исторические

периоды интерес к опыту самоанализа возрастают и увеличивается количество автобиографической литературы. Нельзя, обратившись к историческим данным, не согласиться с мнением, что «...общеисторическим тождественным основанием для всех форм философской автобиографии является оправдание собственной позиции посредством мировоззренческих ориентиров эпохи» [2, 16]. Мы можем эту же мысль применить к автобиографиям музыкантов, поэтов, художников.

Приступая к рассмотрению автобиографии и мемуаристики как жанров, нужно отметить следующее: друг без друга они фактически обойтись не могут и реально включают в себя одна другую. Так, создавая автобиографию, невозможно не дать оценку времени, когда происходили те или иные события личной жизни автора, с одной стороны, с другой — как бы отстраненно автор ни пытался показать эпоху, миновать оценку собственной жизни в описываемый период невозможно, все происходившее оценивается через призму собственно-го бытия — и люди, и события.

Автобиография — это схема упорядочения собственного опыта, авторегулятивная конструкция, которая необходима двум, как минимум, сторонам — автору и читателю. Причем и читателю — современнику автора, и читателю-потомку. Первому — для того, чтобы, соотнося собственный опыт с опытом автора, определить для себя логику личной жизни, второму — для того, чтобы лучше понять опыт прошлого. Нужно отметить и следующий, играющий во многом определяющую роль, факт: автор пишет свою биографию с учетом возможной (и ожидаемой) оценки читателя. Есть и еще один аспект, который неизбежно учитывается при написании и анализе биографии: нельзя написать о себе, не оценив время и людей, с которыми ты пересекался в жизни. Таким образом, мемуары и автобиография, при всем их отличии, содержат общий дискурс, через который мы погружаемся в эпоху, нас интересующую.

В самой сущности автобиографии заложен значимый антропологический и культурологический акцент. В европейской культуре развитие феномена биографии как отражения индивидуального жизненного опыта связано со становлением и эволюцией в культуре и философии идеи личной автономии, значимости индивидуальных, а не статусных и т. п., качеств личности. «Незаданность, нерешенность, проблематичность жизненного пути отдельного человека, уже не предопределенного происхождением и статусом родителей (рода, семьи), соответствует здесь принципиальной открытости форм, в которых сознаются и представляются индивидуальное призвание, самореализация личности, ее успех или крах» [3, 10]. Поэтому биографический жанр и начинает активно развиваться в Европе с XVII–XVIII вв. Биография и автобиография есть, по сути своей, формы ментальной институализации установок европейского индивидуализма. Процесс европеизации русской культуры неизбежно должен был включить в это движение отечественных деятелей культуры и искусства. Постепенно подобные веяния стали проявляться в отечественной культуре XVIII — первой половине XIX в. Ускорение и усиление влияния европейской культурной традиции на русскую в конце XIX столетия привели к взрыву интереса к мемуарам и автобиографиям. Ведь «...без какого-либо преувеличения можно

сказать, что судьба биографии и как литературного жанра, и как вида исторического исследования целиком зависит от ответа на вопросы, что представляет собой феномен индивидуального и с помощью каких средств этот феномен возможно понять и соответствующим образом описать» [2, 33–34]. Деятели русской культуры рубежа XIX–XX вв. ощущали остро свою индивидуальность. Можно сказать, что это была гонка за тем, чтобы быть неповторимым, индивидуальным, единственным в творчестве, в личной жизни.

Происходящие изменения в обществе, активная модернизация социальных структур и характера взаимоотношений между людьми, революционные потрясения приводят к актуализации автобиографии и мемуаристики. Через них читатель вспоминает свое личное прошлое, пережитые вехи истории культуры, а порой и то, что уже невозможно вернуть, воссоздать и т. п. Этим фактором объясняется «взрыв» мемуаристики, посвященной началу века. Русская интеллигенция в 20-е гг. XX в. приняла как факт окончание такого этапа мировой истории, как Русская империя, и испытала потребность разобраться в произошедшем. Русская интеллигенция последующих поколений осознала необходимость узнать «из первых уст», как все происходило и что именно потеряно навсегда. Поэтому и для первых, и для вторых мемуары стали учебниками по истории страны и летописями личных, семейных судеб.

Историю и типологию автобиографии как жанра можно представить как историю и типологию различных форм самоконструирования личности. Во многом опыт автобиографии есть ответ на формализацию личностного бытия в XX в. Целостный образ личности, ищущей свой индивидуальный путь в эпоху ломки традиционных форм социального бытия, востребован и читателем, и автором автобиографии. «Путь к себе сконструирован при этом ситуациями достижения или раскрытия (свершения) некоего жизненного гештальта или проекта, как бы “попадания” в ритм и структуру целого. Но выстроен данный маршрут так, что сам подобный план поступает и реализуется лишь в ситуации его исполнения (или рефлексивного осмысления) в самой материи существования, а не навязан “со стороны”, “сверху” и не существует вне индивида, действующего на свой страх и риск среди себе подобных. Масштабом для оценки полноты осуществления и инстанцией отчета выступает только “я” в его самостоятельности и самоответственности, то есть универсальности, включая способность задавать меру самому себе в действии и мысли, способность рефлексии» [2, 14]. Рефлексивность, пожалуй, одна из самых важных черт автобиографии.

Мемуарист выступает в определенной мере в роли биографа тех, о ком вспоминает. Вместе с тем действует правило: «*Биограф воскрешает жизнь — и в этом суть и одновременно антиномичность его нравственного долга*. Этическое долженствование биографа формулируется как требование продлить жизнь его героя в принципиально иной форме, в иных пространственно-временных и ценностно-смысловых культурных измерениях» (курсив автора цитаты. — Ж. Л.) [Там же, 60]. Так, в одной книге воспоминаний С. К. Маковского «На Парнасе Серебряного века» рядом стоят главы о В. С. Соловьеве, З. Гиппиус, А. Белом. И все они вместе как бы говорят о Серебряном веке: при этом

некоторые не дожили до его окончания (В. С. Соловьев), а некоторые пережили его (З. Гиппиус, Д. Мережковский). «Голоса» философов, поэтов озвучивал С. К. Маковский почти через полвека после описываемого времени их встреч.

Приступая к анализу таких источников, как мемуары и автобиографии, вполне закономерно задаться вопросом об этических императивах, которые принято применять к авторам биографий, воспоминаний и т. п. Свою систему императивов, на наш взгляд вполне удачную, предлагает А. Л. Валевский [2, 60]. Можно назвать в качестве основных следующие императивы, которые учитываются и авторами воспоминаний, и исследователями мемуаристики:

1. Императив непереписываемости биографической книги. Высказанное слово остается жить навсегда, входит в культурную традицию. Например, мифы, озученные в автобиографиях, мемуарах, могут навсегда стать реалиями истории. Порой долгое время в оценке тех или иных исторических персонажей многие выводы базируются на мифологизированных дневниках, воспоминаниях и т. п. Пример тому — история интерпретации свидетельств о Распутине (кстати говоря, тоже герое рубежа XIX и XX вв.) в воспоминаниях А. Вырубовой или Ф. Юсупова.

2. Императив безответственности. Герой, о котором пишет в своих воспоминаниях автор, часто уже сам не может ответить на обвинения и т. п. в свой адрес. Мемуары и воспоминания обычно пишутся спустя какое-то время после тех событий, о которых идет речь. Часто биограф выносит вердикт, оценку (порой радикальную) прошедшем событиям от лица настоящего. Но могли ли знать герои событий о том, что будет? И что бы они сами ответили спустя время на те вопросы, которые им задало будущее, но будущее уже без них?

3. Императив персонификации. В мемуарах, автобиографиях персонифицируется не только личность автора, но и сама эпоха. Мы можем согласиться с мнением, что «...высказывание, глашащее, что биография есть также и автобиография ее автора и того времени, когда она писалась, меньше всего метафора — в нем выражен существенный смысл традиции биографического письма» [Там же, 61]. Автор мемуаров всегда выступает в роли такого биографа.

Биографическое знание обладает своими чертами и особенностями. Одной из самых ярких является повествовательная изобразительность. Не случайно развитие биографического жанра совпадает с развитием в европейской культуре портрета в живописи. Повествовательная изобразительность — фундаментальная черта биографического жанра, в каких бы формах он ни был представлен — в мемуарах или автобиографии. «Возникновение и развитие текстуального портрета есть отражение фундаментального свойства сознания. Биографическое изображение с точки зрения онтологии есть удвоение реальности, прирост пространственно-временных и ценностно-смысовых горизонтов существования индивидуального... Повествовательная изобразительность является фундаментальным условием биографического труда, ибо индивидуальность, прежде чем быть изображенной, должна выделяться, контрастировать на социокультурном фоне, в ином случае у человека нет возможностей обрести право на портретное изображение» [Там же, 62]. Эта оценка может быть отнесена как к автопортрету (автобиографии), так и к портрету эпохи (мемуарам).

Мемуары Серебряного века — это самые разные по содержанию и объему информации источники. Современники смены веков XIX и XX столетий оставили не только воспоминания о себе и своих близких, родных. Многие стремились отразить в своих мемуарах и личных биографиях эпоху, в которой они жили, дать оценку событиям, в которых они участвовали или которым были свидетелями, людям, с которыми были знакомы. Мемуары оставили политические и общественные деятели, военные, деятели искусства и культуры, философы. Есть мемуары, которые охватывают самые разные сферы русской культуры рубежа веков — от изобразительного искусства до философии. Показывая панораму времени, такие воспоминания дают характеристику типичного, проявившегося во всех сферах культуры. Пример тому — мемуары Сергея Константиновича Маковского «На Парнасе Серебряного века», включающие главы о А. Блоке и З. Гиппиус, Н. Гумилеве и Вл. Соловьеве.

Сергей Константинович, сын известного русского художника Константина Егоровича Маковского, заявил о себе как о художественном критике еще в 1898 г. В 1905 г. увидел свет первый сборник его стихов, чуть позже — первый сборник критических статей. Он всегда был в самом центре художественной жизни Серебряного века: в 1907—1917 гг. являлся одним из основателей и редакторов художественного журнала «Старые годы», посвященного истории русской культуры; в 1908 г. читал лекции по всеобщей истории искусства в «Обществе поощрения художников», а в 1909 г. основал главное детище своей жизни — художественный журнал «Аполлон», редактором которого был до революции. Участвовал в организации художественных выставок: в 1910 г. был куратором русского отдела Международной выставки в Брюсселе и выставки художников «Мир искусства» в Париже, в 1912 г. совместно с Французским институтом в Петербурге организовывал юбилейную выставку «Сто лет французской живописи», в 1914 г. был устроителем художественного отдела на выставке книжного искусства и графики в Лейпциге и в это же время написал книгу о русской книжной графике. В 1913 г. основал журнал, посвященный истории русской иконописи. Был одним из учредителей «Общества защиты памятников искусства и старины». Эмигрировав после революции, он продолжал заниматься историей русского искусства и написал несколько книг, таких, например, как «Силуэты русских художников», «Итоги современной живописи», «Народное искусство Подкарпатской Руси». В 1926—1932 гг. С. К. Маковский был редактором и руководителем литературно-художественного отдела газеты «Возрождение»; после Второй мировой войны в течение нескольких лет был председателем Объединения русских писателей в Париже, являясь при этом сотрудником газет «Новое русское слово», «Русская мысль». Параллельно он постоянно публиковал сборники своих стихов. В 1955 г. выпустил книгу воспоминаний «Портреты современников», а позже и продолжение — «На Парнасе Серебряного века».

С. К. Маковский, рассматривая самых разных представителей Серебряного века, стремился найти то общее между ними, что и образовало «эпоху», что влечет к этому смутному, противоречивому времени, ведь «...Серебряный век, мятежный, богоищащий, бредивший красотой, и ныне не забыт. Голоса его

выразителей до сих пор звучат, хотя и по-иному, чем звучали тогда... И это лучшее указание, что традиция продолжается...» [5, 11].

Показательно то, что сам автор задается вопросами: для чего он пишет эти воспоминания, какое значение они имеют для него и для современников? И, перечитав главы своих дневников, отвечает следующее: «Сейчас мы живем в эпоху крайне неустойчивого мировоззрения и мироощущения: основные начала культуры подтачиваются сменяющимися поколениями. Ни в области социальных теорий, ни в религиозной, ни даже в чисто нравственной области нет единодушия и единомыслия. Лишь одного, всему нашему времени общего, нельзя как будто не признать: потребность в духовном осмыслении бытия, в новом приятии тайны жизни и тайны смерти. С мукой умственного томления людей мыслящих не сравнится никакая вещественная нужда, никакое имущественное неравенство, никакая социальная несправедливость и никакое “ракетное” завоевание космических пространств» [Там же, 387].

Обращаясь к опыту Серебряного века, мы видим попытку русской интеллигенции ответить на вечные животрепещущие вопросы. И пусть они и не нашли ответов, но сама устремленность поиска была прорывом самосознания личности и культуры. Серебряный век был веком «искания высшей правды», для него характерен «...религиозный подход как к личным переживаниям, так и ко всей судьбе человека на земле...» [Там же]. Опыт русской культуры значим и для Запада, который ищет устойчивые основания бытия, устав от внешней стабильности, воздвигнутой на духовной пустоте, ибо «...человек ни при каких обстоятельствах не может удовольствоваться внешним благополучием, даже если бы оно и было достижимо... Грядущее от нас скрыто, но, исходя из всего исторического прошлого, мы вправе думать, что новая культура России (после большевизма. — Ж. Л.) будет строиться на основе нездешних истин. Иначе, отвергшись от Божества, от порыва к трансцендентной сущности бытия, всякое культурное развитие может только повернуть человека к животному, к жалкому жестокому антропоиду, из которого он произошел после неисчислимых тысячелетий непрерывной борьбы за существование и многих веков медленного духовного роста» [Там же, 388].

Начало века — время пробуждения лучшей, передовой и наиболее творчески деятельности части интеллигенции. Этому тезису С. К. Маковского вторит Н. А. Бердяев, который пишет о том, что «...начало века было у нас временем большого умственного и духовного возбуждения, бурных исканий, пробуждения творческих сил. Целые миры раскрывались для нас в те годы... Сейчас можно определенно сказать, что начало XX в. ознаменовалось у нас ренессансом духовной культуры, ренессансом философским и литературно-эстетическим, обострением религиозной и мистической чувствительности. Никогда еще русская культура не достигала такой утонченности, как в то время... В России появились души, очень чуткие ко всем веяниям духа... Но происходило несомненно и нарождение нового типа человека, более обращенного к внутренней жизни. Внутренний духовный переворот был связан с переходом от исключительной обращенности к “посюстороннему”, которая долго господствовала в русской интеллигенции, к раскрытию “потустороннего”» [1, 217].

В это время перемен сама схема жизненного пути индивида часто развивалась не по традиционному пути. Люди, стремясь к высотам духа, ими самими намеченным, строили свою личную жизнь, часто порывая с семейными традициями и т. п. Поэтому автобиографии и мемуары порой строятся как история «смены вех» отдельной жизни, отдельной судьбы. Например, в «Самопознании» Н. А. Бердяева показательны главы, через которые он проводит читателя по лабиринту своего жизненного пути: глава 1 — «Истоки и происхождение. Я и мировая среда. Первые двигатели. Мир аристократический»; глава 2 — «Одиночество. Тоска. Свобода. Бунтарство. Жалость. Сомнение и борение духа. Размышления об эросе»; глава 3 — «Первое обращение. Искание смысла жизни» и т. д. Это не просто главы типа «год 1901» или «год 1902». Книга делится на главы, каждая из которых символизирует путь становления личности. Этот путь лежит через кризисы, разрывы, искания. Или воспоминания П. Флоренского («Детям моим. Воспоминания прошлых дней»), для которого внешняя хронология вообще мало о чем говорит. Поэтому главы своих воспоминаний он выстраивает по вопросам, разрешение которых определяло его личный жизненный путь: «Природа», «Религия», «Наука», «Особенное» и т. п.

В автобиографии как в жанре проступают явно характерные проблемы: как отстраниться от себя и в то же время сохранить чувство себя? как, спустя время, точно отразить все происходившее и те чувства и эмоции, которые ты переживал, когда ты сам уже иной? как точно описать не только то, что ты думал или переживал, но и что переживал и думал тот (другой), кто был рядом с тобой? как передать, спустя время, эмоции и мысли так, чтобы они были понятны живущим в иное время, а порой и в иной культурной среде? И здесь возникает фигура читателя. Ведь если бы авторы мемуаров не учитывали фактора читателя, вряд ли они писали бы свои воспоминания.

Какие же черты эпохи выявляет С. К. Маковский? В первую очередь, по его мнению, характерной темой времени был религиозный вопрос. Поэтому свои воспоминания С. К. Маковский начинает с главы «Религиозно-философские собрания (1901–1902)».

Мы можем однозначно согласиться с тем, что одной из самых показательных черт Серебряного века является сосредоточенность на религиозной тематике. Религиозную окраску приобретают все аспекты культуры: искусство, философия, право и т. п. Подобной точки зрения придерживаются и современные исследователи. Так, оценивая, например, новые тенденции в правосознании русских мыслителей, Э. Ю. Соловьев пишет следующее: «Отечественный либерализм 60–70-х гг. (XIX в. — Ж. Л.), как журнально-публицистический, так и кафедрально-университетский, тяготел к секулярному образу мысли. Считалось само собой разумеющимся, что, приступая к сколько-нибудь строгому рассуждению о государстве и праве, надо непременно надеть на себя юртук позитивизма и не давать никакого теоретического применения своим нравственно-религиозным убеждениям. В начале XX столетия мы сталкиваемся с иным, более того — *разительно отличным* феноменом. Наиболее влиятельные либеральные мыслители “серебряного века” отстаивают право в качестве непременной компоненты христианской культуры. Решительно утверждается,

что христианин не может считаться христианином, если не доводит свое свободное и независимое устремление к евангельской правде до признания правовой свободы. Тот, кто мирится с уцелевшим наследием крепостничества, с предварительной цензурой и полицейским надзором над частной жизнью, с чиновным произволом и неподзаконностью верховной власти, мыслит и поступает *не по-христиански* [8, 155–156]. Указанные тенденции нашли отражение в трудах В. С. Соловьева, С. Л. Франка, П. И. Новгородцева и др.

Во многом поворот к религиозным вопросам был следствием разочарования в революционной идеологии. Интеллигенция начала XX в. пережила духовный кризис, который «...был связан с разложением целостности революционного интеллигентского мировоззрения, ориентированного исключительно социально, он был разрывом с русским “просветительством”, с позитивизмом в широком смысле слова, был провозглашением прав на “потустороннее”. То было освобождение человеческой души от гнета социальности, освобождением творческих сил от гнета утилитарности» [1, 218]. Н. А. Бердяев считает, что на рубеже веков произошла радикальная мировоззренческая трансформация русской интеллигенции. «Во вторую половину XIX века в России формировался душевный тип интеллигенции, в котором вся религиозная идея, присущая русскому народу, была направлена на социальность... и на дело революции... Но не признавалось прав духовного, духовность была целиком растворена в социальной борьбе, в служении освобождению и благу народа. В начале XX в. произошла дифференциация, область духовного была выделена и освобождена... Личность, как свободный дух, была противопоставлена обществу и его притязаниям определять всю жизнь личности» [Там же].

С. К. Маковский в своих воспоминаниях пытается проанализировать причины, определившие интерес интеллигенции к религиозным вопросам. Последние десятилетия XIX в. были временем потрясений, реформ, которые долго осмысливались русским обществом. И хотя жизнь внешне замерла, в какой-то мере стабилизировалась, все же «бурление» в душах продолжалось. И это «...относительное “замирание” позволило русским людям после эпохи великих реформ, завершившейся цареубийством, “собраться с мыслями”, другими словами — культурно вырасти. Интеллигенция, так или иначе отошедшая от простоватого радикализма “отцов”, выделила просвещенное меньшинство, которое стало мыслить о России по-новому... Новое отечестволюбие и новая любознательность... Углубились для молодого поколения социальные проблемы и проблема личного сознания, философия жизни не сводилась больше к базаровщине, “религия” и “реакция” перестали быть синонимами. Вообще многое предстало в совсем другом свете, и захотелось — самостоятельного опыта, права на зрелость и на умственную роскошь» [5, 14].

Интеллигенция, деятели искусства и культуры начала XX в., пережив увлечение народничеством, атеистическими концепциями, ницшеанством, вдруг обратились к религиозной тематике, не просто заинтересовались вопросами веры, но испытали глубокую потребность найти свои пути к Богу. Эти поиски были по большей части далеки от официальной церкви и ее догматов. С. К. Маковский дает такое описание подобного устремления у поэта новой эпохи —

И. Анненского: «Анненский был неверующим, но душа его рвалась к святыне... Очень характерное и для него, и для многих русских тогдашних безбожников противоречие: какая же святыня без Бога? Почему “храм” и “славословие жреца” непременно сочетать с “гордыней”, от которой надо “бежать”? Потому ли, что дали “мутны”, иначе говоря — что человек “не знает”, разуму его непостижимо? Что же из того? Ведь, может быть, правда и есть в “безумном чаянии святынь”... Анненскому казалось, что несуществующего Бога заменяет Красота (с большой буквы). Достоевский тоже считал Красоту увенчанием Духа. Но для Достоевского в Красоте заключалась Надежда. А уж если Надежда, то и Любовь, конечно. И тогда Красота обращается в Веру. В итоге — та же традиционная трехчленная формула. Однако Анненский подчеркивает: “Молиться Ей, Ее не зная, тем *безнадежно-горячей*”. Он не надеется и не любит. Его Красота не делается Верой, а остается мимолетным каким-то самообманом самообоготворением. Весь мир, все творение — только “заносы пустынь”... И все-таки — “молиться Ей” (с большой буквы) и “в безумном чаянии святынь” “искать следов Ее сандалий”... Разве все это — не то же томление по чуду, по встрече с Нею, которое увлекло Владимира Соловьева в африканские “заносы пустынь”? Духовные требования одинаковы — у повериившего до безумия Соловьева и “безумно чаявшего” поверить Анненского» [5, 19–20].

Подобные устремления владели душами русских философов, поэтов, музыкантов начала XX столетия. Русская культура начала века пережила увлечения и ницшеанством и атеизмом, футуристическими экспериментами, революционным жаром, но через все эти порывы просматривается одна тема — поиск религиозной истины и соотнесение себя с ней. «“Особенно ощущалась” она и в годы “Мира искусства”, когда впервые завязывалась борьба нашей “избранной” интеллигенции, западнически свободномыслящей и порывающейся к религиозному сознанию мира, борьба за свободу Церкви и за возврат в свободную Церковь, но с пересмотром устарелых понятий и запретов, закрепленных вековым ее подчинением государству. Именно в эти годы какой-то высшей точки достигла русская просвещенность в стремлении к религиозному оправданию мира» [Там же, 24].

Показательным феноменом начала XX в. были Религиозно-философские собрания, иллюстрирующие взаимоотношения церкви и интеллигенции. Собрания и дискуссии, развернувшиеся на них, вызвали большой интерес. И то, что общий язык найти не удалось, было не случайно. Спустя полвека после их окончания, вспоминая выступления на заседаниях собраний и сравнивая прогнозы со всеми теми событиями, которые последовали позже, С. К. Маковский предпринимает попытку сделать выводы из истории: «Прежде всего, так ли заблуждалось наше духовенство, не поверяя в искренность обращавшейся к нему интеллигенции и не допуская права ее, интеллигенции, “вязать и развязывать”? Между верой в церковном смысле (как данной свыше благодати и как правды преемственного, от века в век преходящего богомудрия) и религиозным философствованием, сводящим веру к диалектике, — действительно большое расстояние. О религии лучше не разговаривать, ее осуществляют — “в посту и молитве”. Если церковь времен Победоносцева и была закостенелой,

неспособной воспрянуть к новой жизни, то верно и то, что интеллигенция, несмотря на ум и талант ее вождей, недостаточно созрела еще, чтобы предпринять что-то вроде реформы, для углубления православия. Было слишком рано... Предстояло еще испытать неизмеримо более страшное отпадение русского человека от Церкви... И не имел ли какого-то права сказать в одной из своих проповедей Иоанн Кронштадтский о шумевших на Собраниях интеллигентах: “умники неумные, вроде Толстого”» [5, 31–32].

Несмотря на неудачи с Собраниями и не оправдавшиеся надежды на контакты интеллигенции и церкви, все же последствия эти встречи имели. Они вошли в саму стихию восприятия искусства русской культурой: «Сближение искусства с религией, точнее — сближение творческого наития с таинственным знанием духа, не могло не оставить глубокого следа в русской душе... Можно сказать, впервые за века понятие поэзии стало у нас мыслиться в ореоле высшего света, и, думается мне, это ответило глубочайшей потребности русского сердца: чувствовать святым прекрасное. Именно — русского сердца. Потому что не перевести на другой язык выражение — “святое искусство”, — не священное, сакральное, обусловленное религиозным культом, а “святое”, сердцу ответное на самой его глубине» [Там же, 32].

Мемуары — это не только анализ прошлого, это всегда рассуждения о настоящем, а главное — попытка представить будущее, исходя из пережитого опыта. Так, к примеру, С. К. Маковский не только вспоминает Парнас начала XX столетия, но и задается вопросом о том, как далее может развиваться оживление религиозного интереса у русской интеллигенции, в русской культуре вообще. Ушло ли это совсем или живет и скажется в будущем? «Искусство и религия были когда-то одним целым — и в древнейшем язычестве, и в христианском Средневековье, и позже, когда ожили художественные идеалы языческих культур... И вот нам, русским, в предреволюционную эпоху, опять захотелось поверить в божественный смысл красоты, обернувшись на Запад, по завету ближайших предков, и на свой христианский Восток. Не было ли это началом какого-то нового русского сознания? И не дано ли ему продолжиться в грядущей России? Кто знает? Чем ниже падение, тем выше может быть взлет...» [Там же, 33]. И, размышляя в подобном направлении, рассматривая роль русской эмиграции в настоящем и будущем России и мировой культуры, С. К. Маковский делает концептуальные выводы: «Судьба России и судьба связанного с нею христианского мира пока закрыта книга. Но мы вправе, на основании всего, что переживала Россия за долгие столетия... верить, что недаром в се было, и не может не возродиться русская религиозная идея, что живет в творчестве всех наиболее вдохновенных выразителей нашего народа» (разрядка автора цитаты. — Ж. Л.) [Там же]. Так, С. К. Маковский, рассматривая отдельные персоналии и отдельные темы в истории культуры Серебряного века, выходит на вопросы историософские, в которых преодолеваются рамки временной ограниченности темы его воспоминаний.

Возвращаясь к вопросу о религиозных исследованиях русской интеллигенции, можем ли мы сказать, что они привели к возникновению новой религиозной мысли? Вопрос сложный. Н. А. Бердяев считает, что религиозного ренессанса

не случилось. Почему? С его точки зрения, «для этого не было достаточно сильной религиозной воли, преображающей жизнь, и не было участия в движении более широких народных слоев. Это было все-таки движение культурной элиты, оторванной не только от процессов, происходивших в народной массе, но и от процессов, происходивших в широких кругах интеллигенции» [1, 217].

Серебряный век ассоциируется со взлетом русской культуры, эстетики. Что стало стимулом к такому небывалому ранее интересу к искусству? «Поколение, выросшее в “петербургской” атмосфере девяностых годов... в семьях с наследственной культурой, все как-то завертелось вокруг вопросов искусства, поэзии, философских обобщений и парадоксов, — это поколение чуть космополитичное по образованию, но с сентиментальной оглядкой на помещечье, барское житье, неудержимо потянулось на Запад, от доморощенного безвкусия — к “живым водам” Запада, в Европу “святых чудес”. И случилось неизбежное: Европа конца века, о художестве которой, литературе, поэзии, музыке мы знали до тех пор совсем мало, Европа, предававшаяся всем изысканностям и излишествам воображения и мысли, захватила наших культуртрегеров умственным богатством, дерзновением, всеискушенностью. Поистине соблазняющим контрастом — отечественной отсталости, бытовой рутине и провинциализму мышления — была на стыке двух веков блистательно стареющая Европа с ее аморальной свободой и утонченнейшим индивидуализмом!» [5, 14–15].

Революционные настроения XIX столетия, эстетика народничества постепенно преодолевались на рубеже веков. И этот процесс засвидетельствован многими. Так, Н. А. Бердяев пишет, что наступило время новой эстетики, для которой характерно «...преодоление русского нигилизма в отношении к искусству, освобождение от остатков писаревщины. То было освобождение художественного творчества и художественных оценок от гнета социального утилитаризма, освобождением творческой жизни личности» [1, 220–221]. Появилась и новая художественная критика. Особенно интересна ее философская направленность, как отмечает Н. А. Бердяев.

Культура Европы захватила, увлекла своим опытом и перспективами русских художников, музыкантов, театральных деятелей: «Какими вдохновительными представлялись и ее средиземноморская старина, и порывы к неизведанным далям!.. Пророки ее, мучители и мученики, заняли у нас командные высоты. Назову только несколько имен — Ницше, Ибсен, Метерлинк, Бодлер, Рёскин, Уайльд... Они стали символами для новой эпохи (я имею в виду так называемый “модернизм” начала двадцатого века)» [5, 15].

Интерес к европейской культуре, погружение в ее современное мировидение вызвал переоценку ценностей и в первую очередь — переоценку своей культуры. Так, к примеру, по-новому зазвучали А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой в оценке Д. С. Мережковского, И. Анненского, В. Иванова. В журналах «Северный вестник», «Мир искусства» постоянно печатались статьи, авторы которых критически оценивали прошлое и призывали создавать новую культуру и новое искусство. Подобные же тенденции нашли отражение в постановках оперного театра Мамонтова, в статьях сборника «Проблемы идеализма».

Русские деятели культуры обратились к модным тенденциям Запада — к декадентству и символизму, но в своих собственных сочинениях традиции европейской поэзии резко трансформировали, и в первую очередь — идеино: «...от стилистических, формальных изысканностей и от “соответствий” наши символисты сейчас же ушли в глубины, которые иначе не назовешь, как религиозными... Признаком русского символизма и явилась эта метафизика, чтобы не сказать — мистика. В этом — доподлинная его русскость» [5, 17]. Пример тому — творчество поэта и философа Андрея Белого.

Показательным явлением времени стали литературные сообщества и соревнования. Например, знаменитые «среды Вячеслава Иванова». Н. А. Бердяев так вспоминает о них: «Квартира В. Иванова была на самом верхнем этаже огромного дома против Таврического дворца. Внизу бушевала революция и сталкивались политические страсти. А наверху, на “башне”, происходили самые утонченные разговоры на темы высшей духовной культуры, на темы эстетические и мистические... Там собирался верхний, “аристократический” слой русской литературы и мысли» [1, 222]. Влияние подобных собраний на русскую культуру и искусство было велико и неоспоримо. Но, вспоминая о них, Бердяев, как и Маковский, и другие современники этих возвышенных порывов духа отечественной культуры, формулирует следующий вывод: «...разрыв между тем, что происходило на верхах русского культурного ренессанса и внизу, в широких слоях русской интеллигенции и в народных массах, был болезненный и ужасный. Жили в разных веках, на разных планетах» [Там же]. Почему так получилось? «Было большое утончение мысли и чувствительности при отсутствии сильной и концентрированной воли, направленной на изменение жизни», — утверждает Н. А. Бердяев [Там же, 222–223]. И этим изначально была определена неудача самых лучших идей Серебряного века. Революции 1917 г. показали, как далеки были лучшие представители духовного Ренессанса начала века от народных масс. «Русская революция сразу же обнаружила страшный раскол между верхним культурным слоем и народными массами. Культура этого верхнего слоя была чужда народу. Народ перешел от наивной православной веры, в которой не вполне еще были преодолены языческие суеверия, к наивной материалистической и коммунистической вере... Нужно сказать, что упрощение мысли, понижение качества культуры не есть особенность русской революции, это — мировое явление. После мировой войны началась мировая эпоха масс, враждебная духовной культуре, заинтересованная исключительно в технической цивилизации» [Там же, 230].

Несмотря на все коллизии исторических переворотов русской культуры, для нас сегодня идеи мыслителей, художников, поэтов, музыкантов Серебряного века, составивших золотой запас отечественной культуры и искусства, остаются интересными. Воспоминания, автобиографии, мемуары тех, кто лично пережил взлет и падение Ренессанса начала XX в., как, пожалуй, нечто иное, являются ярким свидетельством той Атлантиды, которая поразила мир красотой и о которой мы до сих пор думаем с волнением и интересом.

Подводя итог нашим рассуждениям, мы можем отметить следующее. Мемуары как феномен культуры получают наибольшее развитие в переломные,

веховые периоды истории, являясь отражением осознания необходимости осмыслить, оценить произошедшие исторические и культурные трансформации. Этим фактором и определяется актуальность мемуаристики Серебряного века. Мемуаристика является овеществленной исторической памятью, одним из ярких показательных средств духовной преемственности поколений. Мемуары — свидетельства внутренних, глубинных процессов культуры, поэтому в них находят отражение феномены, образующие именно данный период культуры. Это позволяет нам отдельно выделять и исследовать мемуаристику Серебряного века, одновременно фиксируя проявление феноменов культуры Серебряного века в мемуарных источниках.

Мемуары Серебряного века свидетельствуют об основных дискурсах культуры времени: творчество и искусство как актуальные проблемы теории и практики культуры, художник как Личность и Творец, интерес к современному европейскому и прошлому русского искусства, разработка теории синтеза искусств и практические опыты ее реализации, актуальность парадигм «искусство — идеология» и «искусство — революция», сосредоточение внимания на вопросах религиозного и философского мировоззрения. В мемуарной литературе отразились стилистические особенности современной ей культуры: символизм, аллегоризм, метафоричность, ярко выраженная авторская позиция в оценках персоналий истории и культурных парадигм.

Мемуары — опыт индивидуальной саморефлексии, в котором прослеживается саморефлексия культуры. В мемуарной литературе сказывается понимание сложности и противоречивости времени, отсюда желание оправдаться, прояснить свою позицию — с одной стороны. С другой стороны, общественная и историческая ситуация стимулировали интерес к автобиографическим и мемуарным текстам, в которых расставлялись все акценты в оценках происходящего. На этом фоне особое значение приобрели этические императивы мемуарного творчества: императив непереписываемости, императив безответности, императив персонификации.

Закончить мне хотелось бы следующим. В воспоминаниях В. Ходасевича есть показательный сюжет [9, 154]: он присутствовал на лекции по символизму и задумался над тем, что лектор очень точно, по-научному излагал материал об истории символизма в России. Все было то и не то. Дело в том, что лектор изучал символизм по научным трудам, а В. Ходасевич лично был участником событий, о которых шла речь. И картина истории символизма в России получалась разной у лектора и В. Ходасевича.

Никто не утверждает, что исторические научные исследования не нужны. Но воспринять эпоху во всех аспектах жизни, быта, истории личных судеб нельзя без обращений к мемуарной литературе. Мемуары — живой личный опыт, который передает нам само дыхание времени. Поэтому, на наш взгляд, исследование мемуаров как феномена культуры Серебряного века и изучение феноменов Серебряного века в мемуарах — путь познания русской культуры и истории первых двух десятилетий XX столетия.

1. *Бердяев Н. А.* Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (к десятилетию «Пути») // Н. Бердяев о русской философии : в 2 ч. Свердловск, 1991. Ч. 2.
2. *Валевский А. Л.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица : биограф. альм., 6 / ред.-сост. А. И. Рейтблат. М. ; СПб., 1995.
3. *Дубин Б. В.* Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) // Там же.
4. *Ковыришина С. В.* Философская автобиография как форма духовного творчества, жанр дискурса и нарратив эпохи : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2004.
5. *Маковский С. К.* На Парнасе Серебряного века. М. ; Екатеринбург, 2000.
6. *Мамардашвили М.* Картезианские размышления. М., 1993.
7. *Симонов К. М.* Не золотая середина // Вопр. лит. 1971. № 6.
8. *Соловьев Э. Ю.* «Серебряный век» и утверждение христианского либерализма в России // История философии. Русская философия / под ред. Н. В. Мотрошиловой. М., 2001.
9. *Ходасевич В.* Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954.

Рукопись поступила в редакцию 14 апреля 2012 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 008 + 141.32 + 130.2 + 27–29 + 2–135

Т. С. Кузубова

РУССКИЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ НИЦШЕАНСКОГО ПРОЕКТА КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается трансформация尼цшеанских мотивов в проектах культуры деятелей русского ренессанса, проводится сравнительный анализ философских оснований проектов преображения культуры, предложенных русскими символистами, с одной стороны, и экзистенциальными мыслителями, с другой.

Ключевые слова: русский ренессанс, кризис культуры, «нечистая совесть» философ-художник, философия становления, дионисийство, христианство, символизм, феноменализм, «эрос трансцендентной формы», новое религиозное сознание, экзистенциальная философия, имманентное и трансцендентное.

Широко известно то чрезвычайное влияние, которое личность и философское творчество Ф. Ницше оказали на деятелей русского культурного ренессанса XX в. Глубоко осознавая кризис культуры, предчувствуя надвигающийся апокалипсис, многие из них нашли у Ницше не только радикальное осмысление этого кризиса, но и обнаружили в предложенном им проекте культуры возможности, казалось бы, не реализованные самим философом, — возможность вдохнуть новый, творческий дух в историческое христианство, возможность нового, грандиозного культурного синтеза. Ницше стимулировал поиски новых форм религиозного сознания, которые привели бы к коренному преображению культуры. Казалось, продумывание до конца интуитивных прозрений Ницше — путь к спасению культуры, находящейся под угрозой гибели. «Может быть, человеку нужно было от изначальной свободы пройти через долгий период дисциплины, догматов и законов, чтобы снова, уже иным, выйти на свободу: может быть так. Но горе поколениям, на чью долю выпал этот средний стадий — путь культуры. Она разлагается изнутри — это мы ясно видим, и

она свисает лохмотьями с изможденного духа», — так оценивал в 1920 г. состояние культуры М. О. Гершензон [10, 120–121]. Наиболее ощутимо влияние尼цшеанских мотивов в проектах культуры, представленных символистами, с одной стороны, и философами экзистенциального толка, с другой.

Ницше раскрывал парадоксальность культурного бытия человека, вступление которого в мир культуры означало «разрыв», «прыжок», «насильственное отпаривание от животного прошлого». Смысл культуры состоит в том, чтобы «выдрессировать» животное, способное распоряжаться будущим, обладающее памятью воли, ответственностью, совестью. Не находя разрядки вовне, животные инстинкты обратились на самого человека, были вытеснены и заперты в возникшем «внутреннем мире». Вытесненный и разряжающийся в самом себе инстинкт свободы стал «нечистой совестью» и формообразующим началом культуры.

Этот эпохальный «прыжок», согласно Ницше, явился роковым событием, предопределившим всю историю человечества. С одной стороны, с возникновения «нечистой совести» началось «величайшее и тревожнейшее заболевание» — «страдание человека человеком». Результат порожденного ею истолкования жизни — господствовавшие до сих пор ценности декаданса; история и культура предстают как «великая неудача». С другой стороны, «нечистая совесть», «это тайное самонасилие, эта жестокость художника, эта радость придавать себе форму как трудному, сопротивляющемуся, страдающему материалу», «произвела на свет в конце концов... некое изобилие новых и странных красот и утверждений и, быть может, вообще и *саму красоту...*» [15, 463]. Вхождение человека в мир культуры повлекло за собой, согласно Ницше, изменение «конфигурации земли», т. е. фундаментальное изменение в самом сущем. Взятые в этом аспекте парадоксальность и нерешенность человеческого существования таят в себе невиданные возможности: «с тех пор человек поставлен *на конь*» [Там же, 462], он — «путь», «мост», «великое обещание». «Нечистая совесть» с неизбежностью порождает такую интерпретацию жизни, как аскетический идеал и его предельное воплощение — христианство. Со «смертью Бога», гибелью аскетического идеала открывается возможность переломить ход истории, изменить судьбу культуры, конечный продукт которой «не человек, подчиненный закону, но суверенный индивид и законодатель, который определяется властью над самим собой, над судьбой, над законом: свободный, легкий, безответственный» [9, 276]. Воспитание сверхчеловека — задача ницшеанского проекта культуры.

Воспитание для Ницше — это, согласно К. Ясперсу, или «укрощение», или «культуривание». Задача укрощения давно решена, и история демонстрирует ее пагубный результат — нигилистическое отчаяние. «Культуривание же есть повышение *ранга* человеческого бытия», и «...творческая мысль сама для него (Ницше. — Т. К.) обладает культуривающим эффектом, ибо посредством понятий мыслящий ими человек преобразуется...» [19, 393]. Задача «пересоздания образа мысли», инициирующего коренное обновление человеческого существования, требует от ее инициатора, «человека рока», самоопределения и самопреодоления. «Крайняя переоценка человека», мистерия спасения (кото-

рая в христианстве разыгрывалась хотя и во внутреннем пространстве души, но в коммуникации с трансцендентным Богом), совершается прежде всего в пространстве духовного мира самого философа, в имманентной реальности коммуникации личности с самой собой. Опыт осуществления «глубоко скрытого Само» философа становится параллелью и путем к созиданию новой культуры. Вечный образец этого опыта — «всемирно-исторический эксперимент культурного самоспасения греков» (К. А. Свасьян), которые смогли «организовать в себе хаос путем обдуманного возвращения к своим истинным потребностям» [14, 229], сумели спастись от затопления «историческим».

Философ будущего выступает, как указывает Ж. Делёз, в тройком качестве: философ-врач, интерпретирующий феномены-симптомы, философ-художник, философ-законодатель [9, 166]. Эстетический момент, на наш взгляд, доминирует в этой триаде, выявляя важнейшую черту尼цшеанского проекта культуры. Философ будущего — художник, создающий эстетический феномен из собственной жизни, а вместе с тем открывающий тип «новой», доселе еще неведомой *возможности философской жизни* [14, 379]. Ее символом становится Дионис, предстающий как бог-философ. Если в «Рождении трагедии» он символизировал вечно творящее начало, художественную силу жизни, то в метафизике воли к власти сама жизнь в образе бога-искусителя становится философией. «Мастерское умение казаться», играя со священным, относится к самой сути нового образа жизни. Однако утонченный духовный маскарад, игра со священным, будучи вызовом, брошенным Богу, морали, «торжественности старой культуры», — лишь прелюдия грандиозного представления, которое должно совершиться в масштабе Вечности. «Сверхзадача» философа-художника — «быть многим и многосущим для умения стать единственным», «самооформливание». Она выходит за рамки чисто индивидуалистического стремления; речь идет о преобразовании в самом себе всей истории и прежнего способа бытия человека «внутри сущего в целом» (М. Хайдеггер). «Такой философ есть художник, потому что он придает форму сущему в целом, то есть прежде всего там, где это сущее в целом открывается, в человеке» [16, 75]. Осуществляя свою целостность, философ созидает в себе не только человека будущего, но и будущее сущего в целом, выступает в качестве законодателя.

Философ будущего должен создать такой проект мира, в котором был бы возможен он сам: человек-судьба, вмещающий горизонт тысячелетий, умеющий быть многим и многосущим ради достижения единства и цельности, обладающий мастерским умением казаться и все же в этой кажимости безусловно сущий. Ницше искал мировую концепцию, которая могла бы объяснить становление, не прибегая к конечным целям, в которой становление было бы оправданным в каждый данный момент. Это означало необходимость усмотреть в непрерывной смене форм и смыслов, во «всемирной имманентности, лишенной единства» (К. Ясперс) созидающее себя художественное творение. Такой концепцией стала философия становления, самая радикальная из всех, — метафизика воли к власти, в которой пафос утверждения достигается благодаря идеям вечного возвращения и сверхчеловека. Человек «нечистой совести» преодолевается в сверхчеловеке, творящем новые ценности «по ту сторону добра

и зла», христианство преодолевается в своеобразном «сверххристианстве» (К. Ясперс), моральное мириостолкование — в эстетическом, культура — в «сверхкультуре».

Тема кризиса культуры лежала в истоках мировоззренческих поисков русских символистов, а Ницше предстал в осмыслении этого события как ключевая фигура, «лезвие всей культуры» (А. Белый). По мысли А. Белого, ницшеанский «критицизм», разрушая «безукоризненную окаменелую маску» классической культуры, «мертвый образ жизни», ставит человека и его культурное существование над обрывом. «По линиям разлома» вторгается бездна. «...Снимается предохранительное заграждение от хаоса из мертвых образов, мыслей и знаний; проваливается культура...» [2, 174]. «Рев хаоса» побуждает человека либо изобретать новые завесы, закрывая «окна в глубину», либо, не опуская глаз, идти по новому пути, к пересозданию культуры и жизни. Вместе с «ревом хаоса» врывается жизнь, и отныне мы обязаны Ницше знанием, что человеческое существование — всегда на грани жизни и хаоса. Как претворить хаос в жизнь, в культуру — перед таким вопросом, согласно А. Белому, ставит нас Ницше. В этом ключе поэт трактует и феномен Ф. М. Достоевского. Творчество Достоевского становится символом вторжения хаоса в жизнь, взывающего к принципиально новому творчеству форм, к религиозному возрождению человечества.

Корни кризиса культуры, истоки богооставленности человека русские символисты видели в кризисе индивидуализма. Вяч. Иванов апеллировал в его истолковании к Достоевскому. Русскому писателю, как никому прежде, удалось гениальное изображение «путей отъединенной, самодовлеющей личности». Именно он осознал «опасность всемирного идеализма», изобразив в эпилоге «Преступления и наказания» апофеоз распадения человечества на замкнутые, самодовлеющие единицы. «Идеалистический символизм», противопоставляемый Ивановым символизму «реалистическому», — один из симптомов наступающего в культуре «великого всемирного идеализма». Здесь символ, выражающий неповторимое субъективное переживание и не имеющий никакого отношения к трансцендентному сознанию реальности, — лишь «условный знак, которым обмениваются заговорщики индивидуализма» [11, 155]. Фигура и творчество Ницше, воплотившие в себе апофеоз индивидуализма («мнится, вся языческая божественность сосредоточилась отныне в полновластном я» [Там же, 22]) приобретают значение символа. Он указывает на неизбежность новой культуры, выходящей за пределы «идеалистического индивидуализма». «Сверхчеловеческое уже не индивидуальное, но по необходимости вселенское и даже религиозное» [Там же]. А. Белый писал, что «великий индивидуалист Ницше для целой группы русских символистов явился в свое время переходом к христианству. Без Ницше не возникла бы у нас проповедь неохристианства» [2, 357]. Стремление дать убедительный ответ на «вызов Ницше» инициировало построение концепции культуры, открывающей возможность синтеза мотивов немецкого философа с русской религиозной традицией. Символизм, по словам А. Белого, это «строимое мироизвержение новой культуры». Его главная интенция — преодоление душевной раздвоенности личности, раз-

рыва между «инстинктивно-творческим началом жизни» (Вяч. Иванов) и трансцендентными ей культурными формами. Это преодоление возможно путем возврата к единому стволу, породившему раздвоение, к стволу древа жизни.

В своем устремлении к жизни философия символизма восходит не только к Ницше, но и к иенским романтикам и А. Шопенгауэру. Инстинктивно-творческое начало жизни символизирует Дионис. Однако ницшевский феноменализм, радикально устраниющий при помощи понятий «дионисийского», «жизни» саму антитезу феноменального и «истинного» миров, неприемлем для символистов. Ницше, интерпретированный соответствующим образом, помогает перекинуть мост от имманентной реальности явления к истинно сущему. Согласно А. Белому благодаря Ницше, разрушившему «мертвый лик культуры», сорвавшему с явлений маску, «сама действительность начинает казаться стеклянной». Это футляр *иного* [2, 249]. Символ образует связь между двумя мирами, действительность феноменальная — символ иной действительности, окно в Вечность. Ницшевское понимание жизни как рождающего себя творения искусства перетолковывается в духе философии Вл. Соловьева. Трансцендентная форма, Мировая Душа, Вечная Женственность, имманентная феноменальной действительности, пробуждает в человеке, художнике-творце «стремление к высочайшему». Дионисийское начало, «orgiaное» и «экстатическое», претворяется у Вяч. Иванова в «эрос трансцендентной формы» («Эрос Невозможного», «эрос божественного») — стремление постичь феномен как символ *иного*, реальности сокровенной. В этом постижении соборное единение раздельных сознаний «достигается общим мистическим лицезрением единой для всех, объективной сущности» [11, 155]. Понятый так дионисизм предстает не только как принцип художественного творчества, но и как «принцип всей религиозной жажды», а художник — как носитель божественного откровения, теург. В противоположность «художнику-тирану» Ницше, налагающему печать своей воли на вещи, задача «художника-теурга» — «преображающее мир выявление сверхприродной реальности и высвобождение истинной красоты из-под грубых покровов вещества» [Там же, 160]. Иванов подчеркивает открытость духа, своюственную художнику-теургу, его верность вещам, а не субъективному переживанию; он лишь снимает «пелены, заграждающие рождение слова» и выявление красоты. Следует заметить, что по-своему «верен вещам», точнее становлению как «толкующему бытию», и философ-художник у Ницше. Однако за «пеленами» и «завесами», по Ницше, нет никакой сокровенной реальности, они и есть единственная реальность, и задача человека — «соучастовать» в творчестве «златотканого покрова прекрасных возможностей», приобщаясь тем самым к божественности мира.

Идея Вечной Женственности должна была стать, по мысли «младосимволистов», жизнеспособным корнем нового религиозного сознания. И первенство ее выдвижения в России принадлежит, по мнению Вяч. Иванова, Достоевскому. Иванов находит у него созвучие идеям Вл. Соловьева и реалистического символизма: «опыт мировой мистической реальности» — «ощущение женственного в мире, как вселенской живой сущности, как Души Мира» [Там же, 304]. Этот опыт является залогом истинности основного принципа миросозерцания

писателя — принципа «проникновения», *transcensus'a* субъекта, утверждения чужого бытия — «ты еси». Христианство старца Зосимы, в котором высший божественный смысл, тождественный истине, добру и красоте, предстает как имманентный самой земле, природе, не случайно привлекает внимание Вяч. Иванова. Здесь у Достоевского открывается возможность непосредственного, имманентного рождения веры из самой жизни, иррационального дionисийского начала («вера есть голос стихийно-творческого начала жизни» [11, 295]). Преодоление «принципа индивидуации» в сверхразумном озарении «всякий за всех и за все виноват»озвучно (хотя и не тождественно) идеям символистов об опыте имманентного преображения личности в творческом стремлении, о рождении сверхличного, соборного в личном.

Грандиозный проект новой культуры, в которой была бы преодолена пропасть между творческим самоутверждением личности и соборным единением, эстетическим и этическим, дionисийством и христианством, остался мечтой. Критики указывали на неосуществимость чаемых символистами сближений; сомнения были и у самих теоретиков символизма. Оценивая миросозерцание И. В. Гёте как имманентизм, Вяч. Иванов задавался вопросом: «...может ли этот имманентизм сочетаться с верою в Творца, с представлением о личном Боге вне природы» [Там же, 254]. И, вероятно, он имел в виду не только Гёте, но и вдохновленное последним миросозерцание символизма. Показателен в этом смысле итог философских исканий А. Белого. Четко осознав, что со «смертью Бога» не исчезает метафизическая потребность, он так и не нашел нового способа соединения «земли» и «неба», оценив в конечном счете дionисийское начало как темную, разрушительную стихию, из которой имманентно не рождаются форма и красота.

Философствование «русских экзистенциалистов» Л. Шестова и Н. Бердяева, также испытавших, как известно, исключительное влияние Ницше, пронизано другим пафосом. Пафосу целостности сущего и соборности, характерному для символистов, у Л. Шестова и Н. Бердяева противостоит переживание чуждости, абсурдности мира и персонализм. Бердяев квалифицировал свою мысль как «резко персоналистическую», отмечая, что «по ставшей модной ныне терминологии ее можно назвать экзистенциальной» [4, 147]. К этой философии, для которой «тайна бытия постижима лишь в человеческом существовании» (Н. А. Бердяев), относил свою мысль и Л. Шестов. Для него Ф. М. Достоевский и Ф. Ницше стали символом принципиально иного, по сравнению с классическим рациональным, типа философствования — «философии трагедии», противостоящей «философии обыденности». «Оклеветанное» моралью и философией обыденности, «непомерно разросшееся до неслыханных, колossalных размеров» Я, на стороне которого лишь одно преимущество — безмерность отчаяния, становится отправным пунктом философствования.

В соответствии с этим иное истолкование получает характерная для русского ренессанса тема кризиса культуры: кризис гуманизма, богооставленность современного человека, столь глубоко пережитая Достоевским и Ницше, лишь обнажают извечный трагический конфликт в самом человеческом существовании.

нии. В отличие от символистов, экзистенциальных философов волнует не отрыв индивидуума от вселенского целого, личности от сверхличного, а порабощение личности общим, сверхличным и безличным: рабство у необходимости, разума, мира объективации. Распалось «бесконечно превышающее его целое» (Ф. Ницше), в котором человек до сих пор находил опору, — это общий мотив и для Ницше, осознавшего смерть Бога, и для русских экзистенциальных мыслителей. (Следует заметить, однако, что тревога о «бытийной оставленности» человека, об отрыве человеческого существования от жизненных корней характерна и для символистов.) «Я представитель личности, восставшей против власти объективированного “общего”. В этом пафос моей жизни», — писал Бердяев [5, 298].

Несомненно, первый и самый мощный толчок этому пафосу был дан Достоевским. Шестов и Бердяев в сходных выражениях говорят о коренной перемене в человеческом существовании, гениально изображенной писателем. Человек «переходит в иное измерение бытия» (Н. А. Бердяев), испытывает «невообразимо страшное чувство перехода в инобытийное существование, состояние человека, вынужденного отказаться от опоры, котораядается нам “принципами”» [17, 48]. Шестов видел в «Записках из подполья» настоящую критику чистого разума. Для него бунт подпольного человека и ненависть Ницше к науке и морали, к «идеалам» — это восстание против «принуждающей истины», борьба с «самоочевидностями разума», «самовольно превращающими ужас эмпирического существования в вечные законы бытия» [18, 159]. Для Бердяева это протест личности против власти «мира» — мира объективации, в котором философ опознает мертвые продукты творческой воли человека, свободу, превращенную в необходимость. В пафосе противостояния «принципам» — у Шестова, миру объективации — у Бердяева несомненно оказывается влияние尼цшеанского способа деструкции «истинного мира». Феноменальный мир, из которого устранен «закон достаточного основания» как фикция, иллюзия разума, оказывается у Шестова хаосом, где все в равной степени возможно и невозможно, где царствует Абсурд: человек и не подозревает, что творится во Вселенной. Это звучит в духе Ницше: «“Мир феноменов” есть обработанный мир, который мы *ощущаем как реальный*. “Реальность” лежит в непрерывном возращении одинаковых, знакомых, родственных вещей, в их *логизированном характере*... Противоположностью этому феноменальному миру является не “истинный мир”, но бесформенный, недоступный формулировке мир хаоса ощущений, следовательно, некоторый феноменальный мир *другого рода*; “не познаваемый” для нас» [13, 320]. Человек, теряя опору «принципов», должен принять безосновность всего сущего и свою беспочвенность, научиться жить с тем рвущимся из глубины души на простор «первозданным хаосом, который больше всего пугает обычное сознание» [17, 62]. Шестов призывал философию научить человека научиться жить во вновь открытом мире, мире царственного случая и необычайных возможностей, но это означало жить отныне «без вида на гору», без высшего трансцендентного смысла, на свой страх и риск вносить смысл в мир, помня, что лучшая гарантия реальности — подделка. Такой путь

неприемлем ни для Достоевского, ни для его «духовных детей»: жизнь «без вида на гору» для них невыносима. А потому сам хаос, абсурд становятся у Шестова свидетельством божественного произвола, критерием «безумной веры», гарантом свободы, творческой воли индивида.

Бердяев сосредоточивает свое внимание не столько на противоположности «древа познания» и «древа жизни», личности и порабощающего ее разума, сколько на противостоянии личности всему объективированному миру. Бердяев «говорит о рабстве человека — рабстве у бытия, у Бога, у общества и цивилизации, у культурных ценностей, у индивидуализма, у государства, национализма, буржуазности, революции, колlettivизма, техники, эротики или эстетики» [1, 68]. Если символисты видят в феноменах символы иного, высшего бытия, «реальности сокровенной», то у Бердяева объективированный мир (как и у Шестова мир, созданный «самоочевидностями» разума) вовсе не указывает на «подлинный реальный мир», от мира феноменов нет прямого пути к «вечной и подлинной жизни». В своем бунте против власти «объективированного общего» Бердяев, следя в русле Ницшеевой критики метафизики, идет столь далеко, что объявляет само бытие всего лишь «объективацией существования», «трансцендентальной иллюзией». Критика мира объективации обнажает иррациональную свободу как «перво-жизнь», как творческий источник человеческого существования и всего сущего.

Бердяев заявлял о нежелании строить метафизику или онтологию, однако фактически его философия творчества, учение о «несотворенной свободе» не что иное, как один из вариантов метафизики свободы. Ее центральная идея — свобода как «безосновная основа бытия». В «Самопознании» Бердяев пишет: «Несотворенная свобода объясняет не только возникновение зла, но и возникновение творческой новизны, небывшего» [5, 297]. Тайна иррациональной свободы открывает путь и к осмыслению полярной, антиномичной природы человека, и к принятию Бога, к вере в Смысл мира, в наступление новой, творческой эпохи в христианстве — эпохи Св. Духа. В бердяевском учении об оправдании человека творчеством оказывается сильное влияние Ницше: творчество связано с «оргийно-экстатической природой человека». Философ сочувственно относится к Ницшеанской критике христианства. Христианство, согласно Бердяеву, не смогло раскрыть тайну творчества и указать его пути, поэтому Ницше прав «в своей жажде творчества и вере в творчество», в призывае творить жизнь и новые ценности. Здесь видит Бердяев «устремленность Ницше к божественной высоте». По мнению П. П. Гайденко, философ не приемлет христианское понимание человека, а скорее, вслед за Ницше, «защищает возрожденческое понимание человека как существа титанически-творческого и едва ли не равного Богу по своим творческим потенциям» [8, 475]. Однако Бердяев хорошо понимал, что иррациональная свобода и творчество, исходящие из «перво-жизни», из безосновной основы бытия, могут быть своеволием и демонизмом, и сами по себе далеко не божественны.

О трагедии свободы философ многое узнал от Достоевского, об этом же говорила и судьба Ницше, стремление которого к божественной высоте обернулось «героическим ничто». Поэтому он утверждает, что противоположность

между несотореной свободой и Богом, характерная для мира феноменального, описывающая «наш духовный опыт по сю сторону», может быть преодолена только через «прорыв за пределы и грани к миру иному». Бердяев старается избежать смешения «богочеловечества» с «человекобожеством», ибо подлинное творчество не может быть демоническим. На эту опасность определенно указывал и Л. Шестов, критикуя бердяевскую «философию творчества» за титанизм и неумеренный оптимизм. Бердяев видел, что философия Ницше — это отказ от «гарантированности жизни», хождение над бездной, и сам на такой позиции остановиться не мог.

В связи с этим философ высоко оценивал открытый Достоевским способ «доказательства» бытия Божия. Трагическое испытание свободы на путях человекобожества, через которое проходят герои Достоевского, согласно Бердяеву, обнаруживает неспособность «эвклидовского ума» постичь иррациональную тайну свободы. Эта трагедия — свидетельство об Истине, она проповещает имманентное раскрытие Бога во внутреннем духовном опыте человека, необходимость прорыва от самодовлеющего сознания к трансценденции, от абсурдного мира — к Богу. Решение Достоевского, его «доказательство» бессмертия души и существования Бога открывало путь к апофатическому богопознанию, единственно приемлемому для религиозно-экзистенциальной философии XX в. Вслед за Достоевским и Ницше русские экзистенциалисты трактуют богооставленность и «потрясение образа человека» как основной опыт эпохи. В этой экзистенциальной ситуации совершенно невозможно защищать традиционное учение о Промысле Божием, видеть в Боге повелителя, царствующего в мире феноменов. Поэтому и Шестов, и Бердяев критически оценивают имманентизм послекантовской немецкой философии, истолковывающей мировой процесс как Богостановление. Этим диктуется и критическое отношение к философии Вл. Соловьева и русских символистов, испытавшей влияние эстетического пантеизма Ф. В. Й. Шеллинга и немецких романтиков.

Характерную особенность экзистенциальной философии Бердяев видит в осознании «катастрофического прерывного момента в духовном опыте и духовном пути» [6, 297]. Для русской религиозно-экзистенциальной философии первостепенным в этом отношении было влияние Достоевского, в метафизике которого «страдание есть лишь путь человека к трансцендированию, к иному» (Н. А. Бердяев). По убеждению Бердяева, во внутреннем, имманентном духовном опыте должно совершиться трансцендирование, прорыв к «миру иному». Раскрытие божественного в человеке носит характер прерывности, трансцензуза. Несмотря на различие в пафосе философствования и в мыслительных конструкциях Шестова и Бердяева, представление об абсолютной трансцендентности Бога феноменальному миру характерно для обоих мыслителей. «Трансцензус», преодолевающий дуализм феноменального мира, мира необходимости, страдания и смерти, и мира «ноуменального», царства свободы, подлинной жизни и вечности, налицо и у того и у другого. У Бердяева прорыв к «миру иному», к высшей сфере свободы совершается в акте творчества, у Шестова — в акте «безумной» веры.

«Апофеоз беспочвенности» не мог стать последним словом философствования Л. Шестова. В этом смысле симптоматично его истолкование духовного переворота, пережитого Достоевским и героем «Записок из подполья». Разрушив прежние идеалы, «подпольный человек» подошел, по Л. Шестову, к какому-то «грандиозному ничто», к «вечному, изначальному небытию». Но, возможно, именно теперь, освободившись от «самоочевидностей», обнаружив свою полную безосновность, он как раз и сможет утолить «великую жажду и неутолимую тоску “по чем-то другом”». «Соприкосновение мирам иным» и есть, согласно Шестову, сверхразумная, абсурдная с точки зрения разума вера, не признающая никакого внешнего авторитета. «Соприкоснуться мирам иным», узреть Бога так, как это дано было Алеше Карамазову в «Кане Галилейской», можно лишь «из бездонной пропасти и подполья». Бог может открыться только человеку, которого сила отчаяния подвигает на «дерзновение», восстание против самоочевидностей разума. Именно ему, если он решится принять абсурд и беспочвенность, даруется вера как источник жизни и свободы. Бог Шестова как «чистая анти-Необходимость» (Ч. Милош) — «воплощенный “каприз”, отвергающий все гарантии» [17, 97], парадоксальным образом выступает гарантией самобытия, уникального личностного существования. Согласно комментарию А. Камю «абсурд становится Богом», критерием мира иного; крушение человека, покончившего с самоочевидностями, освобождает «дорогу безмерной надежде». Обожествляется то, что, казалось бы, лишало всякой надежды.

Из сказанного понятно, почему Л. Шестов столь отрицательно отнесся к образам князя Мышкина, Зосимы, Алехи Карамазова, к тому, что он считал «учительством» Достоевского, совершенно чужеродным духу его творчества. «Светлое» христианство Зосимы, его учение о красоте и божественности природы, лежит вне линии религиозно-экзистенциального размышления о пропасти между феноменальным миром и трансцендентным божественным бытием, преодолеваемой в иррациональном движении «безумной веры». И Бердяев в своей книге о Достоевском отводит весьма скромное место теме «обращенности к мистической земле», подчеркивая, что «для человека, прошедшего путь свое-волия и бунта, нет естественного возврата к земле» [3, 135]. Отсюда известное равнодушие экзистенциальных философов к излюбленной символистами теме соборности, упреки в антипэрсонализме в адрес последних. Трансцендирование к Богу — акт сугубо индивидуальный. У Бердяева лишь прорыв из мира объективации к подлинному бытию открывает возможность «коммюнионарности», преодоления индивидуальной замкнутости. К «человеку веры» Шестова можно отнести слова М. Бубера о человеке Кьеркегора: «это открытая система, хотя открыта она лишь для Бога» [7, 263]; в мире Шестова нет другого *Ты*. Так в версиях русской экзистенциальной философии оказывается отрефлектированным и вписаным в новую мыслительную парадигму опыт «апофатического богопознания», свидетельство о трансценденции, рождающееся из трагического опыта свободы.

Для мыслителей русского ренессанса стало задачей найти органическое соединение имманентного и трансцендентного, «земли» и «неба», эстетического и этического, вписать «в христианский контекст ницшеевское возвеличива-

ние творческого устремления» [12, 134]. Ее решение определяло успех возведения здания новой культуры. Проекты культуры русских символистов и экзистенциальных мыслителей, варьирующие ключевые ницшеанские мотивы, лежат в русле тех линий мысли, которые получили плодотворную разработку в философии XX в.; в них продуманы антиномии человеческого существования, которые предстояло на свой лад разрешить феноменологии, экзистенциализму, герменевтике.

-
1. Барabanov E. B. «Русская идея» в эсхатологической перспективе // Вопр. философии. 1990. № 8.
 2. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
 3. Бердяев Н. А. Мироозерцание Достоевского // Н. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. Ч. 1.
 4. Бердяев Н. А. Русская идея // Вопр. философии. 1990. № 2.
 5. Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991.
 6. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого// О назначении человека. М., 1993.
 7. Бубер М. Два образа веры. М., 1999.
 8. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М., 1997.
 9. Делёз Ж. Ницше и философия. М., 2003.
 10. Иванов В. И. Переписка из двух углов // Родное и вселенское. М., 1994.
 11. Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994.
 12. Клюс Э. Ницше в России. Революция морального сознания. СПб., 1999.
 13. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М., 2005.
 14. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 1.
 15. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 2.
 16. Хайдеггер М. Ницше. СПб., 2006. Т. 1.
 17. Шестов Л. Сочинения : в 2 т. М., 1993. Т. 2.
 18. Шестов Л. Памяти великого философа (Э. Гуссерль) // Вопр. философии. 1989. № 1.
 19. Ясперс К. Ницше: Введение в понимание его философствования. М., 2004.

Рукопись поступила в редакцию 21 марта 2012 г.

УДК 141.11 + 159.923.2 + 159.952

А. А. Нечаев

ПОНЯТИЕ ВНИМАНИЯ В «ИДЕЯХ-1» ГУССЕРЛЯ

В статье рассматривается понятие внимания, как оно представлено в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии» («Идеи-1», 1913) Гуссерля. Автору было важно проанализировать гуссерлевское понимание соотношения внимания с интенциональностью, с актовой и предметной стороной сознания (ноэзий и ноэмой).

Ключевые слова: внимание, интенциональность, ноэзис, ноэма, актуальные и потенциальные полагания, схватывание, выделение, обращенность, выхватывание, свободный поворот взгляда, аттенциональные сдвиги, духовный взор, лучи взгляда.

Тщательный анализ текста «Идей-1» показывает, что впервые речь о внимании заходит в параграфе 35 второй главы («Сознание и естественная действительность») второго раздела («Фундаментально-феноменологическое рассуждение»). Здесь рассмотрение *cogito* в качестве акта сопряжено с анализом модификации в направлении неактуальности. Параграф начинается с феноменологического описания восприятия на элементарном примере видения-ощущивания. При этом данное «полностью конкретное переживание» в качестве своего неотъемлемого элемента содержит «относительную неясность» и «неполную определенность». Продолжая дескрипцию восприятия, Гуссерль снабжает его предикатами обращенности к предмету и схватывания. Затем схватывание трансформируется в выхватывание.

Мотрошилова пишет, что еще «в годы, предшествовавшие публикации “Идей”, Гуссерль много работал над теми модусами... сознания, которые характеризовали разнообразие его “актовой” стороны... Его занимает такая форма, которую он именует “Erfassen” — понимание в смысле схватывания. Erfassen, в свою очередь, дробится на такие актовые подструктуры, как внимание, названное простым и эксплицирующим схватыванием; как тематическое, специальное, номинальное Erfassen, как “направленность-представления-на [что-либо]” (“Vorstellungs-Richtung-auf”) — опять-таки в качестве простого или номинального Erfassen» [2, 61].

Понятно, что феномен выхватывания подразумевает фон или задний план. Вот тут мы, по-видимому и приближаемся к специальному для данного случая решению проблемы внимания; внимания как выхватывания, выделения, актуализации, сопровождающегося различием переднего и заднего плана перцептивного поля (до акта внимания — однородного). В плане феноменологического описания восприятия листа бумаги на фоне других предметов на письменном столе это выглядит следующим образом: «Вокруг листа бумаги лежат книги, карандаши, стоит чернильница и т. д., и все это тоже “воспринимается” мною, все это перцептивно есть здесь, в “поле созерцания”, однако пока я обращаюсь в сторону листа бумаги, они лишены любого, хотя бы и вторичного обращения и схватывания» [1, 108]. Явление может сопровождать-

ся выхватыванием или положенностью для себя. Предметы на заднем плане не обладают такой спецификацией явления: «Они являлись, но не были выхвачены, не были положены для себя» [1, 108]. Таким образом, явление — это более широкое понятие чем выхватывание и, следовательно, чем внимание.

Анализируя метафору выхватывания, В. И. Молчанов критически замечает: «“Выхватить” из различий означает приостановить различие, определив тем самым границы различенного, т. е. границы предмета. Метафора “выхватить” ориентирует на то, что взгляд как бы жонглирует предметами, подхватывая один и отбрасывая другой. Однако это не так. Взгляд всегда делит пространство, отделяет один цвет от другого, одну форму от другой, так же как в сфере эмоций и чувств “взгляд” не “выхватывает” (эмоциональное) состояние, но выделяет, ограничивает его от других состояний, осуществляя переход от одного состояния к другому» [4, 377].

Итак, сознание, наряду с обращенностью к предмету (вниманием), содержит ореол сознания (невнимание, модус неактуальности). Понятно, что разница между обращенностью и ореолом является не статической, а динамической. Эта динамичность внимания выражается Гуссерлем с помощью метафоры поворота взгляда¹. Рассмотренное на примере восприятия распространяется затем и на воспоминание, и на фантазию².

Актуальная обращенность и модус неактуальности (как синонимы внимания и невнимания) сопровождаются также индексами эксплицитного и имплицитного переживания [1, 109]. При этом еще раз подчеркивается различие между явлением предметного (как более широким понятием) и вниманием как «направленностью духовного взора»³. Однако, как выясняется, объем понятия актуальности как направленности-на или обращенности-к (интенциональности) не совпадает с объемом понятия выхватывания (внимания)⁴. Тем не менее понятие актуальности совпадает с понятием *cogito*. По крайней мере, актуальности «...в своем контрастном сопоставлении с неактуальностями и определяют отчетливый смысл выражения “*cogito*”, “я сознаю что-либо”, “я осуществляю акт сознания”» [Там же, 110]. Сопровождая концепт *cogito* метафорой бодрствующего Я, которое «непрерывно осуществляет сознавание в специфической

¹ «...Возможны известные модификации исконного переживания, какие мы обозначаем как свободный поворот “взгляда” — не просто и не собственно физического, но “духовного взгляда”, — который от листа бумаги, замеченного первым, переходит к тем предметам, какие являлись уже раньше того, следовательно “имплицитно” уже сознавались здесь, — они-то после поворота взгляда и становятся сознаваемыми эксплицитно, воспринимаемыми “со всем вниманием” или же “отмечаемыми наряду с иным”» [1, 108–109].

² «...От сущности всех подобных переживаний — их мы берем в полной их конкретизации — неотделима замечательная модификация: таковая переводит сознание, находившееся в модусе актуальной обращенности, в сознание в модусе неактуальности, и наоборот» [Там же, 109].

³ «Может быть так, что предметное уже является нам в восприятии, либо же в воспоминании или фантазии, но мы еще не “направлены” на него своим духовным взором, не направлены даже и вторично, не говоря уже о том, чтобы мы были в каком-либо особом смысле “заняты” всем этим» [Там же].

⁴ «...“Направленность-на”, “обращенность-к” — чем отмечена актуальность — отнюдь не покрываются, как то было в избранных простейших примерах чувственных представлений, с выхватывающим принятием к сведению объектов сознания» [Там же, 110].

форме cogito» [1, 110], Гуссерль вновь добавляет, что «...непрерывно протекающая цепочка cogitationes постоянно окружена средой неактуального, всякий миг готовой перейти в модус актуальности, подобно тому, как, напротив, и актуальность — в неактуальность» [Там же].

Хотя параграф 36 и не называется Гуссерлем в ряду тех, что посвящены проблеме внимания, тем не менее в предыдущем параграфе, говоря о важном для нас аспекте тождества и различия актуальности и выхватывания в плане модификации актуальности, он обещает вернуться к этой теме именно здесь. При этом выясняется, что «...модифицированная *cogitatio* — это тоже сознание, причем сознание *того же самого*, что и соответствующее немодифицированное сознание» [Там же, 111]. Заметим, что модифицированность cogito в данном случае означает нахождение его в модусе неактуальности. Таким образом, направленность-на (или обращенность-к) характеризует как актуальное, так и неактуальное состояние cogito. Эта сущностная характеристика есть интенциональность. Иными словами, интенциональным остается и неактуальное cogito.

Это позволяет предварительно разрешить спорный вопрос о соотношении интенциональности и внимания как отношение субординации. Интенциональность как родовое понятие включает в себя как актуальное, так и неактуальное cogito. Внимание же, как видовое понятие, включает в себя лишь cogito в модусе актуальности. О том, что данное решение лишь предварительное, требующее дальнейшего уточнения, говорит следующий пассаж: «...и в сущности неактуального сознания заключено то, в какого рода cogitationes следует переводить его посредством обсуждавшейся выше модификации, какую мы называем “обращением принимающего к сведению взора на прежде не принимавшийся к сведению”» [Там же, 111–112]. Модификация, о которой здесь идет речь, с большой долей вероятности может быть названа модификацией внимания (о вероятности приходится говорить в силу того, что в приведенной цитате мы наблюдаем метафору). Таким образом, по-видимому, и неактуальное сознание обладает модусом внимания, но лишь потенциально, как возможность стать сознанием актуальным.

Следующий, 37-й параграф как раз посвящен различию интенциональности (направленности-на) и внимания (схватывания) [Там же, 112]. Отметим, что здесь феномен cogito характеризуется только как актуальное (а не любое) интенциональное переживание. Направленность на интенциональный объект далее индексируется метафорой взгляда, который изливается из Я⁵. При этом оказывается, что «...такое неотделимое от *сущности* cogito, от сущности акта как такого обладание чем-либо во взгляде, в духовном взоре, в свою очередь, не есть особый акт и, в частности, не может смешиваться ни с восприятием (даже и в сколь угодно широком смысле), ни с другими разновидностями актов, родственными восприятиям» [Там же, 113]. Таким образом, обладание

⁵ «От самого же cogito неотделим имманентный ему “взгляд-на” объект, взгляд, который с другой стороны изливается из “Я”, так что никогда не может быть так, чтобы его не было» [1, 113].

чем-то во взгляде (интенциональность) отличается от внимания (схватывания)⁶. При этом модус внимания отличается от модуса актуальности⁷.

Принятие сознанием этого особого модуса (модуса внимательности) меняет просто осознание (духовную направленность-на) на схваченность⁸. Далее модус внимания характеризуется не только как схватывание, но и как обращение⁹. Однако тождество схватывания и обращения оказывается неполным; в негносеологических актах оказывается возможным обращение без схватывания¹⁰. Таким образом говорить об обращении внимания можно лишь метафорически, недаром Гуссерль берет это словосочетание в кавычки; ведь обращение духовного взора (интенциональность) не есть схватывание (внимание). Интенциональный объект «...становится схватываемым предметом лишь в особом “опредмечивающем” повороте» [1, 114]. Данное различие Гуссерль разбирает на примере акта оценивания: «...“быть обращенным к чему-либо в оценивании” еще не значит “обладать ценностью в качестве предмета”, в том особом смысле схваченности, в каком мы должны обладать предметом, чтобы делать предикативные высказывания о нем» [Там же]. Возникает возможность говорить о двойкой интенции, двойкой обращенности-к: «Если в акте оценивания мы направлены на что-то, то это направление на что-то есть внимание к этому и схватывание его; при этом же мы направлены также и на ценность — но только не по способу схватывания» [Там же]. И тут становится очевидной неполная тождественность актуальности и внимания, о которой уже заходила речь. Познавательный, опредмечивающий, представляющий модус интенциональности как синоним внимания, оказывается, не исчерпывает весь объем модуса актуальности: «Модусом “актуальность” обладает не только *представление чего-либо*, но и обнимающее *его оценивание*» [Там же]. При этом оказывается, что и сама внимательность имеет различные модусы¹¹. Обладание ценностью отличается от внимания к предмету. «Внимание» здесь характеризуется как предметное постижение. Тем не менее выходящий на данном этапе за рамки внимания полный интенциональный объект (в данном случае ценность) может стать

⁶ «...интенциональный объект сознания... отнюдь не то же самое, что схватываемый объект». «...Схватывание покрывается тем, что мы на что-либо обращаем внимание, что-либо замечаем...» [1, 114].

⁷ «...В этом внимании или схватывании дело не в модусе *cogito* вообще, не в модусе актуальности, но, если приглядеться, то в особенном модусе акта, в таком, какой может быть принят любым осознанием или же любым актом, если те еще не приняли его прежде» [Там же].

⁸ «Если акт примет такой модус, то интенциональный объект этого акта будет не просто сознаваться, находясь во взоре духовной направленности-на, но это схваченный, замеченный объект» [Там же].

⁹ «Если говорить о вещи, то к таковой мы можем быть обращены не иначе, как схватывая ее, — и так ко всем “попросту представимым” предметностям: обращение (пусть то будет даже и в измышлении) есть тут eo ipso “схватывание”, “обращение внимания”» [Там же, 113–114].

¹⁰ «...В акте оценивания мы обращены к ценности, в акте радости — к радостному, в акте любви — к любимому, в действовании — к действию, и мы все это тогда не схватываем» [Там же, 114].

¹¹ «Во всяком акте царит один из модусов внимательности. Однако если таковой не сводится к простому сознанию чего-либо, если в таком сознании фундируется еще и дальнейшее, “выражающее свое отношение” к этому чему-то сознание, это что-то и полный интенциональный объект (например, “что-то” и “ценность”), равно как внимание и обладание в духовном взоре расходятся между собой» [1, 115].

предметом внимания на следующем этапе¹². Это особенно важно в сфере ценностей и в сфере практики, где первоначально схватываемый физический объект, конечно, не тождествен его ценности или практическому значению. Однако эта ценность и это практическое значение могут стать (имеют возможность модификации-объективации) предметами внимания.

В параграфе 92 Гуссерль вновь возвращается к проблеме внимания. Так, суммируя уже сказанное, он обозначает проблематику внимания как «особого рода сдвиги сознания» [1, 292–293]. Здесь, как и ранее в параграфе 37, он использует метафоры духовного взора и луча взгляда¹³. Далее эти феномены обозначаются уже не в переносном (метафорическом), а в прямом смысле: «Они играют главную роль, когда речь заходит о “внимании”, и их же, не размежевывая феноменологически с другими феноменами и смешивая с этими последними, именуют модусами внимания» [Там же, 293]. Впрочем, ни метафоры, ни традиционная терминология в данном случае не устраивают автора «Идей», а поэтому он вводит новый термин: «Мы, с нашей стороны, намерены зафиксировать это выражение и, кроме того, говорить об *аттенциональных сдвигах*» [Там же]. Возможные сдвиги внимания, или аттенциональные сдвиги, «...предполагают существование ноэтического ядра и необходимо неотъемлемо характеризующих его моментов» [Там же]. При этом аттенциональные сдвиги «...не переменяют относящиеся сюда ноэмatischeеские осуществления» [Там же].

Отметим, что здесь, как и ранее, проблема внимания не становится предметом специального рассмотрения; сдвиги внимания лишь поясняют введенную в рассмотрение ноэтико-ноэмatischeескую структуру сознания. Действующим агентом или актом здесь выступает ноэза, и духовный взор (сионим внимания) реализуется через посредство ноэзы. В сложных случаях, когда переплетаются интенциональные акты различного рода (как в данном случае ноэза восприятия и ноэза воспоминания), и возникает проблематика аттенциональных сдвигов. Интересно, что даже то косвенное определение внимания, которое мы находим внутри ноэтико-ноэмatischeеской проблематики, является скорее негативным. Гуссерль говорит о неустойчивости внимания, о его колебании и блуждании; т. е. о невнимании, а не о внимании. Так, оставаясь в пределах одного интенционального слоя, в данном случае восприятия, мы фиксируем аттенциональный луч «...с относящимся к нему определенным блужданием» [Там же, 294].

Характеризуя внимание в аспекте его неустойчивости, Гуссерль говорит о способах изменения зафиксированного переживания, называя это изменение, эту неустойчивость «изменения просто в распределении внимания и его модусов» [Там же]. Итак, внимание для Гуссерля не является конститутивным моментом сознания, каким является, к примеру, ноэма, ведь в распределении внимания «...ноэмatischeеский состав переживания остается тождественным» [Там же].

¹² «...К сущности таких фундируемых актов принадлежит еще и возможность модификации, благодаря которой их полные интенциональные объекты становятся предметами внимания и в этом смысле предметами “представляемыми”» [Там же].

¹³ «Принято метафорически говорить о “духовном взоре”, о “луче взгляда” чистого Я, о том, куда обращается и от чего отворачивается этот луч» [1, 293].

Изменение, или аттенциональный сдвиг, лишь отдает предпочтение тому или иному предметному моменту. В результате можно говорить о модусах внимания, таких, как «быть напрямую особо замеченным» или «замеченным наряду с другими», «совершенно незамеченным» [1, 294–295]. При этом речь вновь заходит о модусах актуальности и неактуальности¹⁴.

Говоря о том, что модификации внимания затрагивают не только ноэтические, но и ноэматические моменты переживания, Гуссерль добавляет еще одну метафору внимания: «Обычно внимание сравнивают с ярким светом, который освещает пространство» [Там же, 295]. По-видимому, эта метафора (движение светового пятна) позволяет лучше пояснить концепт аттенционального сдвига¹⁵. При этом еще раз подчеркивается, что внимание и его обращения не являются конститутивными моментами сознания; речь может идти лишь о «модификации способа явления» [Там же]. Однако эти модификации оказываются довольно существенными, в результате нужно говорить уже не о «чем-то оставшемся тождественным», а о коренных изменениях, которые претерпевают ноэмы. В то же время «...речь идет о необходимых модусах способа данности тождественного» [Там же]. В ноэматическом аспекте наличие аттенциональных модификаций не позволяет говорить о сохранении некоего аттенционального ядра¹⁶.

В то же время в ноэтическом аспекте можно говорить если не об определяющей, так об обуславливающей роли внимания: «...ноэсы... обусловливаются модусами внимания, а прежде всего — позитивной внимательностью» [Там же, 296]. Актовая, ноэтическая сторона сознания в своей обращенности к интенциальному объекту «...заключает в себе позитивное внимание, обращаемое на то, в направлении чего занимает позицию “я”» [Там же].

Функционирование внимания, которое вновь обозначается метафорой блуждающего взгляда, подтверждает наличие координации между актовой (ноэтической) и содержательно-смысловой (ноэматической) стороной сознания: «...функция блуждающего и в отношении охватываемого им пространства то расширяющегося, то сужающегося взгляда означает существование *особого рода измерения коррелятивных ноэтических и ноэматических модификаций*» [Там же].

Характерно, что определение внимания через модальность и функцию относит его к субъективному (психологическому) уровню феноменологии: «Аттенциональные конфигурации обладают в своих модусах актуальности... *характером субъективности*» [Там же]. Тот факт, что луч внимания «излучается чистым “я” и ограничивается предметным» [Там же], не меняет дела: «...Такой луч не расстается с “я”, но он есть луч “я” и остается таковым» [Там же]. В результате вниманию внутри полного интенционального переживания отводится

¹⁴ «...Группа модусов актуальности отделяется от модуса неактуальности и от того, что мы попросту называем невниманием» [1, 295].

¹⁵ «То, что специфически замечается во внимании, находится в более или менее ярком световом пятне, но это замеченное может затем и зайти в полутень, и задвинуться в полнейшую тьму» [Там же].

¹⁶ «...Положение не таково, чтобы все совокупное ноэматическое содержание, характеризующееся соответствующим модусом внимания, так сказать аттенциональное ядро, сохранялось постоянно при всевозможных аттенциональных модификациях» [1, 295–296].

роль некоей «жизни» в смысле субъективной беспокойно-блуждающей активности, не конституирующющей и не меняющей смыслового содержания интенционального объекта. В модусе внимания чистое «я» выступает как некая свободная (спонтанная) сущность, которая «...означает не что иное, как именно такие жизненные модусы — модусы вольного исходления из себя самого, возвращения в себя и к себе, спонтанной деятельности, страдания, возможности познавать нечто в объектах опытным путем и т. д.» [1, 297].

В завершение этого параграфа Гуссерль делает сноску, содержащую ряд существенных для нашей темы положений. Так, он критически относит проблематику внимания к разряду психологии, а именно к сенсуалистическому аспекту последней¹⁷. Как известно, уже в Логических исследованиях он скептически отнесся к попыткам выстроить теорию абстрагирования на эмпирически понятом внимании [3, 125–151]. Здесь же речь идет о сущностной взаимосвязи между вниманием и интенциональностью¹⁸. Однако, насколько можно судить по рассмотренному нами материалу, в этой взаимосвязи внимание играет не конститутивную, а атрибутивную роль.

Последний раз (в рамках рассматриваемых нами текстов) к проблеме внимания Гуссерль возвращается в параграфе 113 [1, 346]. Здесь он продолжает анализировать тему модификации нейтральности и полагания. Так, речь заходит о дифференциации полагающего сознания. Первой дифференциацией оказывается различие актуального и потенциального полагания. Родовое понятие («полагание») обозначается как позициональное сознание. При этом оказывается, что «различие между актуальностью и потенциальностью *полагания* находится в близкой связи с ранее обсуждавшимися различиями актуальности внимания и невнимания, однако не совпадает с таковыми» [Там же]. С учетом модификации нейтральности «...в общее различие актуальности и неактуальности в аттенциональной обращенности Я входит двойственность» [Там же, 346–347].

Гуссерль различает полагающее и нейтральное сознание по принципу наличия (полагающее) и отсутствия (нейтральное) действительных предикатов. Именно аттенциональные актуальности раскрывают эту дифференциацию: «...посредством обращенности к различным предикатам сознаваемого предметного» [Там же, 347]. Включение внимания (аттенциональная актуальность) «...ведет лишь к актам сплошь нейтральным, либо же к предикатам, сплошь модифицированным» [Там же].

Восприятие означает не только то, что вещь является, но и то, что Я примечает являющуюся вещь¹⁹. Для примечания (внимания) в отличие от явления необходимо примечающее Я (эго). В обращении к образу, в фантазии, в отли-

¹⁷ «Внимание — это главная тема современной психологии. Нигде сенсуалистический по преимуществу характер последней не бросается в глаза так, как в разработке этой темы» [1, 297].

¹⁸ «...До сих пор, насколько мне известно, не была особо подчеркнута даже сущностная взаимосвязь, какая существует между вниманием и интенциональностью, — тот фундаментальный факт, что внимание есть не что иное, как один из основных видов интенциональных модификаций» [Там же].

¹⁹ «“Восприятие” в нормальном смысле слова означает не только вообще, что какая-либо вещь является Я в своем живом и телесном настоящем и телесном настоящем присутствии, но и то, что Я примечает являющуюся вещь, схватывает ее как действительно сущую здесь» [1, 348–349].

чие от актуального восприятия, тоже действует некое схватывание (внимание): ««Схватывание» обладает тут актуальностью обращения-к, но оно не есть “действительное” схватывание, а простое схватывание в модификации “как бы”, полагание — это не актуальное полагание, а модифицируемое в таком “как бы”» [1, 349]. При этом и внутри фантазии благодаря отвлечению внимания возможен переход от актуальности к потенциальности нейтрализованного полагания²⁰. Но сознание в данном случае остается не полагающим, а нейтральным. То же самое рассматривается не только на примере фантазии, но и на примере воспоминания²¹. Так, неактуальные воспоминания возникают путем отвлечения внимания (отведения взгляда). Характерно, что воспоминание может являться, но не быть актуальным. В свою очередь, привлечение внимания (аттенциональная актуальность) превращает потенциальные полагания в актуальные.

В модификации нейтральности внимание в модусе потенциальности («мы обладаем аттенциональными потенциальностями») хотя и может стать активным, но получающиеся акты являются нейтрализованными, т. е. в модусе «как бы»²². Иными словами, «...простое обращение взгляда не способно устраниć такую нейтральность — равно как в иных случаях не способно породить актуальность полагания» [Там же, 350]. Если отождествить обращение взгляда, схватывание и внимание, то окажется, что фон схватывания в отличие от схватываемого лишен «особых полаганий существования» [Там же]. Таким образом, можно сделать вывод, что внимание как-то связано с полаганием существования. В свою очередь, обращение взгляда со схватываемого на окружение превращает последнее в схватываемое, а тем самым полагает его актуальное бытие. Окружение в этом контексте предстает как «единство потенциальных полаганий» [Там же].

Что касается фона схватываемой вещи, в частности фона воспоминания или восприятия, то этот фон может быть как пространственным, так и времененным. Последний никогда не осуществляется «в форме актуальных полаганий или тезисов». В любом случае вниманию принадлежит роль актуализации потенциальных полаганий²³. Воображение и фантазирование как модификации нейтральности тоже обладают «аттенциональными задними планами» [Там же]. Речь о заднем плане возможна только в контексте внимания в смысле

²⁰ «Когда же духовный взор отвлекается от факта, то аттенциональная актуальность нейтрализованного полагания переходит в потенциальность: образ по-прежнему является, однако он оставляет-ся “без внимания”, он не постигается в модусе “как бы”» [1, 349].

²¹ «Очень похоже дело обстоит тогда, когда мы сравниваем “актуальные” (не нейтральные, не действительно полагающие) воспоминания с такими, в каких воспоминаемое, — скажем, путем отведения взгляда — хотя по-прежнему и является, но уже не полагается актуально» [Там же].

²² «В модификации нейтральности, относящейся к воспоминаниям, т. е. просто к фантазиям, мы вновь обладаем аттенциональными потенциальностями, преобразование которых в актуальности, правда, производит “акты” (cogitationes), однако акты исключительно нейтрализованные, исключительно док-тические полагания в модусе “как бы”» [Там же].

²³ «Во всех подобных случаях актуализация “потенциальных полаганий” посредством соответствующих обращений взгляда (аттенциональная актуальность) необходимо приводит ко все новым актуальным полаганиям, и это неотделимо от сущности таких положений дел» [Там же, 350].

обращения взгляда и схватывания. Иными словами, задний план — это потенциальный объект внимания²⁴.

В заключение отметим, что для исчерпывающей характеристики места понятия внимания в феноменологии Гуссерля необходим сравнительный анализ его произведений. Попытку такого анализа на примере Логических исследований и Идей-1 автор статьи предпринял в другом месте [5]. Кратко можно сказать, что разрабатываемая Гуссерлем и безусловно ключевая для него проблема интенциональности стала результатом борьбы с доминировавшим в то время психологизмом, олицетворением которого и было понятие внимания. Внимание, по Гуссерлю, воплощает психологические особенности интенционального акта, имеющего надиндивидуальную структуру.

-
1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / пер. с нем. А. В. Михайлова. М., 2009.
 2. Мотрошилова Н. В. Идеи I Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003.
 3. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2, ч. 1 : Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В. И. Молчанова. М., 2011.
 4. Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. М., 2007.
 5. Нечаев А. А. К вопросу о понятии «внимание» в Логических исследованиях и Идеях-І Гуссерля [Электронный ресурс]. URL: <http://credonew.ru/content/view/1121/67/>

Рукопись поступила в редакцию 29 мая 2012 г.

²⁴ «...“Задний план” — это рубрика для потенциальных обращений взгляда и “схватываний”» [1, 349].

ПЕРЕВОДЫ

УДК 141.2 + 316.462 + 94(3):81'25

Дион Хрисостом

О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ*

Первый перевод на русский язык речи Диона Хрисостома, который наставляет императора Траяна, показывая противоположность истинной монархической власти и власти тиранической. В духе кинической философии покровителем справедливых правителей представлен Геракл.

Ключевые слова: царская власть (монархическая), тираническая власть.

[1, 1] Говорят, что когда-то флейтист Тимофея, впервые представляемый царю Александру, играл на флейте весьма умело и изящно не нежный напев для флейты, и не протяжный, и не для расслабления и успокоения ценителей [флейты], но тот самый, я думаю, правильно называемый ладом Афины. (2) И [говорят, что] Александр тотчас бросился к оружью подобно воодушевленным [к бою]. Так сильно он [был] возбужден звучной (*μουσικής*) песней и стройностью игры на флейте. Но причиной этого [все же стала] не столько сила искусства (*τῆς μουσικῆς*), сколько мощный и пылкий дух (*διάνοια*) царя. (3) [Ведь] Сарданапалла¹ никогда бы не поднял с ложа и от женщин не только Тимофея или другой какой-нибудь из более молодых [флейтистов], но [даже] сам Марсий² или Олимп³. А мне-то кажется, что если [бы и] Афина, если [это] возможно, сыграла свой напев, [то и] тогда бы он не схватился за оружие, но,

* Дион Хрисостом (Златоуст) из Прусы (I – начало II в. н. э.), ритор кинико-стоического направления мысли. Здесь представлена первая из его четырех речей о царской власти [1,0] PERI BASILEIAS, посвященных императору Траяну. Перевод сделан по текстам на сайте [5] – греческий оригинал и английский перевод (здесь и далее все примечания сделаны переводчиком).

¹ Assur-bani-pal, царь Ассирии (VII в. до н. э.).

² Милический музыкант, соревновавшийся в игре на флейте с Аполлоном.

³ Легендарный греческий музыкант VIII в. до н. э.

встав, скорее всего заметался бы или убежал: столь жалок он был при [его] могуществе и роскоши. (4) Итак, и мы соответственно не хуже мужа-флейтиста занимаемся своим делом и не хуже, чем он играет [на флейте], находим мужественные и умные слова,

[1, 5] да и применяемые еще не к одному обороту [речи], но именно, и суровые и ласковые, и воинственные, и миролюбивые, и относящиеся к законам, и касающиеся сущности царской власти, для желающего быть, как я думаю, мужественным и законопослушным правителем, нуждающимся, с одной стороны, в большой отваге, с другой — и в большой снисходительности [к людям]. (6) Вот и Тимофея, даже если он умел играть какой-нибудь воинственный напев, также полагал, что игра на флейте делала душу справедливой, и рассудительной, и благоразумной, и властителя (*δυνάμεων*) человеколюбивым, [дабы] они не устремлялись не только к оружию, но и к миру и согласию, и почитанию богов, и к заботе о людях. Вследствие всего этого он был достоин и присутствовать у Александра, и наигрывать [ему] на флейте, не только восплеменяющемуся, (7) но и в других обстоятельствах, [а именно], когда бы [ему] случилось [быть] или нескончаемо печалившимся о заслугах и достоинстве, или придерживающимся [чего-либо] более сурового, чем установленное обычаем и справедливостью, или сердящимся на своих друзей и товарищей, или свысока смотрящим на смертных и [своих] достоверных родителей⁴. (8) Однако ведь не всякое исцеление и не полную помочь нравам способна оказать мусическая наука и навык [игры], ибо, действительно, как говорит поэт⁵,

«[Даже] и Асклепиадам этого же не дал бог».

[Способно к этому] единственно слово умных и мудрых [мужей], многие из которых родились раньше их — не имеющий недостатков и совершенный руководитель и помогающий [людям] податливой и доброй природы, побуждающий ко всякой добродетели и пристойно воспитывающий. (9) Какое бы, таким образом, времяпрепровождениеказалось подобающим и достойным твоего усердия, и откуда бы мы добыли до такой степени совершенное слово, [мы], мужи-скитальцы, и сами достигшие мудрости, весьма способные большей частью радоваться делам и трудам, вновь и вновь произносящие слова ради увещевания для самих [себя] и встречающихся всякий раз других [людей]? [Мы добыли бы его], как поднимающие и переносящие нелегкий груз [люди, которые размежено] вскрикивают и тихо напевают, облегчая [свой] труд, сущие работники, [а] не певцы какие-нибудь и не сочинители песен.

[1, 10] [Есть] много слов, принятых философией (*κατὰ φιλοσοφίαν*), и все [они] достойны [наших] ушей и имеют удивительную пользу для внимательно слушающих. Вот и нужно найти и поблизости и наилучшим образом воспринимающего [эти слова] и призвать Пейтхο⁶, и Муз, и Аполлона, чтобы как можно усерднее изложить [вопрос]. (11) Ну так давайте [и] поговорим, охватывая вкратце, насколько возможно, и о нраве и об образе отличного (*χρηστοῦ*) царя,

⁴ Намек на мнение о божественном происхождении Александра.

⁵ Феогnid из Мегары, 432 (VI в. до н. э.). Также см. [1].

⁶ Убеждение, богиня убеждения и красноречия.

«Которому Зевс прозорливый

Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими» [2, 205–206].

(12) Вообще же вот Гомер [наряду] со многим другим прекрасно, [как] мне кажется, сказал [еще] и о том, что не все имеют от Зевса скипетр и эту самую власть, но только хороший [человек], и [он имеет их] не по какому-нибудь иному праву (*δικαίος*), как по тому, что он советуется и заботится о [своих] подвластных, (13) так что он не становится распущенном и расточителем, полным безрассудства, и надменности, и высокомерия, и всякого беззакония — [а ведь] из-за всего этого самого душу потрясают влечения, и печали, и страхи, и наслаждения, и всяческие желания — но [он становится], как [тот], кто обращает внимание на себя самого и на [своих] подданных, сделавшись, по сути, паstryрем и вождем народов, [а] не угощающим и пирующим [за чужой счет], как кто-то сказал⁷. Среди же прочего он посчитал бы подобающим не спать самому на протяжении целой ночи, чтобы имеющийся у него досуг не был праздным⁸. (14) Ведь о том самом говорит и Гомер [весыма] сходно с другими мудрыми и справедливыми мужами, что никто дурной, и невоздержанный, и корыстолюбивый не становился когда-либо ни сам способным владеть собой, ни господином кого-либо из других [людей], и не будет когда-либо такой [человек] царем, [даже если] бы [этого] не говорили все: [и] эллины, и варвары, и мужчины и женщины, и [даже если] бы им восхищались и слушали бы [его] не только люди, но и, нисколько не меньше людей, птицы летающие и звери в горах, и [даже если] бы он согласился [быть царем] и делал бы распоряжения.

[1, 15] Итак, давайте выскажемся в поддержку Гомера и истинного (*τῆς ἀληθείας*) царя. Ведь это слово, высказываемое без лести или ругани, само по себе показывает [его] подобным хорошему [человеку] и одобряет [в том], насколько [он] является подобным ему, а неподобного [его хорошему человеку] позорит и бранит. Во-первых, вот [он — человек], не забывающий (*ἐπιμελής*) о богах и почитающий божественную силу (*δαιμόνιον*), ибо невозможно, чтобы справедливый и добный муж больше доверял [кому-то] другому, чем справедливейшим и превосходнейшим богам. (16) А когда кто-нибудь, будучи плохим [человеком], считает, что нравится богам, он, согласно этому самому, изначально не является благочестивым, ибо признал божество или безрассудным, или порочным. После же богов [добрый муж] заботится о людях, (17) почитая и любя хороших, но опекая всех. Кто вот больше, чем пастух? Кто же больший любитель коней, чем хозяин (*ἄρχοντος*) многих лошадей, имеющий от них много пользы? (18) Кто же, таким образом, по справедливости является человеколюбивым, как [не тот], кто является властителем многих людей, а также более всего вызывает восхищение с их стороны? Ужасно ведь, если бы владельцы (*άρχοντες*) чужеродных [нам] и диких зверей были более благоволящими к [своим] подвластным,

⁷ Сходным образом Платон говорит о тех, кто не радеет о пользе граждан (см. [4]).

⁸ Подобное суждение есть у Гомера: «Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета, Коему вверено столько народа и столько заботы!» [2, 24–25].

чем царствующий над кроткими и единородными [ему] людьми. (19) И конечно, больше всего стада и любят, и слушаются пастухов, а лошади — возниц; собаки же и охраняют, и любят охотников, и [вообще все] прочее подвластное таким [же] образом любит [своих] начальников.

[1, 20] Как в самом деле допустимо, чтобы неразумные и несведущие [существа] знали и любили заботящихся [о них], а самое понятливое из всех [существ] и наиболее знающее о воздаянии благодарностью не понимало [этого] и [даже] замышляло [зло против них]? А ведь необходимо, чтобы люди не только любили, но и почитали кроткого и человеколюбивого царя. Видя это самое и будучи таким по [своей] природе, он показывает всем [свою] милостивую и ласковую душу, полагающий всех [людей] преданными [ему] и друзьями. (21) И потому вот он считает, что во время управления [у него] должно быть больше не денег и не наслаждений, а забот и дум. Так что он является и более трудолюбивым, чем многие сластолюбцы и сребролюбцы [из] иных [правителей]. Ведь он знает, что, с одной стороны, наслаждения и оскверняют [своих] вечных приверженцев, быстро делают [их] неспособными к ним, с другой же стороны, труды и приносят пользу, и всегда позволяют сделать [людей еще] более способными [к ним]. (22) Таким образом, одному ему можно называть [своих] воинов соратниками, знакомых — друзьями, не осмеивая имени дружбы. Отцом же сограждан и управляемых он называется не только по рассказам, но это показывают [его] труды. И он не радуется, называемый господином не только свободных [граждан], но даже рабов.

(23) Ибо он не считает, что царствовать ради себя самого, одного существа, лучше, чем [ради] всех людей. И поэтому он, благодетельствующий, радуется больше облагодетельствованных [им], и в одной этой радости он ненасытен. Притом [многие] иные [дела] царской власти он по обычай признал необходимыми, и только [дело] благотворительности — и добровольным и радостным. (24) И он является самым щедрым на блага, как будто они никогда не иссякнут, а по [своей] природе он способен сделаться виновником зла [еще] менее, чем солнце — тьмы. Поэтому видящие [его] и встречавшиеся [с ним] не хотят покидать [его], а слышащие [о нем] желают видеть [его] скорее, чем дети найти неизвестных отцов.

[1, 25] Итак, враги его боятся, и ни один [человек] не соглашается быть [его] врагом, друзья же отважны, и [все его] самые приближенные (ἐγγὺς) считают, что из всех [людей] они являются наиболее защищенными⁹. Приходящих же [к нему] и видящих [его] охватывает не испуг и не страх, но благоговение много сильнее и крепче страха. Ведь так судьба распоряжается, что боящиеся [его] ненавидят и убегают, а благоговеющие [перед ним] остаются [у него] и восхищаются [им]. (26) Итак, простоту и правдивость он полагает свойственными царю и разумному [человеку], а коварство и обман — свойствами нера-

⁹ После этих слов следует часть текста, которую издатель заключил в фигурные скобки, а английский переводчик выпустил: «В противоположность ему, дурному [правителю] свойственно врагам прибавлять смелости, а друзей и приближенных отпугивать и устрашать. С другой стороны, убедительно просящих именно кроткого и безвредного [правителя] он оставляет жить».

зумного [человека] и раба, замечая, что и из зверей самые боязливые и неблагородные — это те, [которые] больше всех и обманывают, и изворачиваются. (27) Будучи по природе честолюбивым и видя, что люди от природы склонны чтить добропорядочных, он [все же] меньше надеялся бы быть почитаемым со стороны принужденных [к этому], чем достигнуть дружбы с ненавидящими [его]. И воинственным он является в той мере, в какой от него зависит воевать, и миролюбивым в той мере, в какой для него не остается ничего, стоящего сражения. Ибо, конечно, он знает и то, что у них, прекраснейшим образом подготовленных воевать, есть возможность более всего соблюдать мир. (28) По [своей] природе он является также любящим товарищей, и граждан, и, равным образом, [своих] воинов. Ведь кто-нибудь, презирающий служащих в войске, и никогда вообще [не видел], или видел [очень] редко, подвергающихся опасности и терпящих страдание ради [его] власти, [и] всегда льстит бесполезной и безоружной черни, [и] именно в его случае, [это] подобно [тому], как если бы пастух не знал сторожащих у него собак, и пищу бы им не протягивал, и не бодрствовал бы вместе с ними, когда они сторожат. Ведь он не только зверей, но и собак поощряет не щадить стада. (29) С другой стороны, кто нежит воинов, не упражня [их] и не побуждая переносить трудности, а о других людях не позаботился, [тот] подобен кормчему, портящему моряков обжорством или дневным сном и совершенно не думающему о [людях], сидящих на гибнущем корабле.

[1, 30] Но если бы кто-нибудь держался в этом [отношении] надлежащей меры, однако не почитал бы близких ему и называемых друзьями [людей] и не присматривал бы за тем, чтобы они казались всем счастливыми и завидными, то он [словно] не замечает, что становится предателем самого себя и своей державы, что делает [своих] действительных друзей слабодушными, что из других же [людей] никто не желает его дружбы, что, [в конце концов], он лишает себя самого прекраснейшего и полезнейшего приобретения — дружбы. (31) Ибо кто более не ленивый трудиться, если бы был [для этого] надлежащий случай, чем друг? Кто более готов радоваться в счастье? От кого еще похвала более приятна, чем от друзей? От кого же правдивое [слово] менее печально? Какая же охрана, какие укрепления, какое оружие надежнее и лучше, чем охрана со стороны благоразумных [друзей]? (32) Ведь кто-нибудь, скольких бы он приобрел товарищай, столькими глазами видит, что хочет; столькими же ушами слышит, что нужно; столькими также умами рассуждает о [своих] выгодах. Ибо это не отличается [от того], как если [бы] бог дал ему, имеющему одно тело, много душ [и притом] все, пекущиеся о нем. (33) Но здесь, опустив многое, я сказал бы об очевиднейшем признанье: тот является дельным царем, которого добропорядочные мужи, восхваляя, не стыдятся ни в настоящее время, ни в последующее. И конечно, и он сам не любит похвал от ремесленников и завсегдатаев торговой площади, но [любит похвалы] от свободных и родовитых [людей], для которых недостойно жить, обманывая.

(34) Кто бы не посчитал счастливым такого мужа и [такую] жизнь? {Как не прийти [тогда] к нему желающим увидеть его и воспользоваться [его] прекрасным

и добрым расположением духа (*διανοίας*)? Какое еще зрелище более почтенно, чем [зрелище] благородного и трудолюбивого царя? Что более приятно, чем кроткий и дружественный [царь], заботящийся, чтобы сделать всем хорошо, да и способный [сделать это] для всех?

[1, 35] Что же более полезно, чем беспристрастный и справедливый [царь]?¹⁰ Так, чья жизнь более безопасна, чем [того], кого все охраняют подобным образом? Чья вот более приятна, чем не делающего никого враждебным [себе]? Чья же более беспечальна, чем не имеющего за собой вины (*αἰτιάσθαι*)? Кто же счастливее того мужа, который, будучи добропорядочным, не остается никем не замеченным (*οὐδένα λαυθάνει*)? (36) Это вот я таким образом, без околичностей, высказал о благом царе. Если же, кажется, что-нибудь из этого присуще тебе¹¹, то [ты] сам счастлив по [своей] справедливой и доброй природе, а мы счастливы [как] соучаствующие [в ней]. (37) После же этого, ныне сказанного, слова я уже хотел [бы] перейти к величайшему и первому царю и правителю, которому смертным и управляющим делами смертных нужно всегда подражать (*μιμούμένους*) [в том], чтобы быть заботливыми, исправляя и сравнивая с ним, насколько [это] возможно, свои нравы. (38) Поэтому ведь и Гомер говорит, что истинные (*ἀληθῶς*) цари являются питомцами Зевса и подобными Зевсу советом, и [еще] сказал, что Минос, имеющий величайшую славу за [свою] справедливость, сделался собеседником Зевса. И почти сколько ни рождалось когда-либо у эллинов и варваров царей, не недостойных получить это звание, их [данная] речь показывает учениками и приверженцами этого бога. (39) Ибо Зевс, единственный отец богов и царь, называется и Покровителем, и Дружественным, и Товарищеским, и Родовым, сверх того — Защитником, и Уберегающим, и Гостеприимным, {имя} и другие бесчисленные прозвища, все добрые [причины] и причины [всего] доброго.

[1, 40] Так, царем он назван согласно [его] власти и могуществу; отцом же, я думаю, — вследствие [его] заботы и ласки; Покровителем — по [данному им] закону и общественной пользе; Родовым — вследствие общности рода богов и людей; Дружественным и Товарищеским — потому что сближает всех людей и желает, чтобы они были друг другу приятелями, (41) а ненавистным или враждебным никто никому [не был]; Защитником — как внемлющий и благосклонный ко [всем] нуждающимся; Уберегающим — вследствие избавления от зол, а Гостеприимным — потому что и поскольку [он] — начало дружбы, и не пренебрегает гостями, и не считает чужим ни одного из людей; Покровителем же имущества и Плодоносным — так как [он] причина плодов и податель богатства и имущества, [а] не бедности и недостатка, так что необходимо, чтобы все эти [его] способности безоговорочно принадлежали способности и званию царя. (42) Тут подходяще сказать об управлении [со стороны] мира (*τῶν ὅλων*). Этот мир (*τὸ ξύπαν*), сам благой (*εὐδαιμόν*) и мудрый, всегда передвигается на протяжении беспредельного века непрерывно в беспредельных круговоротах.

¹⁰ Фигурные скобки стоят в греческом оригинале.

¹¹ Далее перевод сделан в соответствии с указанием английского переводчика (см. note 13), что «to you» (soi) «Trajan is meant».

ях; благодаря [же своей] душе, доброй и подобной божеству, и промыслу, и начальствованию, самому справедливому и наилучшему, [он] делает нас подобными [себе], поставленными под [власть] единого (*ένι*) установления и закона согласно общей природе, его и нашей, и участвующими в этом самом государстве. (43) С одной стороны, один [является] почитающим его и охраняющим, ничего против [него] не делающим, законопослушным, любимым богами и соблюдающим порядок; с другой стороны, [есть] иной, потрясающий [его], насколько это возможно для него, и оскорбляющий, и не сведущий [в нем], беззаконный и бесчинный, как частный человек, так и называемый правителем. Однако пренебрежение [к нему] со стороны правителя [является] гораздо более значительным и более очевидным для всех. (44) Так вот, если бы кто-нибудь, как те полководцы и руководители войск, и городов, и народов, наибольее подражал твоему¹² направлению [мыслей] и оказался бы, насколько возможно, стремящимся сделать себя соответствующим твоим нравам, тот был бы для тебя самым приятным и самым любезным [человеком]. Если же кто-нибудь сделался бы противоположным [тебе] и непохожим [на тебя], то справедливо заслужил бы порицание и презрение и, быстро лишившийся самой власти, уступил бы [ее] другим, лучшим и способным лучше управлять.

[1, 45] Точно так же и [тот] из царей, имеющих, как я думаю, власть и полномочия от Зевса, который, взирая на него, распоряжался бы (*κοσμή*) и управлял согласно закону и постановлению Зевса справедливо и хорошо, получает прекрасную судьбу и благополучный конец. (46) А [тот], который грешил бы и позорил вверившего [ему] или давшего этот дар, не имел никакого плода от [своей] большой власти и могущества, кроме [того], что до такой степени одно то сделалось ясным всем, [и] при нем [живущим], и последующим, [что он] — дурное и распущенное существо (*ῶν*), повторившее известную по сказаниям участь Фаэтонта, так как [тот] взошел на мощную и божественную колесницу вопреки судьбе, не являясь способным возницей. (47) Да и Гомер говорит [об этом же] примерно так. Кто сам был бы жестоким и жестокого (*ἀπηνέα*) привечал бы, тому, живому, все смертные желали бы в будущем беды, а над умершим все бы насмехались. А кто сам был бы безупречным и безупречного привечал бы, широкую славу того разносят, конечно, [его] гости повсеместно по людям, и многие называют его хорошим¹³. (48) Что же касается меня, [то], как я [уже] говорил, с наибольшим удовольствием и воодушевлением я бы сказал это вот слово о Зевсе и о природе вселенной (*τοῦ παντὸς*). Но так как [оно] является превосходящим все имеющееся [у меня] время и нуждающимся в более основательных доказательствах, возможно, когда-нибудь потом

¹² См. примеч. 12.

¹³ См. [3, XIX, 329–334]: Кто из людей сам жесток, жестоко поступает с другими, Смертные все проклинают такого, живому желают В будущем горя, таким после смерти гнушаются люди. Кто ж непорочен сам, хорошо поступает с другими, Славу широкую гости разносят о нем повсеместно, Многие люди его благородным зовут человеком (пер. П. А. Шуйского).

случится досуг, чтобы его произнести. (49) Так вот, если бы ты хотел услышать какое-нибудь сказание ($\mu\delta\thetaov$), но [еще] больше — священное и здравое слово ($\lambda\acute{o}uov$), изрекаемое в виде сказания, то, может быть, тебе, обдумывающему [его] теперь и позже наедине с собой, не покажется неуместным то, что я когда-то слышал от женщины из Элиды¹⁴ или из Аркадии¹⁵, ведущей [речь] о Геракле.

[1, 50] Так вот, как-[то] случилось мне [быть] в изгнании, будучи некогда осужденным. И я испытал большую благодарность к богам [за то], что они не допустили, чтобы я сделался свидетелем многих и несправедливых деяний. Таким образом, я прошел, как мог, многие земли в одежде и платье нищего, то среди эллинов, то среди варваров, просиящий куски, [а] не мечи и не сосуды¹⁶. И уже когда я пришел в Пелопоннес, я не очень-то шел городами, (51) а [больше] проводил [время] в [сельской] местности, как заслуживающей ознакомления ($\iota\sigma\tau\pi\acute{o}v$), общаясь с пастухами и охотниками, [знакомясь] с обычаями, полными достоинства и [в то же время] простыми. (52) И вот, как-то идущий из Гереи¹⁷ в Пису¹⁸ около Алфея¹⁹, я, [еще] до [того как] встретил [хотя бы] кого-нибудь на пути, наткнулся между тем в каком-то лесу и на неровную местность, и на многие тропинки, ведущие к каким-то стадам быков и стадам [овец], [но], ни с кем не встречаясь и не имея возможности спросить, продолжаю блуждать и [так] проскитался до самого полудня. И тут я, видя на какой-то возвышенности скопление дубов — какую-то священную рощу, понесся [к ней], надеясь увидеть оттуда какую-нибудь дорогу или жилище. (53) И вот, я нахожу [там] какие-то кое-как сложенные камни, и развешенные шкуры жертвенных животных, и дубины, и посохи, как [мне] показалось, — приношения каких-нибудь пастухов, а немного дальше — сидящую женщину,ющую и крупную, почтенного возраста, притом одетую в деревенское платье; косы же какие-то седые она распустила. (54) Ее обо всем этом я расспрашиваю. И она, говоря на дорийском наречии, очень приветливо и радушно сообщила об этом месте, что оно будто бы было посвящено Гераклу, и о [себе] самой, — что будто бы у нее был сын-пастух, да и она сама часто пасла скот; что она владеет искусством прорицания, данным [ей] Матерью богов²⁰, и в ней нуждаются все соседние пастухи и земледельцы для [предсказания] рождения и сохранения плодов и скота.

[1, 55] «И ты пришел, — сказала она, — в это вот место не без божественного предопределения, ибо я не позволю, чтобы ты ушел [от меня] без проку». И после этого она тотчас предсказала, что у меня не будет долговременных скитаний и бедствий. «Ни у тебя, — сказала она, — ни у других людей». (56) Это она говорила совсем не [так], как многие из так называемых боговдохновенных

¹⁴ Элида — область в восточном Пелопоннесе.

¹⁵ Аркадия — гористая область в центре Пелопоннеса.

¹⁶ См. [3, XVII, 222]: «Крохи одни ему подают, не мечи, не сосуды» (пер. П. А. Шуйского).

¹⁷ Город в Аркадии.

¹⁸ Город в Элиде.

¹⁹ Река, на берегах которой располагались названные города.

²⁰ Малоазийское божество — Великая Мать, Кибела.

мужчин и женщин, тяжело дыша, и вращая головой, и стараясь устрашающее смотреть, но очень сдержанно и рассудительно. «Некогда ты встретишься, — сказала она, — с могущественным мужем, правящим весьма обширной страной и [многими] людьми»²¹. [И в этом случае] ты нисколько не медли рассказать [ему] это вот сказание, даже если бы кто-нибудь и вознамерился презирать тебя как болтуна и заблуждающегося (*πλάνητος*). (57) Ведь слова и все мудрствования (*σοφίσματα*) людей не стоят ничего в сравнении с вдохновением и речью, [полученными] от богов. Ибо [все те] слова о богах и вселенной (*σύγκλαυτος*), какие ни [считываются] мудрыми и истинными среди людей, некогда зародились в душе людей никак не без божественной воли и судьбы через [посредство] первых пророчествующих и божественных мужей. (58) Так, говорят, [например], что во Фракии родился некий Орфей, сын Музы; а другой, будучи пастухом, слушал самих Муз на какой-то горе [в] Беотоии²². [Те] же, которые без божественного исступления и вдохновения сами по себе давали жизнь каким-нибудь повествованиям (*λόγους*) в качестве истинных, [были людьми] негодными и порочными. Так вот, слушай это сказание, полностью собравшись и прилагая [все свое] внимание, чтобы [затем], припомнив [его], ты оповестил [о нем] того [человека], с которым, я говорю, ты встретишься. [А сейчас] — о том боге, у которого мы теперь находимся. (59) Итак, он был, как говорят все, сыном Зевса от Алкмены, царем не только Аргоса, но и всей Эллады. Многие об этом не знали, но, потому что он отсутствовал, защищая и охраняя державу, говорят, что тогда царствовал Еврисфей²³. Это вот ими говорится попусту.

[1, 60] [На деле] же он был царем не только Эллады, но правил всей землей от восхода до заката солнца и всеми людьми, (61) у которых есть святилища Геракла. Он был также и просто воспитан: не изворотливым (*πολυτρόπως*) и не наполненным (*περιττώς*) мудрствованиями (*σοφίσμασι*) и коварством злонамеренных людей. Говорят о Геракле еще и то, что он ходил нагой, имея только львиную [шкуру] и палицу. (62) Также и то они говорят, что он совсем не приобретал ни золота, ни серебра, ни нарядов (*έσθῆτα*), но [из] всего не признавал ценным ничего, за исключением [того], чтобы одаривать [людей] и угождать [им]. И действительно, многим он дарил не только несметные богатства и земли, и стада лошадей и коров, но и целые царства и города. Ибо он верил, что все принадлежит ему, и ничто [не является для него] чужим [имуществом], и что к дарившим приходит благорасположение получивших [подарки]. (63) Но нет, право, неистинно говорят то, что он вот один, без войска, обошел [земли]. Ибо невозможно [одному], без [военной] моцки, и города отнимать, и {людей}-тираннов уничтожать, и всеми повсюду повелевать. Говорили еще, что он был работник, и бодрый душой, и достаточно сильный телом (*σῶμα*), и лучше всех трудился, что он сам один ходит и делает все, что он желал бы. (64)

²¹ Женщина предрекает Диону встречу с императором Траяном.

²² В этих словах видят указание на Лина.

²³ Далее в английском переводе опущены слова: «который был из всех самым трудолюбивым и гораздо могущественнее тамошних [правителей]».

И конечно, его отец именно в отношении этого проявлял большую заботу, ниссылая [ему]²⁴ добрые порывы и ведя [его] в сообщество хороших людей. Он давал [ему] также знамения и через птиц, и посредством [жертвенных] огней, и посредством всякого [рода] гадания в каждом отдельном случае.

[1, 65] Когда же он увидел, что тот желает править, не вожделя ни удовольствий, ни выгод, ради которых многие это [дело и] любят, но для того чтобы он мог многое и многим делать хорошо, [тогда он], зная его в сущности (*οὐσίαν*) благородную природу, однако же предполагая, сколь [много] было в нем смертного, и [предполагая также], что многие дурные примеры изнеженности и распущенности и многие [люди] [даже] имеющего хорошие природные задатки (*πεφυκότα ὄρθως*) вопреки его воле (*ἄκοντα*) далеко отклоняют от его природы и разума, послал, размышляющий об этом, Гермеса, приказав, что нужно делать. (66) Тот, прибывший в Фивы, где, будучи юным, воспитывался Геракл, объявил, кто он и от кого послан, и, взявшись его [с собой], ведет по неизвестному и непроходимому для людей пути, пока он не пришел на какую-то вершину горы, отовсюду видимую и очень высокую, внешне страшно обрывистую, с отвесной крутизной и с глубоким ущельем текущей вокруг [нее] реки, издающей большой шум и гул, так что смотрящим снизу вверху видна [только] одна вершина [горы]. В действительности же было две [вершины] с одним основанием, и они значительно отстояли друг от друга. (67) [Одна] из них называлась царской вершиной, посвященной Зевсу-царю, другая же — тиранической, названной именем Тифона²⁵. Извне к ним вели два пути, {к каждой} — [свой]: царская [имела путь] надежный и широкий, так что по нему безопасно и беспрепятственно поднимался [даже] едущий на колеснице, если бы [на это] у него было позволение от величайшего из богов. Другая же [имела путь] узкий и извилистый, и опасный (*βίσιον*), так что многие, испытывающие его, погибают на крутых обрывах и в [речном] потоке, так как они, я думаю, идут против справедливости. (68) Итак, многим кажется, как я [уже] сказала, что они обе — одна [вершина] и притом приблизительно [одинаковы], так как они видят [их] издали. Однако же царская вершина возвышается настолько, что она находится выше облаков в самом чистом и светлом воздухе. А другая [вершина] — гораздо ниже, темная и мрачная; вокруг нее весьма большое скопище облаков. (69) Итак, ведущий [его] туда Гермес показал [ему] сущность (*φύσιν*) [этой] местности. И когда Геракл, как [человек] молодой и честолюбивый, проявляет желание посмотреть находящееся внутри [ее], он говорит: «Так следуй [за мной], чтобы и ты ясно увидел [ее] отличие от других, которое является незаметным для неразумных».

[1, 70] И он указал ему сперва на женщину, сидящую не сверкающем троне на большей вершине, миловидную и статную, наряженную в белые одежды, держащую скипетр, не золотой и не серебряный, но из другого вещества (*φύσεως*), светлого и гораздо более блестящего. Такой преимущественно рисуют Геру. (71) А лицо [у нее —] улычивое и вместе с тем величественное, так что все

²⁴ Вставки «ему» и, далее, «его», сделаны на основании английского перевода.

²⁵ Титан; олицетворение разрушительных сил природы; родитель многих чудовищ.

хорошие [люди] не боялись, видя [ее]; ни один же плохой [человек] не мог [ее] видеть, подобно тому как [наш] слабый взор совершенно не [способен] смотреть на круг солнца. И притом выражение ее [лица всегда] оказывалось постоянным и одинаковым, и взгляд — внимательным. (72) Место же это наполняют великое благоговейное безмолвие и тихий покой. [Там] все было насыщено плодами и обильно размножившимися животными всякого рода. Находилось в этом [месте] также собранное в кучи неисчислимое золото, и серебро, и медь, и железо. Однако она совсем не обращала внимания на золото и не радовалась [ему], (73) но скорее [радовалась] плодам и животным. Видя ее, Геракл смущился и покраснел, почтавший и уважающий [ее], как хороший дитя благородную мать, и спросил Гермеса, кем из богов она является. И тот сказал: «Та, [что] перед тобой, — благое божество (*δαίμων*) Царская Власть (*Βασιλεία*), дитя Зевса-царя». Геракл же возрадовался и стал при ней смелее. И затем спросил о женщинах около нее. «Кто они такие? — сказал он. — Как они приятны, и статны, и мужественны [видом]!» (74) [Тот] сказал: «Эта вот, смотрящая на тебя и сурово, и ласково, сидящая справа, — Справедливость (*Δίκη*), блестящая выдающейся и ярчайшей красотой. Возле нее — Законность (*Εὐνομία*), очень [на нее] похожая и мало отличающаяся [от нее] видом.

[1, 75] В [свою] очередь, на другой стороне — женщина, весьма молодая, и роскошно наряженная, и беспечно (*ἀλύπως*) улыбающаяся. Ее зовут Миронница (*Εἰρήνην*). А этот, ставший близко к Царской Власти, впереди, у самого скрипетра, муж, седой и великий духом, зовется Закон (*Νόμος*). Он также называется и правильным разумением (*λόγος*), советником и помощником, без которого им не позволено ничего делать и [даже] обсуждать». (76) Так вот, слыша и видя это, он радовался и напрягал [свое] внимание, чтобы никогда их не забыть. Когда они, спускаясь отсюда, подошли к тираническому входу, [Гермес] сказал: «Давай посмотри и на другую [женщину]²⁶, к которой многие стремятся и из-за которой у них бывает множество всяческих злоключений (*πράγματα*): они убивают; [сами] страдают; дети часто строят козни родителям, и родители — детям; и братья — братьям, имея предметом желанья и считая счастьем величайшее зло — власть в соединении со своею волей (*ἀνοίας*)». (77) И тут он сперва показал ему относящееся к входу, так что ясно обнаружился один [путь], и приблизительно такой же, о котором я раньше говорила, [а именно] — опасный и идущий у самого обрыва; [было] также много незаметных и невидимых проходов, и все место вокруг прокопано и прорыто вплоть до самого, я думаю, трона, а все проходы и тропы испачканы кровью и заполнены мертвыми. Однако ни по одному из них [он] его не повел, но [повел по] более чистому наружному, как намеревающегося быть, я думаю, [только] зрителем. (78) После же того как они вошли, они попадают к Тираннической Власти (*Τυραννίδα*), достаточно высоко сидящей, подражающей и уподобляющей себя Царской Власти, [в основном] же, как она имела в обычае, с помощью гораздо более высокого и более пышного трона, имеющего еще и тысячи неких резных

²⁶ Вставка по английскому переводу.

украшений ($\gamma\lambda\nu\phi\alpha\varsigma$), и с накладкой из золота, и слоновой кости, и электра²⁷, и эбена²⁸, и расписанного всяческими красками. Однако же в основании этот трон был непрочный и не укрепленный, но трясущийся и проседающий. (79) Также и все другое [у нее] лежало в беспорядке, но ради всяческой славы, и хвастовства, и роскоши [было] много скрипетров, много также тиар и диадем для головы. И еще вот, подражая нраву той, она вместо дружественной улыбки выдавливалась язвительную и коварную, вместо величественного взгляда взирала угрюмым и суровым.

[1, 80] А чтобы казаться возвышенной духом, она не смотрела на приходящих, но взирала поверх [них] и пренебрегала [ими]. Из-за этого она сделалась всем ненавистной, а [сама же] она всех подозревала. И сидяшая, она не могла быть спокойной: часто оглядывалась вокруг и непрестанно вскакивала с трона. Золото же она [то] позорно хранила за пазухой, а [то] выбрасывала назад, [чего-то] внезапно испугавшись; потом тотчас хватала то, что имел бы кто-нибудь из приходящих, притом [даже] самое малое. (81) Одежда же [у нее была] всяческая, частью пурпурных [цветов]²⁹, частью красных, частью шафранных. Однако некоторые из платьев казались ветхими, а многое из одежды было даже разорвано. Цвет [ее лица], боящийся, и тревожащийся, и подозревающей, и сердящейся, всячески изменялся, и она казалась то угнетенной от печали, а то приподнятой от радости; и одно мгновение она очень несдержанно смеялась [всем] лицом и тотчас опять плакала. (82) Около нее было также сборище женщин, нисколько не похожих на тех, которые, я [уже] говорила, находятся около Царской Власти, а [таких, как] Жестокость ($\Omega\mu\tau\eta\varsigma$), и Дерзость ($\Upsilon\beta\rho\iota\varsigma$), и Беззаконие ($\Lambda\alpha\nu\mu\alpha$), и Клика ($\Sigma\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$), которые все [вместе] разворачивали ее и самым порочным образом вели к гибели. А вместо Дружбы ($\Phi\lambda\iota\alpha$) [при ней] была Лесть ($Ko\lambda\kappa\epsilon\alpha$), раболепствующая и корыстная, злоумышляющая не меньше ни одной из них, но больше всех стремящаяся губить. (83) Когда же и на [все] это он достаточно насмотрелся, Гермес выведывает у него, какое бы из двух [видов ведения] дел и какая бы из двух женщин ему понравилась. «Все же, — сказал он, — я восхищаюсь и люблю ту другую [женщину], и мне кажется, что она истинно является богиней, достойной подражания и прославления. А эту, вторую, я именно считаю самой противной и самой скверной, так что с величайшей радостью согнал бы ее с этой скалы и удалил бы». Это вот Гермес похвалил и сообщил [о том] Зевсу. (84) И тот поручил ему царствовать над всем родом людей, как являющемуся способным [на это]. Поэтому, где бы ни увидел он тираннию и тиранна, он [это] карал и разрушал, как у эллинов, так и у варваров. Где же [он видел] царскую власть и царя, он [это] почитал и охранял», — [закончила она]³⁰.

И вследствие этого он является спасителем земли и людей, [но] не [в том смысле, я полагаю], что он отразил от них зверей: ибо и сколь великое что-

²⁷ Сплав золота и серебра.

²⁸ Черное дерево.

²⁹ Вставка по английскому переводу.

³⁰ Вставка сделана с учетом английского перевода.

нибудь повредил бы лев или дикая свинья?³¹ — а [в том смысле], что он исправлял грубых и дурных людей и разрушал и устранил самовластие высокомерных тираннов. Он и теперь все еще делает это и является для тебя помощником и стражем [твоей] власти, до тех пор пока тебе случилось бы быть царствующим.

Перевод с древнегреческого В. Т. Звиревича

-
1. *Доватур А. И.* Феогnid и его время. Л., 1989. С. 159.
 2. *Гомер. Илиада II* / пер. Н. И. Гнедича. Л., 1990.
 3. *Гомер. Одиссея*. Свердловск, 1948.
 4. *Платон*. Государство, 345с, 421б.
 5. *Dio Chrysostom. On Kingship* [Электронный ресурс]. URL: <http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/>

Рукопись поступила в редакцию 7 февраля 2012 г.

³¹ Среди подвигов Геракла — убийство Немейского льва и поимка Эримантского вепря.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 141.82 + 140.8 + 141.811 + 111.11

Т. В. Шекунова

МАРКСИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XVIII в.

В статье анализируется марксистская оценка философских взглядов русских философов XVIII в. М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, Г. С. Сковороды, представленная в статьях, помещенных в журнале «Под знаменем марксизма».

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, Г. С. Сковорода, материализм, наука, естествознание, гносеология, историография.

Историография русской философии до сих пор является слабо разработанной областью современной историко-философской науки, несмотря на то, что в монографиях и статьях опубликованы отдельные ее фрагменты. А среди имеющихся публикаций работ, посвященных истории русской философии, марксистская ее историография, особенно первых десятилетий советской власти, представлена лишь частично. Одной из причин такого положения является отсутствие четкого представления о комплексе историко-философских источников, дающих для нее информацию. По нашему мнению, одним из таких источников является журнал «Под знаменем марксизма», выходивший с 1922 по 1974 г. За это время в нем опубликовано несколько десятков статей и рецензий, посвященных русской философии. Примером марксистской ее оценки являются статьи о русской философии XVIII в., и прежде всего главных ее представителях — М. В. Ломоносове, А. Н. Радищеве, Г. С. Сковороде.

В декабре 1936 г. страна отмечала 225-ю годовщину со дня рождения выдающегося русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова. На торжественном заседании Академии наук и Московского университета, посвященном

этой дате, с докладом выступил непременный секретарь Академии академик Н. П. Горбунов. Текст его доклада «Михаил Васильевич Ломоносов и русская наука» был опубликован в журнале «Под знаменем марксизма» (1936. № 12). Помимо традиционных, устоявшихся оценок выдающейся роли русского ученого в развитии не только русской, но и мировой науки в этом докладе отмечено несколько весьма важных моментов, характеризующих М. В. Ломоносова не только как ученого-естествоиспытателя, но и философа-материалиста. Заявив, что «определить полностью роль и значение Ломоносова в развитии теории познания в настоящее время не представляется возможным, т. к. никто еще не подходил к изучению его научного наследия с этой точки зрения» [3, 129], академик Н. П. Горбунов показывает, как, «отметив большую заслугу Декарта перед современной философией, Ломоносов пошел дальше его, утверждая союз “мысленного рассуждения” с опытом» [Там же].

Вполне оправданным и перспективным для дальнейшего изучения взглядов Ломоносова было и другое его заявление: «Деятельность Ломоносова в области естествознания и все его научное мировоззрение базировались на основах материалистической философии. Более того, своими научными открытиями, формулировкой фундаментальных законов естествознания Ломоносов много сделал для развития материализма» [Там же]. Помимо решения с материалистических позиций ряда проблем естествознания, например закона сохранения материи, докладчик отмечает вклад Ломоносова в разработку проблем философии языка, его практические рекомендации в области минералогии, освоения Северного морского пути и др. Наконец, в докладе прозвучало пожелание «отметить заслуги Ломоносова перед русской наукой и культурой присвоением Московскому государственному университету, который был создан по его инициативе, имени Ломоносова» [Там же, 116].

В следующем номере журнал был помещена статья академика И. Замотина «М. В. Ломоносов как писатель» (1937. № 1), который отметил вклад ученого в создание научной и философской поэзии, развитие отечественной публицистики, что доказывается такими его работами, как «Об исправлении земледелия», «Об исправлении и распространении ремесленных дел и художеств», «О лучшей государственной экономии», «Об истреблении праздности» и др. Отталкиваясь от известного места из регламента Московского университета 1759 г., составленного Ломоносовым: «Духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях», — академик Замотин большую часть статьи посвятил анализу борьбы ученого с «религиозным суеверием и изуверством, становящимися на пути науки» [4, 103].

Наконец, журнал опубликовал специальную статью И. Бурмистенко «Философские взгляды Ломоносова» (1938. № 9), по сути первую в марксистской историографии русской философии. В ней автор специальные главы посвятил теоретико-познавательным взглядам Ломоносова, защите им гелиоцентрической теории Коперника, борьбе Ломоносова против религии. Все это он рассматривает на основе общеизвестных оценок творчества ученого, начиная с высказывания французского академика Ле Клерка на похоронах Ломоносова

(«Не стало человека, имя которого составит эпоху в летописях человеческого разума, обширного и блестящего гения, обнимающего и озаряющего вокруг многие отрасли») и заканчивая собственными утверждениями: «Будучи химиком по преимуществу, Ломоносов глубоко прозревает в связь химии с физикой, изучает последнюю и создает физическую химию... Он пишет книгу по истории России... Ломоносов — отец русской литературы и выдающийся поэт... Ломоносов кладет основание русскому научному языку. В своих определениях он обнаруживает философский и исторический подход» [2, 114–115].

Гносеология Ломоносова поконится на философских представлениях Декарта, Локка, Гоббса, Лейбница, французских материалистов, работы которых он знал. Как материалистически ориентированный естествоиспытатель, Ломоносов утверждал объективное существование мира, отражающегося в нашем сознании. Одна из его формулировок гласит: «Идеями называется представление вещей в нашем сознании; например: мы имеем идею о часах, когда их самих или вид оных без них в уме представляем» [8, 18].

Все остальные научные и философские утверждения ученого также носят материалистический характер. Он, например, говорит о единстве мысли и ощущения, связи сущности, закона и явления, теории и практики. Философские взгляды Ломоносова И. Бурмистенко характеризует как натурфилософский материализм, подробно анализируя атомистические представления ученого, изложенные в его работе 1744 г. «О нечувственных физических частицах», формулировку им закона сохранения энергии, идею Ломоносова о материальности мира и его изменчивости, защиту им гелиоцентрической теории Коперника. Автор не обходит вниманием и сложный вопрос об отношении Ломоносова к религии. Несомненно автор пытается представить Ломоносова ярким противником религии, он не может обойти те представления ученого, где в духе деизма тот говорит о сотворении мира Богом, о возможности в познании соединить научные и религиозные представления. Ломоносов считает, что величие Бога постигается через «уразумение» законов мира, им сотворенного, но познание законов этого мира достигается научным путем: «Все сии приобщения великой природы, везде с пользою нашей соединенные, какое воображение начертать могут в мыслях наших о величестве дел божиих, созданных от него естественными законами производимых!» [Там же, 250]. Поэтому в представлении Ломоносова «правда и вера суть две сестры родные» [Там же, 124] и между ними не может быть ссор и споров. Сила Ломоносова-ученого в другом — в критике суеверий и предрассудков, утверждавшихся религией, в доказательстве возможности науки проникнуть во все явления природы, вплоть до грозных и непонятных.

Знаковой фигурой русской философии XVIII в. является Александр Николаевич Радищев. В 1924 г. журнал отмечал 175-летие со дня его рождения статьей И. К. Лупполя «Трагедия русского материалиста XVIII века». Особенностью этой статьи является редко присутствующее в 20-е гг. соотнесение философских и социально-политических взглядов мыслителя с развитием европейской и отечественной мысли и социально-политической обстановкой в стране. Кроме того, автор проанализировал и дал критическую оценку не-

многочисленным работам о Радищеве, которые публиковались в конце XIX — начале XX в. В политическом плане Радищев для Лупполя «был в числе первых и немногих, кто в одиночку начал борьбу с... полицейским государством, кто хотел в России, — когда для этой страны не исполнилась еще мера времени, — видеть одновременно с Западом переход от абсолютизма к “народному правлению”. Это “народное правление”, по существу, буржуазное государство с формальной демократией и во второй половине XIX в. продолжало для России оставаться *будущим* и никак не *передвигалась* в настоящее» [11, 28].

Главный философский трактат Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии» задумывался автором как «разговоры наедине с собой». Он полон противоречий. Русский философ, воспитанный на английском эмпиризме и французском сенсуализме, все время подчеркивает значение опыта и роли чувств как источников познания. Эмпирическое знание не исключает возможности его теоретического обобщения и установления отвлеченных начал. Эти материалистические положения Радищев изложил в первой части трактата, посвятив вторую его часть доказательству смертности человека. Материалистические доводы против бессмертия души у Радищева сменяются попытками это бессмертие все же доказать, что, по мысли Лупполя, является «трагедией Радищева-материалиста». Разобрав эти доводы «за» и «против» бессмертия, автор статьи пишет: «Первые две части трактата, в которых Радищев выступает определенным материалистом, *mutatis mutandis* можно было бы назвать критикой чистого разума; вторые две части, в которых он же готов склониться к “мнению, утешение вливающему в душу скорбящую” — критикой практического разума. Но трагизм усугубляется еще тем, что желающий верить в личное бессмертие Радищев не видит для такой шаткой веры никакого основания, кроме не менее шаткой надежды, а Радищев-материалист чувствует, что как ни сильны его позиции, он сдает их без боя ради утешения Радищева-действа» [Там же, 44].

Считаем: вполне доказаны проведенным им анализом заключительные абзацы статьи Лупполя: «Раздвоенность, выстраданная Радищевым, быть может, не делает чести ему как философу. Последовательным, законченным материалистом он не был. Но он и не мог быть таковым. Для этого нужна была иная обстановка, иная группировка классов и иная личная судьба. Радищева, пожалуй, больше чем кого другого необходимо брать не только в связи его идей, но и в связи с той почвой, на которой он рос и которая его питала... Налицо был созревший мыслитель, но этому мыслителю не хватало сил, которые ему должны были дать окружающие; окружающие же еще сами не созрели. Вместо того чтобы идти вперед, Радищев остановился в своем развитии, остановив намечавшееся было развитие *русского материализма*. Кроме него в то время этой задачи никто не в силах был выполнить, и она осталась незавершенной.

Но в своих заблуждениях он был прав: он не умер, не исчез бесследно; он живет и долго еще будет жить в этом мире, правда, не так, как думал он сам, а так, как думал другой материалист, Дидро, — *в памяти поколений*» [Там же, 47–48].

Спустя 14 лет журнал «Под знаменем марксизма» посвятил Радищеву еще одну большую публикацию — статью Я. Бетяева «Политические и философские

взгляды А. Н. Радищева» (1938. № 8). Она демонстрирует изменившиеся подходы и оценки развития русской философии, связанные с политизацией общественной мысли вообще. Эта статья отличается от предыдущей тем, что акцент в ней смешается на революционный демократизм русского мыслителя, автор доказывает его десятком часто неполных, купированных цитат, в которых Радищев резко выступает против царя и крепостного права. Обнаружив их в оде «Вольность», «Путешествие из Петербурга в Москву» и других произведениях Радищева, автор делает вывод: «Вполне справедливо в Радищеве видят прежде всего великого и пламенного патриота, которому близки страдания народных масс, видят смелого и решительного борца с крепостничеством. Это верно. Это подтверждается и тем, что характеристика зол крепостного строя в России занимает наибольшее место во всем литературном наследии Радищева, и тем, что сам Радищев видел в этом основное и центральное звено всей своей литературной деятельности и жизни вообще» [1, 98]. Он, считает автор, первый «из представителей дворянских революционеров, начинавших революционную борьбу с самодержавием» [Там же, 110]. Позже, в 60-е гг., вокруг общественно-политических взглядов Радищева возникла дискуссия, поскольку к этому времени одни историки русской философии считали его дворянским демократом, другие — революционным демократом, третьи — крестьянским демократом [5–7]. Наконец, существовала точка зрения утверждавшая, что в конце жизни Радищев, переживая духовный кризис, отказался от идеи крестьянской революции и стал апеллировать к просвещенному монарху, который может сверху отменить крепостное право [13, 126–128].

Большое место в статье Я. Бетяева уделяется философским взглядам Радищева. Для автора он действует («Деистическая струя в философии Радищева идет по двум линиям: по линии признания им бога как творца и вседержателя вселенной и по линии его учения о бессмертии» [1, 107]) и «механист» («Он понимал природу не как комплекс процессов, а как совокупность качественно неизменных тел. Движение им понималось механически, как перемена места в пространстве. Причиной движения являются внешние толчки, сообщаемые друг другу телами и их частичками. Все формы движения материи — сложные и высшие — сводились им к комбинациям простых движений» [Там же]).

Хотя Я. Бетяев и указывает на противоречия между первыми и последними главами трактата Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии», детально их, в отличие от Лупполя, он не разбирает, а в качестве вывода всей статьи пишет: «И все же, несмотря на эти противоречия, Радищев остается на позициях материализма» [Там же, 109].

Ближайшим последователем А. Н. Радищева в журнале «Под знаменем марксизма» объявляется Иван Петрович Пнин. Специальную статью «Русский гольбахианец XVIII века» (1925. № 3) ему посвятил И. К. Луппоп. Автор предпринял попытку доказать, что «материалистическая струя у нас была значительно сильнее, чем о том обычно думали и продолжают думать». Проанализировав анонимные статьи «Санкт-Петербургского журнала», издававшегося И. Пнином (он выходил в свет лишь в 1798 г.), Луппоп пришел к выводу, что часть этих статей являются переводами некоторых глав двух книг французского материа-

листа XVIII в. П. А. Гольбаха «Система природы» и «Всеобщая мораль». Он говорит о «наличии известного согласия редактора журнала со взглядами материалиста» [10, 90]. При этом Луппоп доказательно утверждает, что Пнин является не прямым учеником Радищева, а лишь его последователем.

Пнин не был философом в прямом смысле слова. Его наследие — это несколько од, имеющих несомненное философское содержание, статья «Опыт о просвещении относительно к России» и письмо Александру I «Вопль невинности», написанное с позиций естественного права. Наибольший интерес, считает Луппоп, представляют оды: «Время», в ней Пнин утверждает вечность времени; «Бог» с ее «сердечной» теодицеей («Спросил я сердце и решение в моих чувствах нашел») и «Человек», в которой, в противовес державинской оде «Бог», утверждается, что не Бог, а человек «зиждитель есть вселенной». А в оде «Солнце неподвижно между планетами» Пнин защищает коперниковскую картину Вселенной. Вывод статьи Лупполя о Пнине таков: «Он менее талантлив, чем Радищев, он не первый по времени русский радикал, но при всем этом он делает шаг вперед по сравнению с Радищевым прежде всего как *пропагандист*, далее как один из весьма немногих, если не единственных, открытый деятель на идеином фронте в эпоху Павла; наконец, он является видным соединительным звеном в истории материализма в России — звеном, которое исторически связало Радищева с декабристами, “внуками” французского материализма XVIII века» [Там же, 102].

Вторая статья Лупполя «Из материалов и документов по истории материализма в России. Извлечения Н. Д. из “Социальной системы” Гольбаха» является образцом источниковедческого доказательства, что статьи «Человек», «Философ», «Интерес, польза, корысть, выгода», «Прибыток», «О должностях человека или о нравственной его обязанности», «Надежда», «О добродетели» и «Порок», помещенные в русском журнале «Зеркало Света» (1786–1787), а затем перепечатанные в «Ручной книжке человека и гражданина, или Рассуждение о должностях» (СПб., 1805), являются переводом, порой достаточно вольным, глав книги Гольбаха «Социальная система», а переводил их, как установил Луппоп, Н. Даниловский. Разобрав некоторые отступления от подлинного текста, которые сделал переводчик, и те места статей, которые Гольбаху явно не принадлежат, автор статьи делает вывод, что Даниловский «не самостоятельный и оригинальный мыслитель, но один из русских людей XVIII в., который, найдя этическую концепцию Гольбаха правильной и обладая литературным талантом, поставил себе задачу пропагандировать идеи Гольбаха (поневоле скрывая это одиозное имя) на русской почве» [9, 35].

Обращение к русской философии XVIII в. журнал «Под знаменем марксизма» закончил статьей О. В. Трахтенберга «Очерк философии Григория Сковороды» (1944. № 4–5), помещенной в его последнем номере. Она на долгие годы определила характеристику русско-украинского философа Г. Сковороды как демократа-просветителя.

Сковорода — один из тех философов, оценка мировоззрения которого у разных историков философии диаметрально противоположна. Трахтенберг знал все изданные к тому времени произведения Сковороды и оценки его творчества.

Он считал, что «разные Эрны, Чижевские и К° навязывают нам образ Сковороды как чисто религиозного мыслителя, как богообоязненного теолога» [12, 40], и поэтому поставил задачу доказать обратное. Поскольку религиозное содержание большинства произведений Сковороды было явным, автор статьи объявил: «Религиозная, в особенности библейская, тематика и соответствующий стиль изложения — для Сковороды лишь форма, в которой живет и дышит земное содержание» [Там же]. А частое обращение философа к Библии он объявляет «поэтическим творением с чисто аллегорическим содержанием», утверждая, что «Библию же в ее наличной форме Сковорода резко критикует, сближаясь в своей критике с вольтерьянцами и энциклопедистами. Этим доказывается лишний раз, что он истинный сын рационалистического века Просвещения» [Там же].

Жизнь Сковороды — это ясно обозначенная жажда свободы самовыражения, противостояния церковным установлениям, что выразилось в его отказе принять монашеский сан после учебы в духовной академии, в его спорах с церковным начальством тех учебных заведений, где он преподавал. Приведя примеры такой позиции Сковороды, Трахтенберг делает вывод: «Фактически вопреки своей внешней форме философия Сковороды пропагандировала эманципацию от теологии, высвобождение из-под церковного гнета» [Там же, 41].

Значительную часть своей статьи автор посвящает философскому содержанию мировоззрения Сковороды. По его мнению, философ в своих произведениях считает, что природа безначальна, вечна во времени, бесконечна в пространстве, что в ней существует множество возможно обитаемых миров, что она причина самой себя. В этом случае возникает вопрос о наличии Бога как творца природы. С этим необходимо определиться, поскольку понятие «Бог» встречается в большинстве произведений философа. Трахтенберг утверждает: Сковорода — пантегист, Бог у него сливаются с природой, он и есть природа, Бог как природа постоянно активен, как «рождающая природа», он общий закон и разум мира, он, наконец, «форма». Есть и вторая, «порожденная» природа, или «материя». Они неотделимы друг от друга, обе вечны, но приоритет принадлежит форме. Трахтенберг считает такую точку зрения «как будто идеализмом» и продолжает: «Но сказать так и ограничиться этим — значило бы односторонне подойти к данному вопросу. Достаточно припомнить ряд ведущих к материализму положений: вечность материи, необходимость и неразделимость ее с формой, пространственность природы и т. д. Мы не находим также у Сковороды никаких следов субъективизма, феноменализма» [Там же, 43]. А затем, опираясь на ленинское высказывание о «компании между идеализмом и материализмом», он отмечает, что материалистические высказывания у Сковороды «перебиваются явно идеалистическими тенденциями», а «элементы идеализма, столь значительные у Сковороды, вполне объяснимы исторической ситуацией, и они в условиях XVIII в. не делают философию менее прогрессивной» [Там же]. Кроме того, приведя ряд высказываний философа, Трахтенберг утверждает, что в них «нетрудно заметить диалектические моменты, но у него нет еще действительного понимания развития как качественного изменения, как возникновения нового» [Там же, 44].

Вторую половину статьи автор посвящает доказательству, что «Сковорода не только просветитель, но и решительный демократ» [12, 45]. Примерами такой позиции философа являются его критика социального неравенства, порождаемого имущественным неравенством, постоянное требование «сродности», т. е. равенства между людьми и труда как основы социального механизма. А на основании одного высказывания Сковороды («Много прежде подлежит развалить, разломать и искрошить, чем придет время строить на старом грунте новую храмину!») автор делает вывод, что «Сковорода не чуждался мысли о разрушении, о ломке старых порядков. Хотя и приглушенно, но у него звучат революционные нотки» [Там же, 46].

Так понятая мировоззренческая позиция русско-украинского философа привела автора к выводу: «Сковорода, стоявший на уровне передовой западно-европейской мысли XVIII в., был создателем самобытной, цельной и оригинальной философии. Он был одним из первых философов тогдашней России» [Там же, 49].

Проведенный нами анализ взглядов главных представителей философии XVIII в. по публикациям журнала «Под знаменем марксизма» свидетельствует об их явной марксистской ориентации. Любые идеалистические или религиозные рассуждения в работах философов трактовались авторами статей журнала в пользу диалектики и материализма. Важно то, что на протяжении полувека эти марксистские и материалистические оценки творчества М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева и Г. С. Сковороды, сформированные редакционной коллегией журнала, оставались господствующими в историко-философской литературе.

-
1. Бетяев Я. Политические и философские взгляды А. Н. Радищева // Под знаменем марксизма. 1938. № 8.
 2. Бурмистенко И. Философские взгляды Ломоносова // Там же. № 9.
 3. Горбунов Н. П. Михаил Васильевич Ломоносов и русская наука // Там же. 1936. № 12.
 4. Замотин И. М. В. Ломоносов как писатель // Там же. 1937. № 1.
 5. Корякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу: 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М., 1966.
 6. Шторм Г. Потаенный Радищев: (Вторая жизнь «Из Петербурга в Москву»). М., 1965.
 7. Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М. ; Л., 1966.
 8. Ломоносов М. В. Сочинения. Т. 3, 5, 7. СПб., 1895.
 9. Луппол И. Из материалов и документов по истории материализма в России // Под знаменем марксизма. 1925. № 12.
 10. Луппол И. Русский гольбахианец XVIII в. // Там же. 1925. № 3.
 11. Луппол И. Трагедия русского материализма XVIII века // Там же. 1924. № 6–7.
 12. Трахтенберг О. Очерк философии Григория Сковороды // Там же. 1944. № 4–5.
 13. Шторм Г. Против мнимого новаторства // Коммунист. 1968. № 10.

Рукопись поступила в редакцию 17 апреля 2012 г.

УДК 323.174(470.57) + 070.431.2

А. С. Иванов**ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ОСВЕЩЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН В 2008–2011 гг.:
ОПЫТ МОНИТОРИНГА НОВОСТНЫХ ЛЕНТ
РОССИЙСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ**

В статье приводятся результаты мониторинга политических событий в Республике Башкортостан за 2008–2011 гг. Анализу подвергаются новостные ленты российских информационных агентств. Выделяются два ключевых критерия в классификации политических событий — продолжительность и характер. В результате их сочетания автор выявляет четыре различных типа освещения политических событий, произошедших в Республике Башкортостан в 2008–2011 гг. с участием высших представителей региональной исполнительной власти, которые последовательно анализируются в материале.

Ключевые слова: мониторинг, региональная исполнительная власть, информационное агентство, Республика Башкортостан, политическое событие, динамика, освещение политических событий.

Современное общество существует в мире множества разнообразных информационных потоков. Информация пронизывает буквально все его поры, проходя то по горизонтали, то по вертикали. Человеку порой непросто ориентироваться во всем этом многообразии. И здесь на помощь приходят средства массовой коммуникации, которые упрощают восприятие человеком многочисленных сообщений. Одним из важнейших инструментов коммуникации выступают средства массовой информации. Именно они делают информацию об определенных событиях доступной для широкой аудитории. Еще на заре серьезного изучения проблемы политической коммуникации Уолтер Липпман отмечал: «Каждый из нас живет и работает лишь на маленьком клочке земной поверхности, двигаясь по ограниченному кругу, и знает близко лишь небольшое число людей. Мы способны познавать только аспекты или фазы крупных общественных событий, имеющих далекодущие последствия... В результате наше мнение неизбежно охватывает большое пространство, более длительный период времени, более широкий круг вещей, нежели мы способны непосредственно наблюдать. Следовательно, это мнение складывается из того, что сообщается другими людьми, и того, что мы сами способны вообразить» [6, 39–40]. Иными словами, мы доверяемся тем, кто профессионально занимается трансляцией сообщений о происходящем событии каждому человеку, заинтересованному в подобной информации.

Смысл слова «событие» можно выразить так: это «то, что уже произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни» [4, 740]. Политическое событие соответственно означает нечто значительное, произошедшее в общественно-политической жизни. Однако следует разграничивать понятия «политическое событие» и «политический факт». Политическое

событие имеет более сложный характер и может включать в себя некую совокупность политических фактов. В событии выявляются элементы качественно нового процесса, своего рода «истина порядка» [5, 123].

Политические события через средства массовой информации проходят своеобразный отсев, в зависимости от степени важности, значимости и интереса со стороны заказчика и массовой аудитории. Но и широко освещаемым политическим событиям уделяется различное внимание: одни освещаются кратковременно, другие долговременно; часть событий описывается подробно, другая часть — эпизодично.

И здесь мы сталкиваемся еще с двумя ключевыми понятиями, используемыми в процессе трансляции сути политических событий массовой аудитории. Важнейшим из них является понятие «динамика», которое означает «ход развития, изменения какого-нибудь явления» [4, 166]. Следовательно, определенное политическое событие постоянно развивается, проходя последовательно ряд стадий, вплоть до своего логического завершения. Еще одно понятие — понятие «передача информации». «Передать» означает «распространить, довести до кого-нибудь каким-нибудь способом» определенную информацию [Там же]. Передача сообщения о произошедшем событии происходит уже после того, как оно произошло. Следовательно, освещение событий средствами массовой информации будет всегда идти вслед за самим событием.

Таким образом, политическое событие, являясь уникальным набором фактов, развивается по определенной динамике во временном пространстве, имеет различную продолжительность и освещается средствами массовой информации только после того, как факты этого события становятся реальностью.

Среди многочисленных разновидностей средств массовой информации особое место занимают информационные агентства. Информация, которая размещается на новостных лентах агентств, в большинстве своем лишена экспрессии и нечеткости, свойственных, к примеру, телевидению, радио и газетам. Сама информация в новостном сообщении о событии строится по принципу «дата сообщения — место проведения — основные участники — основные события». Иными словами, сообщения, помещенные в новостную ленту информационного агентства, отличаются большой четкостью и конкретностью и размещаются в строгом хронологическом порядке. Вот почему новостные ленты информационных агентств более всего помогают проследить динамику развития того или иного политического события и выявить некие общие закономерности в его освещении (передаче).

В современной России особое место в формировании новостной повестки дня традиционно отводится государству. Вот что пишет по этому поводу М. В. Мамонов: «...содержание коммуникационных процессов в публичной сфере определяется желанием ключевых политических акторов формировать повестку дня и неготовностью большей части населения самостоятельно осуществлять сбор и переработку общественно-политической информации. Это превращает публичное пространство в важный элемент презентации интересов отдельных участников, прежде всего органов власти, чьи интересы систематизируются в рамках информационной политики...» [3, 30]. Безусловно, все вышеизложенное

в полной мере относится к органам исполнительной власти, занимающим доминирующее положение в российской политической системе.

В отличие от федерального уровня в российских регионах информационное пространство менее объемно, а потому более замкнуто. Пожалуй, одним из основных «њьюс-мейкеров» в региональной политике является исполнительная власть – ее руководящий состав. Именно региональная исполнительная власть во многом формирует новостную повестку дня, создавая многочисленные информационные поводы. Многие важнейшие политические события регионального значения происходят с ее участием, что подтверждается эмпирическими данными по Республике Башкортостан.

В 2009 г. нами был начат проект «Региональная исполнительная власть глазами российских информационных агентств», основной целью которого было определение характерных особенностей в освещении электронными средствами массовой коммуникации деятельности высших представителей исполнительной власти Республики Башкортостан (глава региона и председатель регионального правительства). Эмпирической базой нашего анализа стали результаты мониторинга новостных лент российских федеральных и региональных информационных агентств – РИА «Новости», «Росбалт», «REGNUM» и «Башинформ», предпринятого автором и осуществленного за период с 01.01.2008 по 31.12.2011 г. [2, 428–434]. В ходе проведения исследования выяснилось, что лишь несколько ключевых политических событий было освещено без прямого упоминания руководства региональной исполнительной власти – переговоры по передаче контроля сторонним бизнес-структурам над республиканскими предприятиями топливно-энергетического комплекса (2008–2009) и судебные разбирательства по делу бывшего представителя республики в Совете Федерации РФ И. Измельцева (2008–2011). И хотя прямые и косвенные упоминания высших представителей региональной исполнительной власти количественно на новостных лентах не доминировали¹, однако некоторые политические события с их участием оказали заметное воздействие на развитие региона в последующем.

Освещение политических событий с участием руководства региональной исполнительной власти в исследуемый период на новостных лентах имело различный характер и динамику. Автором были выделены два ключевых критерия для последующей их классификации: 1) продолжительность по времени (кратковременные и долговременные) и 2) характер (стандартные и экстренные)². В результате совмещения этих двух критериев было выделено четыре типа освещения динамики политических событий информационными агент-

¹ Например, доля сообщений с упоминанием высших представителей региональной исполнительной власти в исследуемый период (выборочная совокупность) у анализировавшихся автором новостных лент информационных агентств от всего количества сообщений (генеральная совокупность) в среднем составляла: ИА «Башинформ» – 11,7 %; РИА «Новости – Поволжье» – 10,8 %, ИА «Росбалт» – 39,6 %, ИА «REGNUM» – 13,5 %.

² Подбор автором материала для анализа и последующей типологизации обусловлен тем обстоятельством, что политическое событие освещалось несколькими новостными лентами российских информационных агентств.

ствами: 1) кратковременные стандартные; 2) кратковременные экстренные; 3) долговременные стандартные; 4) долговременные экстренные.

Для обоснования данной типологизации обратимся к результатам проведенного мониторинга.

Кратковременные стандартные политические события. Это заранее запланированные политические события (личная встреча, рабочая поездка), носят недолговременный характер, а потому однокоментны. Их освещение на новостных лентах происходит следующим образом: в предшествующий событию период времени о нем нет никаких упоминаний; в день, когда свершается событие, на лентах появляется максимальное количество сообщений о нем, достигается своеобразная кульминация в освещении события; в последующий период, после того как событие произошло, о нем больше не размещается никаких сообщений. В качестве примера можно привести рабочую встречу главы региона Р. Хамитова с Президентом РФ Д. Медведевым в Москве, произошедшую 21 октября 2010 г. На рис. 1 можно видеть динамику освещения данного события: в период с 18 по 20 октября сообщения о событии отсутствуют; в день встречи, 21 октября, наблюдается рост количества сообщений о мероприятии (размещено 4 сообщения); начиная с последующего после события дня, 22 октября и далее, сообщений о произошедшем событии больше не размещается³.

Кратковременные экстремные политические события. Эти политические события имеют неожиданный характер (чрезвычайные ситуации, неожиданные кадровые отставки и назначения, возникающие политические конфликты). Их продолжительность может охватывать 1–3 месяца. Такие события могут освещаться по нескольким схемам, исходя из их различной динамики.

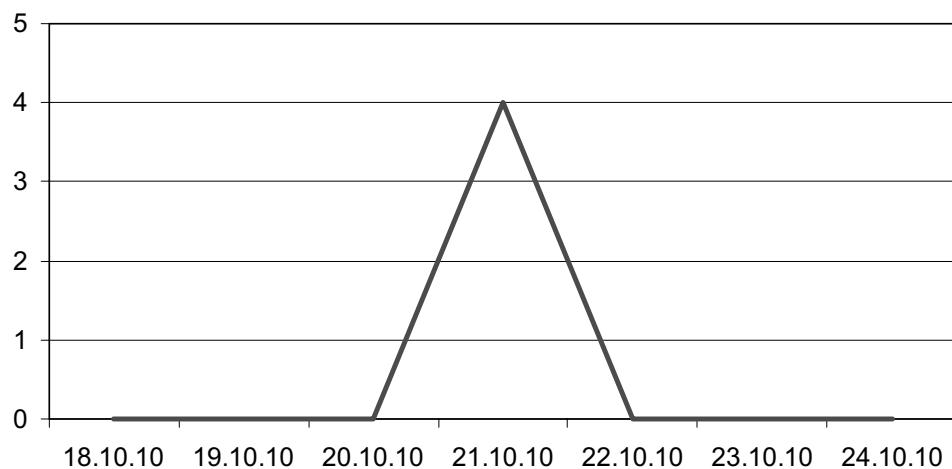

Рис. 1. Динамика освещения информационными агентствами рабочей встречи Р. Хамитова с президентом РФ Д. Медведевым 21.10.2010 г. в Москве

³ Та же тенденция может наблюдаться и при освещении политического события одной новостной лентой. Например, при освещении первой рабочей поездки Р. Хамитова в качестве главы региона в Чишминский район 12.08.2010 г. на ленте ИА «Башинформ».

Последовательность действий в рамках первой схемы проходит в следующем порядке: рост интереса к событию достигается в день, когда оно происходит, или в течение нескольких последующих дней после того, как оно уже произошло; снижение интереса к событию в последующий период чередуется с ростом внимания к нему, вызванным второстепенными событиями в рамках произошедшего большого события; окончание события достигается тогда, когда разрешается основная проблемная ситуация.

В качестве примера подобного освещения можно упомянуть взрыв на военном складе боеприпасов в пос. Урман Иглинского района 26 мая 2011 г.⁴ На рис. 2 мы можем видеть, что освещение данного события укладывается в описанную выше схему. Максимальное количество сообщений, касающихся данной чрезвычайной ситуации, относится к периоду с 26 по 29 мая (26 мая – 14 сообщений, 27 мая – 15, 28 мая – 6). В течение нескольких месяцев, с конца мая по начало августа, периоды снижения интереса к произошедшему событию чередовались с периодами роста интереса к нему. Так, на рис. 2, мы можем видеть в данный период три небольших скачка (резкого роста интереса к событию), которые происходят хронологически в следующей последовательности: 6 июня – проводится оперативное совещание под председательством премьер-министра А. Илимбетова, на котором обсуждается ход ремонтно-восстановительных работ в пос. Урман (4 сообщения); 21 июня – предпринимается рабочая поездка главы региона Р. Хамитова, в рамках которой оцениваются ход ремонта и состояние пострадавших объектов (6 сообщений); 6 августа – глава

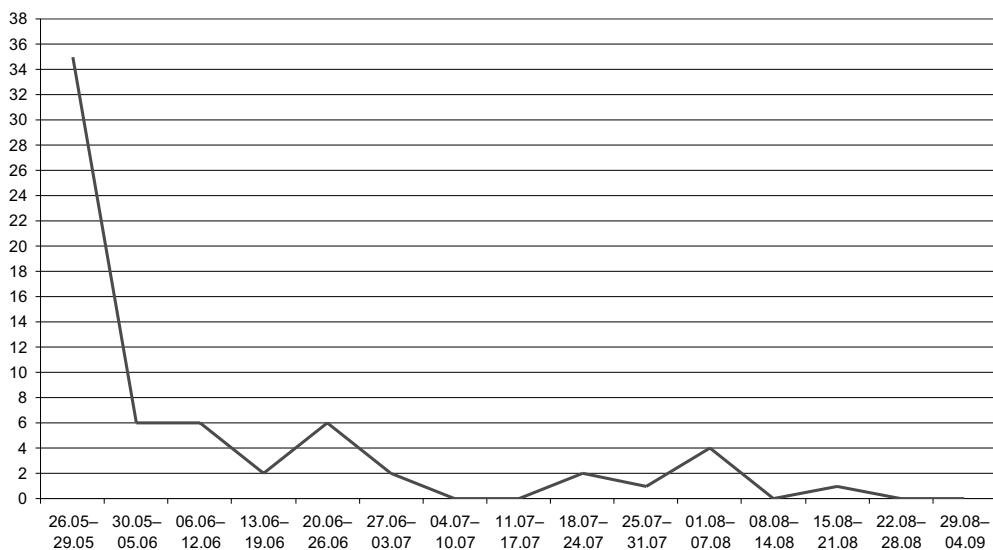

Рис. 2. Динамика освещения информационными агентствами ЧП в пос. Урман

⁴ Конечно, данное событие не имеет ярко выраженного политического характера, однако в процессе устранения его последствий могли проявиться как позитивные, так и негативные тенденции в оценке населением действий руководства региона. А это подразумевает политический подтекст данного происшествия.

региона Р. Хамитов вручает ключи от новых квартир в рамках очередной рабочей поездки в пострадавший пос. Урман (3 сообщения). После 6 августа интерес к событию затухает, а сообщения о нем становятся эпизодичными и имеют косвенный характер.

Вторая схема освещения имеет определенные отличия от первой: событие-триггер [1, 314]⁵ освещается меньше, чем ряд последующих, но вытекающих из него событий. На рис. 3 показана динамика освещения разногласий между руководством региона и руководством партии «Единая Россия» в июне 2009 г. Событие-триггер, послужившее началом развития конфликтной ситуации, — интервью главы региона газете «Московский комсомолец» 5 июня, где подверглась критике политика, проводимая правящей партией, — было освещено хуже по сравнению с предыдущими событиями (5 июня было размещено 5 сообщений). На рис. 3 мы можем видеть, что два последующих роста количества сообщений приходятся на 11 июня — основной день проведения Ассамблеи народов Республики Башкортостан (13 сообщений) и на 19 июня — визит в республику первого заместителя руководителя Администрации президента РФ В. Суркова (12 сообщений). После 19 июня интерес к ситуации снижается и ее освещение прекращается.

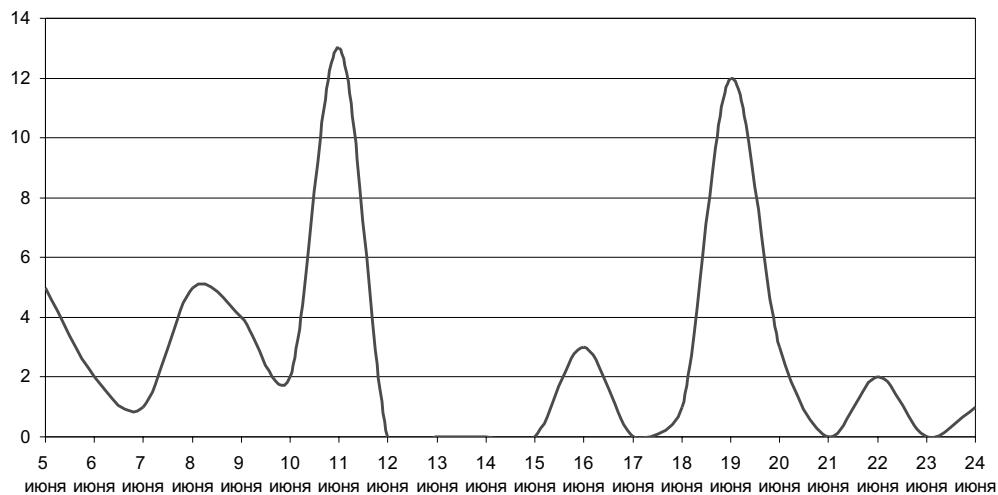

Рис. 3. Динамика освещения информационными агентствами разногласий между руководством региона и руководством партии «Единая Россия»

Можно выделить и третью схему освещения кратковременных экстренных политических событий. В данном случае главному событию предшествует череда кратковременных событий, подготавливающих основу для его осуществления в будущем. По его завершении происходит резкий всплеск внимания к событию (начинается освещение главного события). В последующем характер освещения

⁵ Событие-триггер — событие, запускающее механизм для развития последующей ситуации.

события продолжает оставаться скачкообразным, т. е. рост количества сообщений о нем чередуется с их снижением. Заканчивается глобальное событие тогда, когда завершается последнее из связанного с ним логически, более мелкое событие. Примером реализации данной схемы может служить освещение заключительного этапа процесса смены руководства региона в июле 2010 г.⁶ В этом процессе можно выделить несколько фаз (рис. 4): подготовительную (последующие дни после проведения Всемирного Курултая башкир в июне до 15 июля — даты встречи главы региона с президентом РФ Д. Медведевым); отставка М. Рахимова, назначение временно исполняющего обязанности главы региона Р. Хамитова и его последующее утверждение местным парламентом в качестве главы региона (15–19 июля); обозначение контуров политики нового главы региона и формирование нового республиканского правительства (19 июля — 5 августа).

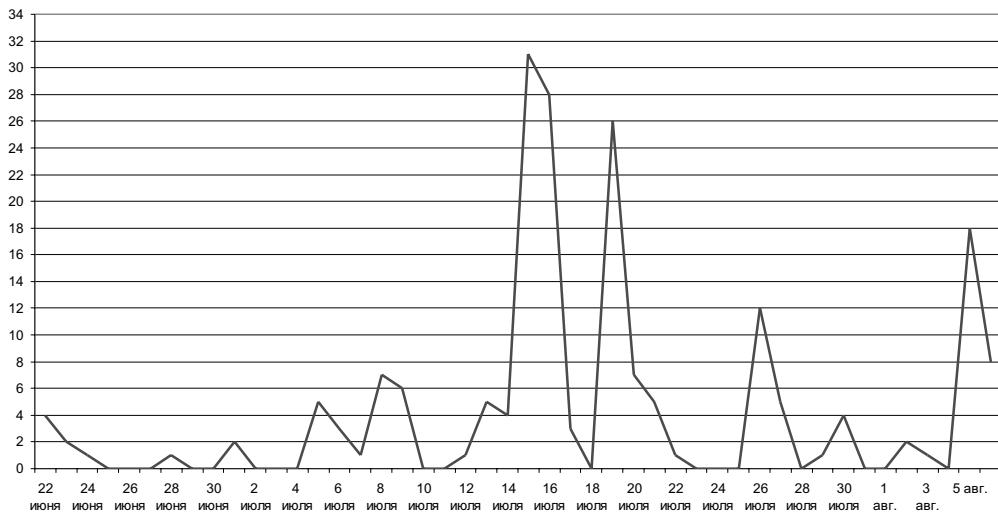

Рис. 4. Динамика освещения информационными агентствами смены руководства региона и проявление контуров новой политики

Подготовительная фаза характеризуется сочетанием спадов и подъемов интереса к событию. Наиболее значимыми оказались периоды, когда обозначились три пика роста количества сообщений по этой теме: 5–6 июля — глава региона подает в суд на телеканал НТВ, последующая реакция региональной общественности на рост количества «клеветнических репортажей» о руководстве региона в федеральных средствах массовой информации (8 сообщений); 8 июля — сложение депутатских полномочий У. Рахимовым (7 сообщений); 13 июля — начало консультации с федеральным центром по поводу возможных кандидатур на пост руководителя республики (5 сообщений). На вторую

⁶ Это событие можно рассматривать как составную часть более глобального процесса — обновления губернаторского корпуса в России, начавшегося с отставки Э. Росселя с поста губернатора Свердловской области осенью 2009 г.

фазу — процедуру смены руководства региона — приходится три максимальных пиковых значения данного события: 15 июля — отставка М. Рахимова и назначение временно исполняющего обязанности главы региона (31 сообщение); 16–17 июля — представление Р. Хамитова правительству региона и формирование списка претендентов на пост главы региона (28 сообщений); 19 июля — утверждение Р. Хамитова местным парламентом в качестве нового главы региона (26 сообщений). Третья, завершающая фаза включает два основных пиковых значения процесса смены руководства региона: 26 июля — награждение М. Рахимова государственной наградой РФ и публикация личных оценок иных лиц о контурах новой кадровой политики (12 сообщений); 5 августа — формирование нового состава правительства региона (18 сообщений). В последующем данное политическое событие плавно перетекает в иную плоскость: на новостных лентах публикуется описание содержания первых шагов нового руководителя региона, и на этом оно логически завершается.

Долговременные стандартные политические события. Как и в случае с кратковременными стандартными политическими событиями, данные события планируются заранее и осуществляются в установленные сроки (подготовка к выборной кампании в Государственную думу РФ). Схема, по которой реализуется освещение данного события, выглядит следующим образом: вначале происходит событие, запускающее более глобальное событие; в последующий период происходит постепенный рост интереса к нему, проявляющийся скачкообразно, т. е. когда рост сочетается с уменьшением количества сообщений; ситуация изменяется ближе к главному событию, когда количество сообщений о нем начинает постепенно возрастать, а их пик приходится на дату основного события и несколько последующих дней; затем происходит постепенное снижение интереса к уже произошедшему событию с постепенным угасанием внимания к нему. Примером может служить выборная кампания в Государственную думу РФ 2011 г., разворачивавшаяся в регионе (рис. 5). Протяженность кампании составила более семи месяцев. Ее началом можно считать 27 мая, когда премьер-министр РФ В. Путин объявил о создании Общероссийского народного фронта (1 сообщение). В период с июня по октябрь количество сообщений, касающихся упомянутой выборной кампании, выросло в четыре раза.

Соответствующий рост внимания к событию был зафиксирован в следующие временные промежутки: пики — 3 июня, когда начинает работу отчетно-выборная конференция Башкортостанского регионального отделения партии «Единая Россия» (5 сообщений); 15 июля, когда глава региона Р. Хамитов проводит совещание с участием кандидатов для участия в общенародном голосовании (праймериз) (с 15 по 20 июля — 6 сообщений); 4–10 августа, когда проходит серия праймериз в регионе (7 сообщений); 14 сентября, когда начинается второй этап конференции Башкортостанского регионального отделения партии «Единая Россия» (5 сообщений). С середины ноября количество сообщений начинает еще более возрастать. Пик наблюдается в период с 5 по 10 декабря (18 сообщений), когда становятся известными первые результаты прошедших выборов и появляется первая реакция на них со стороны различных

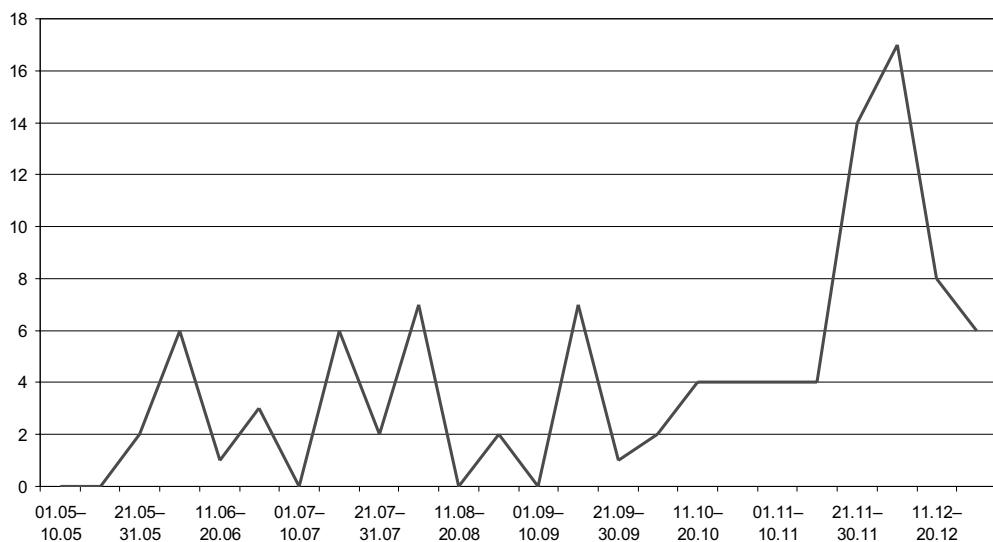

Рис. 5. Динамика освещения информационными агентствами предвыборной кампании в РБ по выборам депутатов Государственной думы РФ 2011 г.

групп общества. Наконец, в последние дни, вплоть до конца декабря, происходит постепенное снижение количества сообщений о событии⁷.

Долговременные экстренные политические события. Данные события носят экстраординарный характер и могут развиваться в течение продолжительного периода (отставки и назначения в органах государственной власти, политические конфликты). Подобные события могут освещаться по следующей схеме: в день главного события на лентах публикуется максимальное количество сообщений; затем в течение продолжительного периода максимальное количество сообщений чередуется с их снижением; наконец, в заключительный отрезок внимание к событию угасает и событие завершается. На рис. 6 показана динамика освещения хода отставки руководителя администрации главы региона Р. Хабирова и последующего развития конфликтной ситуации между региональной и федеральной властью.

В самом начале заметны два пиковых значения, приходящихся на 23 июня, — временное отстранение от обязанностей Р. Хабирова (13 сообщений) и на период с 7 по 13 июля — начало судебных разбирательств после окончательного снятия его с должности и исключение из партии «Единая Россия» (15 сообщений). Далее снижение интереса к событию чередуется с ростом интереса к последствиям главного события, которые приходятся на следующие временные отрезки: 21–27 июля — начало судебных разбирательств по иску Р. Хабирова к главе региона и проведение совещания под председательством главы региона, посвященное кадровым вопросам и эффективности деятельности государствен-

⁷ Дальнейшее развитие ситуации, связанное с ростом протестного движения под лозунгом «За честные выборы» в первые месяцы 2012 г., не вошло в наш анализ. Однако характер развития ситуации подсказывает, что данный процесс будет гораздо более долговременным, чем предполагалось ранее.

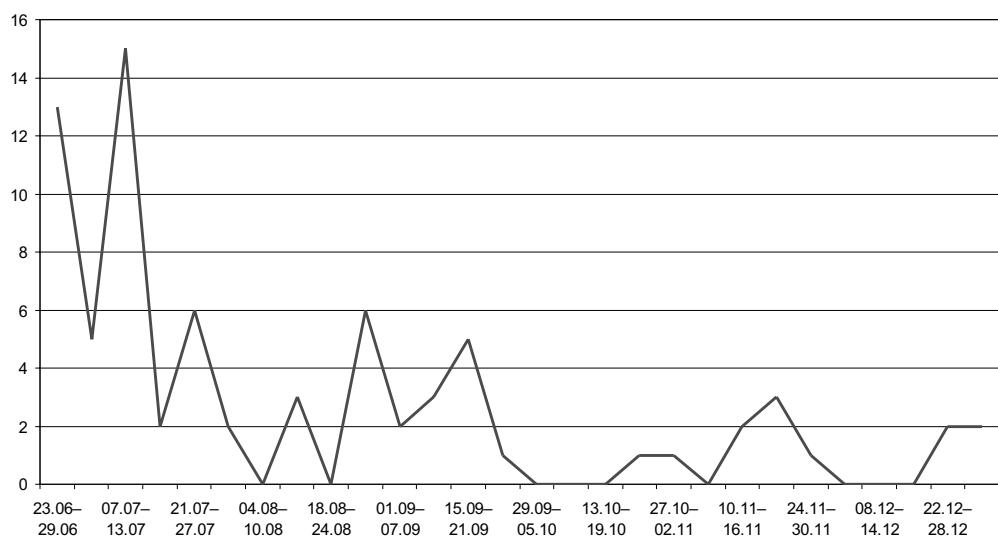

Рис. 6. Динамика освещения информационными агентствами отставки руководителя администрации главы региона Р. Хабирова

ных и муниципальных служащих, на котором пример Р. Хабирова был охарактеризован отрицательно (6 сообщений); 25–31 августа – возбуждение Следственным управлением МВД по РБ уголовного дела о взяточничестве в отношении экс-главы администрации; назначение Р. Хабирова главой департамента по взаимодействию с Федеральным собранием и политическими партиями Управления Президента РФ по внутренней политике (УПВП); повторное исключение Р. Хабирова политсоветом Башкортостанского регионального отделения партии «Единая Россия» из рядов партии (6 сообщений); 15–21 сентября – опубликование указа главы региона о дополнительных мерах по противодействию коррупции в республике; прошение партии ЛДПР в адрес Генеральной прокуратуры РФ о защите от преследования своего активиста в регионе и от давления местных следственных органов с целью дачи ложных показаний против Р. Хабирова (5 сообщений).

Период с октября по декабрь также чередуется снижением интереса к данной конфликтной ситуации и выражается в наличии одного пикового значения. Впрочем, в этом случае максимальное значение гораздо ниже и соответствующий пик в освещении новостными лентами приходится на 17–23 ноября, когда публикуется ряд косвенных упоминаний о конфликтной ситуации в контексте более глобальных событий, связанных с разногласиями между уровнями государственной власти (3 сообщения). В конце декабря конфликтная ситуация завершается: 26 декабря Кировский райсуд Уфы удовлетворил иск Р. Хабирова к главе региона с решением об отмене начальной формулировки увольнения.

Таким образом, проведенный анализ политических событий различного характера с участием руководства региона, в зависимости от сочетания двух ключевых критериев – продолжительности и характера, позволяет выделить четыре типа событий, освещавшихся новостными лентами.

Стандартные политические события, как кратковременные, так и долговременные, планируются заранее и осуществляются в намеченные сроки. Разница между ними заключается в их продолжительности: первое кратковременно, второе долговременно.

Экстремные политические события также объединяет общее свойство: их неожиданное проявление. В зависимости от продолжительности они могут быть как кратковременными, так и долговременными. Причем в освещении кратковременных экстремных политических событий могут использоваться три схемы освещения: во-первых, когда главному событию уделяется максимальное внимание по сравнению с последующими; во-вторых, когда главному событию уделяется меньшее внимание, чем ряду последующих за ним, не менее важных событий; в-третьих, когда главному событию предшествует подготовительная фаза, являющаяся основой для реализации главного события.

В конечном счете освещение политического события может зависеть от двух важнейших обстоятельств: характера и динамики события и характера его освещения определенной новостной лентой. Если учитывать эти две особенности, то можно получить достаточно объективное представление о происходящем.

-
1. Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование : учеб. пособие. М., 2006.
 2. Иванов А. С. Применение методики контент-анализа в сообщениях информационных агентств // Вестн. БашГУ. 2010. № 2.
 3. Мамонов М. В. Информационная политика и измерение общественного мнения // Полит. исслед. 2011. № 5.
 4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2003.
 5. Сморгунов Л. В. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии // Полит. исслед. 2011. № 1.
 6. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения / пер. с англ. А. А. Петровой. М., 2004.

Рукопись поступила в редакцию 18 мая 2012 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

АСТАХОВ Александр Зиновьевич — аспирант кафедры социологии и психологии Гуманитарного института Уральского государственного экономического университета. E-mail: syoo.usue@yandex.ru

ГЕРТ Валерий Александрович — доцент кафедры социальной педагогики Института социального образования Уральского государственного педагогического университета, кандидат философских наук. E-mail: valeragert@gmail.com

ГРУНТ Елена Викторовна — профессор кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

ЕВТЮХОВ Сергей Аркадьевич — доцент кафедры химии и процессов горения Уральского института Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат технических наук. E-mail: evtukhov@inbox.ru

ЗВИРЕВИЧ Витольд Титович — профессор кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. В 1962 г. окончил исторический факультет Уральского государственного университета, в 1975-м защитил кандидатскую («Цицерон как историк философии»), а в 1998-м — докторскую («Типология античных концепций человека») диссертации. Исследует проблемы античной и средневековой философии. Автор более 40 научных и учебно-методических работ, в том числе монографии «Цицерон — философ и историк философии» и учебника «Философия Древнего мира и Средних веков». E-mail: philosophy7@mail.ru

ИВАНОВ Александр Сергеевич — ведущий научный сотрудник отдела государственной и муниципальной службы Научно-исследовательского центра проблем управления и государственной службы Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, кандидат политических наук. E-mail: fijnoord@yandex.ru

ИСМАГИЛОВА Файруза Салихджановна — профессор кафедры общей психологии и психологии личности департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор психологических наук. E-mail: ismagilova.f@gmail.com

КЕРИМОВ Александр Алиевич — доцент кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: Kerimov68@mail.ru

КОЖЕВНИКОВ Олег Викторович — старший преподаватель кафедры эконометрики и статистики Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета, кандидат экономических наук. E-mail: ovk.75@mail.ru

КОЛОМИЕЦ Глеб Геннадиевич — аспирант кафедры философии Смоленского государственного университета. E-mail: ardor@list.ru

КУЗУБОВА Тамара Сергеевна — профессор кафедры философии Института фундаментального образования Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: tamara.kuzubova@mail.ru

ЛИЦУК Жанна Викторовна — старший преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории гуманитарного факультета Нижневартовского государственного гуманитарного университета. E-mail: ya.ob29@yandex.ru

МАКАРОВА Лариса Вениаминовна — директор по реабилитации Общественного реабилитационного центра автономной некоммерческой организации научно-практического социально-педагогического объединения «Благое дело», соискатель кафедры общей психологии и психологии личности департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор психологических наук. E-mail: makarova_1211@mail.ru

МУРАТИШИНА Ксения Геннадьевна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — ассистент кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

НЕЧАЕВ Андрей Александрович — кандидат философских наук. E-mail: na76@yandex.ru

ПОПОВ Валерий Германович — профессор, советник при ректорате Уральского федерального университета, доктор социологических наук. E-mail: valery54-popov@yandex.ru

СОБОЛЕВ Андрей Олегович — начальник управления внешнеэкономической деятельности и инвестиций Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, соискатель кафедры мировой экономики Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета. E-mail: sobolev@gov66.ru

ТЕМКИНА Ирина Михайловна — профессор кафедры мировой экономики Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета, кандидат экономических наук. E-mail: sobolev@gov66.ru

ТРИФОНОВ Евгений Васильевич — доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов Норильского индустриального института, кандидат экономических наук. E-mail: evgeni.trifonov@mail.ru

ШЕКУНОВА Татьяна Владимировна — специалист Центра развития партнерства Уральского федерального университета, аспирант кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: shekunova_t@mail.ru

SUMMARY

SOCIAL PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

<i>Kolomiets G. G.</i> Special Features of models of «Social machines» in Deleuze and Guattari's materialistic psychiatry	5
---	---

The article deals with materialistic psychiatry as philosophy of consciousness and its special features ascertained by comparison with similar philosophical concepts. Examination of historical forms of social unconsciousness and consciousness proposed by G. Deleuze and F. Guattari is the base for revelation of special features of shizoanalysis.

Key words: Gilles Deleuze, Felix Guattari, materialistic psychiatry, schizoanalysis, social consciousness and unconsciousness.

<i>Grunt E. V.</i> Law culture of Russian students: sociological measuring	16
--	----

The article is devoted to the problem of theoretical analyses «person's law culture». The author suggests typological analyses to the law culture of Russian students.

Key words: law, culture, law culture, student's law culture, typological analyses.

PHILOSOPHY OF POLICY AND POLITICAL SCIENCE

<i>Astakhov A. Z., Popov V. G.</i> The Ratio of «political representation» and «political delegation»in the context of classical sociology of politics	24
--	----

Describes a problem in the ratio of «political representation and political delegation» in the context of classical sociology policy (P. Bourdieu, T. Parsons, N. Smelser, E. Vyatka etc.). Identified differences in political representation and political delegation as multi functioning democratic system of power relations. The main functions of the system of political representation: articulation and integration of political interests, aggregate and inform political groups.

Key words: political representation, social Noe Mission, a political delegation of political representation, social interaction, a political delegation, a social entity, group interests, political representation, the system of power relations.

<i>Kerimov A. A.</i> The specificity for different forms of parliamentary government	32
--	----

The article is devoted to studying the role and importance in various forms of parliamentary government. The mechanism of relation between the parliament and the executive branch under the principle of separation of powers and legislative process.

Key words: parliament, the parliamentary system, the monarchy, the republican form of government.

<i>Muhametov R. S.</i> The problem of Russian-Chinese relations at the present stage.....	39
---	----

This article attempts to single out the tensions that exist in Sino-Russian relations. Much attention is paid to military and technical cooperation. The author shared the idea that China's alleged reverse-engineering of Russian technology is a source of tension between Moscow and Beijing. The author points out that the two countries have competition for influence in Eurasia, for Central Asian oil and gas supplies.

Key words: military and technical cooperation, Russia, China, Central Asia.

<i>Muratshina K. G.</i> The opportunities and limits to Russian-Chinese regional cooperation	46
--	----

The global financial crisis put forward the regional cooperation as one of the key aspects of Russian-Chinese partnership. The author analyses the regional interaction of the two countries on the basis of diplomatic documents and joint plans, mainly the 2009–2018 regional cooperation Programme.

Key words: RF, PRC, strategic partnership, regional cooperation.

PHILOSOPHY OF ECONOMICS AND ECONOMIC SCIENCE

<i>Kozhevnikov O. V., Evtukhov S. A.</i> The role of mergers and acquisitions processes in globalization of world economy	57
---	----

Based on the available literature data the one of the most common ways to quickly enter the market – mergers and acquisitions (M&A – from the English «Mergers and Acquisitions») has been described from the historical point of view. The position of the M&A processes in the globalization of economy has been analyzed.

Key words: mergers and acquisitions, historical aspects, monopoly, globalization.

<i>Trifonov E. V.</i> Democratization of the municipal property	68
---	----

Democratization of the municipal property represents a new direction of research of relations of the property. In article the democratic specification of the municipal property is defined. The municipal property as the joint property of the population of territory is a basis of formation of a civil society.

Key words: democratization of relations of the property, the municipal property, democratization of the municipal property, the municipal indivisible property, the municipal share property.

<i>Sobolev A. O., Temkina I. M.</i> Post-crisis development of the Russian foreign trade at the national and regional levels: a comparative analysis.....	77
---	----

The article examines the impact of the global crisis and ways to overcome them, examines the role of foreign trade in solving urgent socio-economic problems of modern Russia. A comparative analysis of the foreign trade of the Russian Federation at the national and regional levels for the last decade. As objects of research are Russia and Sverdlovsk oblast. There is particular importance to study during the entry of the Russian Federation to the World Trade Organization.

Key words: global crisis, global economic configuration, the international division of labor, national and regional levels of foreign trade, the defects of the Russia's foreign trade turnover, competitiveness – the main indicator of the economy.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY AND PSYCHOLOGY

<i>Gert V. A.</i> To ontology of personal identity	95
--	----

The article deals with difficulties of grounding ontology of personal identity. The author presents and discusses arguments of N. Gartman, V. Diltey, A. Kassirer, S. L. Rubinshtein, L. Feierbakh. Personal identity is proved via individual existence as co-existence, where another person is his necessary and compulsory structural component. It gives an opportunity to move processes of existence of self-realization of a person and development of his personal identity out of limits of a separate person to interaction with another person and realize centering of his identity not inside a person but inside co-existence.

Key words: personal identity, individual existence, co-existence, moving outside personal limits, contemporaneity of existence.

<i>Ismagilova F. S., Makarova L. V.</i> Labor market's barriers as the obstacle for professional integration of disabled persons	103
Physical and relational «barriers» determining the conflict of disabled persons with the environment in the labour market are considered in the article. Cultural, social and political determinants of formation of «barrier» environment preventing disabled persons from professional integrating are exposed.	

Key words: disability, physical and relational barriers, culture of usefulness, culture of dignity, medical pattern of disability, policy of disability, conflict with environment.

AESTETICS AND CULTUROLOGY

<i>Litzuk J. V.</i> Silver Age in memoirs and autobiographies of contemporaries	112
In article view memoirs and autobiographies as sources for culture and philosophical analysis of history Silver Age. Author, show in culture and social factors of the development genre of memoirs and autobiography in Russia, investigate as in memoirs of figure Silver Age repel the characteristic feature of time.	

Key words: history of Russian culture and philosophy the close of the XIX – the beginning of the XX century.

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Kuzubova T. S.</i> Russian variations for the Nietzsche's project of culture	127
The article discusses the transformation of the Nietzsche's motives in projects of cultural figures of the Russian Renaissance, carries out a comparative analysis of the philosophical bases of projects of cultural transformation, proposed by the Russian symbolists, on the one hand, and the existential philosophers, on the other.	

Key words: Russian renaissance, crisis of culture, «impure conscience», philosopher-artist, philosophy of becoming, dionisiyvstvo, Christianity, symbolism, phenomenism, «eros of transcendent form», new religious consciousness, existential philosophy, the immanent and the transcendent.

<i>Nechaev A. A.</i> On the concept of attention in Husserl's Ideas-I	138
This article deals with the concept of attention in Husserl's «Ideas pertaining to a pure phenomenology and a phenomenological philosophy» (Ideas-I, 1913). Places related to the topic were found and described. Husserl's understanding of relation between attention and intentionality was studied. This relation can be preliminary described as subordination: attention is characteristic of cogito in actual modality, which shares the volume of intentionality with cogito in inactual modality. Roughly speaking we can mark this relation as relation between directedness-to and heeding-upon. Then incomplete identity of actuality and attention is revealed (§ 37). Marking attention as modality and function (§ 92) Husserl relates it to psychological (not pure phenomenological) level.	

Key words: attention, intentionality, noesis, noema, actual and potential positings, seizing upon, singling out, advertence, picking out, free turning of regard, attentional changes, mental regard, ray of regard.

TRANSLATIONS

<i>Dion Chrysostom</i> About imperial power (translated V. Zvirevicha)	147
The first translation into Russian language speech, Dion Chrysostoma, which instructs Emperor Trajan, showing the true opposite of monarchical power and tyrannical. In the spirit of kinik's philosophy patron fair rulers submitted to Heracles.	

Key words: the imperial power (monarchist) tyrannical power.

SCIENTIFIC REPORTS

Shekunova T. V. Marxist interpretation of Russian philosophy of the VIII century 160

In article the Marxist assessment of philosophical views of Russian philosophers of the XVIII century of M. V. Lomonosov, A. N. Radishchev, G. S. Skovoroda presented in articles, placed in the magazine «Under a Marxism banner» is analyzed.

Key words: M. V. Lomonosov, A. N. Radishchev, G. S. Skovoroda, materialism, science, natural sciences, gnoseology, historiography.

Ivanov A. S. The interpretation of main types of the political events in Bashkortostan Republic since 2008–2011: the monitoring experience of news tape russian information agencies 168

The monitoring results of political events in Bashkortostan Republic since 2008–2011 are considered in this article. The analyses are subjected to news tapes of Russian information agency since 2008–2011. There are two key criterions in categorization of political event: length and nature. As a result of their combinations author considers four different types of the interpretation of political event, happened in Bashkortostan Republic in 2008–2011, with the participation of the high representatives of the regional executive authorities, which are consecutively analysed in this material.

Key words: monitoring, regional executive power, information agency, Bashkortostan Republic, political event, dynamic, the interpretation of political events.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
2012. № 3 (106)

Серия 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 12.09.2012. Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$.
Уч.-изд. л. 14,73. Усл. печ. л. 15,5. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ 2042.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
 - зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации serialных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2291;
 - включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по *философии, социологии, политологии, культурологии, психологии, международным отношениям* Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
 - включен в Объединенный подписной каталог «Прессы России». Подписной индекс 82415.
- Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://proceedings.usu.ru>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@usu.ru) и лично автором (на CD-диске) представляются авторский текст (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи (в двух экземплярах).
2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).
3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устраниТЬ до передачи текста на рецензирование.
4. Автор пересыпает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
5. При одобрении рукописи рецензентами и редакколлегией редакция сообщает об этом автору и пересыпает автору, не состоящему в штате УрФУ, электронной почтой реквизиты УрФУ для частичного возмещения расходов на рецензирование, научное, литературное, техническое редактирование и тиражирование материала, пересылку авторского экземпляра по почте и т. д. Плата с аспирантов очной формы обучения не взимается.
6. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:
 - а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество – полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.
- Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук – философских, социологических, политологических, культурологических или экономических – они выступают соискателями ученого звания;
- б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

- в) заголовок статьи на русском языке;
- г) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95);
- д) ключевые слова по исследуемой проблеме;
- е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;
- ж) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;
- з) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на соборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г.

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru>

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907.

Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru>

.....

21. *Шацкло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] – означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] – первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) – на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общезвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу*.

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна*. Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: izvestia_3@usu.ru

АНКЕТА СТАТЬИ

ФИО автора 1 (полностью)	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
ФИО автора 2 (полностью)	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	
На английском языке:	
Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	